

ВОСПОМИНАНІЯ И ДУМЫ

Н. П. КОНДАКОВА

SEMINARIUM KONDAKOVIANUM

PRAGUE 1927

ПРЕДИСЛОВІЕ

„Воспоминанія и Думы“ Н. П. Кондакова печатаются въ томъ самомъ видѣ, какъ остались среди бумагъ Никодима Павловича (исключены лишь немногія фразы, гдѣ рѣчь идетъ о лицахъ нынѣ здравствующихъ, а также нѣсколько строкъ, помѣщеніе которыхъ въ печати редакція, считаясь съ настроеніями Никодима Павловича за послѣдніе годы его жизни, считала пока несвоевременнымъ; пропуски всюду оговорены въ примѣчаніяхъ).

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что сохранившійся текстъ „Воспоминаній и Думъ“ Никодима Павловича — не рукопись автора, а запись на машинкѣ подъ его диктовку.

Въ какой моментъ жизни и при какихъ условіяхъ Никодимъ Павловичъ диктовалъ эти свои воспоминанія — рассказано въ печатаемой ниже замѣткѣ С. Н. Кондакова.

Желчный порою и горькій тонъ воспоминаній отчасти объясняется именно этими условіями...

Свѣрку корректуръ печатаемаго текста съ подлинной записью Воспоминаній Никодима Павловича любезно взялъ на себя С. Н. Кондаковъ. Въ распоряженіи редакціи находилась лишь переданная С. Н. Кондаковымъ копія подлинной записи.

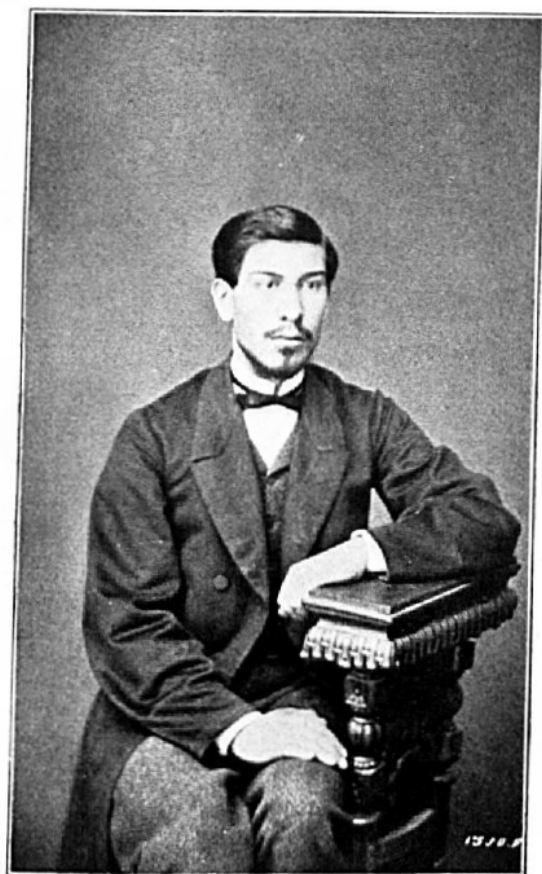
Редакціонный комитетъ.

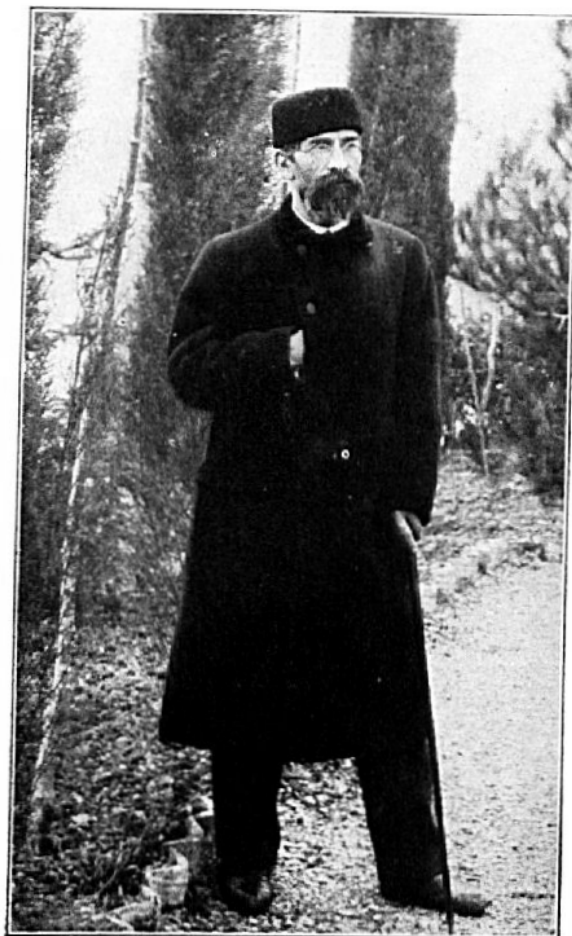
1864 г.

1868 г.

1869 г.

1896 г

Н. П. Кондаковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ НИКОДИМА ПАВЛОВИЧА КОНДАКОВА

Среди бумаг покойного академика Н. П. Кондакова сохранились начатыя имъ весной 1919 года въ Одессѣ воспоминанія о прожитой жизни. Въ эту тяжелую годину, вынужденный на время прекратить чтеніе лекцій въ университетѣ, находясь подъ угрозой постоянныхъ обысковъ и даже ареста, со всѣми его тяжелыми послѣдствіями для 74-лѣтняго старика, онъ рѣшилъ оглянуться на свое прошлое и уйти въ него отъ дѣйствительности.

Долгая, интересная, трудовая жизнь выдающагося ученаго, протекавшая при четырехъ русскихъ царяхъ, дала обширный матеріалъ для его остраго, все воспринимавшаго ума и тонкой наблюдательности.

Къ сожалѣнію воспоминанія его не доведены до конца и охватываютъ лишь дѣтство и юность, проведенныя въ Москвѣ, и начало профессуры въ Новороссійскомъ университетѣ. А между тѣмъ болѣе яркій періодъ его жизни и дѣятельности относится къ концу 80-хъ годовъ, когда, перѣхавъ въ Петербургъ, онъ нашелъ тамъ широкое поле для своей кипучей энергіи и разностороннихъ интересовъ. Никодиму Павловичу былъ не только чуждъ, но даже органически непреносимъ тотъ ученый педантизмъ, въ которомъ зачастую, и не безъ основанія, упрекаютъ профессоровъ. Наоборотъ, въ его натурѣ была большая скромность, порою граничившая даже съ какой то застѣнчивостью, которая удерживала его отъ людей. Но они сами шли къ нему, привлекаемые или научными интересами, или просто возможностью быть въ его обществѣ всегда интересномъ и поучительномъ, и людей онъ видѣлъ и зналъ великое множество и притомъ самыхъ разнообразныхъ классовъ и положеній.

Предоставленный въ дѣтствѣ самому себѣ, онъ бѣгалъ по всей Москвѣ съ уличными мальчишками, вертѣлся въ домѣ среди дворовыхъ и отсюда знаніе и тонкія, психологическія наблюденія надъ простымъ людомъ. Позже онъ имѣлъ случай ихъ пополнить, живя на раскопкахъ въ Керчи и на Тамани среди рабочихъ и казаковъ. Университетскіе годы свели его съ такими сверстниками, какъ Ключевскій, Кирпичниковъ, Коршъ, Гиляровъ, Герье и др. Затѣмъ огромный матеріалъ дали годы учительства: сотни молодыхъ людей проходили передъ его глазами, и это все была будущая интеллигенція. Профессорство и постоянныя путешествія тоже обогащали его наблюдательность.

Выдающаяся научная дѣятельность Никодима Павловича рано обратила на себя вниманіе самыхъ верховъ общества, и отсюда личное и долголѣтнее знакомство Н. П. съ великими князьями. Первымъ по времени былъ в. кн. Константинъ Николаевичъ, котораго онъ очень цѣнилъ за умъ и тонкость сужденій. Встрѣча эта относится къ 1882 г. когда Н. П. путешествовалъ по Италіи, специально изучая итальянскую миниатюру. Трудъ этотъ, къ сожалѣнію, не былъ законченъ, но онъ часто вспоминалъ о немъ и послѣднее время, уже за границей, думалъ обработать рукопись, которую вывезъ изъ Россіи. И такъ, живя въ ту пору въ Римѣ, онъ ежедневно занимался въ Ватиканѣ, подбирая нужный матеріалъ. Случайно встрѣтившись съ извѣстнымъ историкомъ Бестужевымъ-Рюминымъ сопровождавшимъ великаго князя, онъ разговорился о своей работѣ. Зная интересъ августѣйшаго путешественника къ искусству, Бестужевъ сообщилъ ему о молодомъ русскомъ ученомъ, вслѣдствіе чего послѣдовало приглашеніе Н. П. къ обѣду.

„Войдя и поздоровавшись со свойственной ему отрывистой манерой, в. князь воззрился, рассказываетъ Н. П., на мои волосы.

— Почему черный? Да вы русскій?

— Считаю себя таковымъ, отвѣтилъ слегка опѣшившій Н. П.

— Русскихъ не бываетъ съ такими черными волосами.

— Я съ юга, родомъ изъ Курской губ., возможна примѣсь“.

Такъ состоялось знакомство, которое не прерывалось и въ Россіи. Живя у себя въ Ореандѣ, въ маленькомъ „адмиральскомъ домикѣ“, в. князь задумалъ выстроить церковь и зачастую приглашалъ Н. П. къ завтраку, совѣтуясь объ архитектурѣ и внутреннемъ убранствѣ. По совѣту Н. П. церковь была построена въ стилѣ грузинскихъ храмовъ, а мозаика заказана въ Венеціи. Позже въ Петербургѣ Н. П. часто встрѣчался съ в. к. Владиміромъ Александровичемъ съ которымъ приходилось работать по дѣламъ реформы Академіи Художествъ, Константиномъ Константиновичемъ, какъ президентомъ Академіи Наукъ, Петромъ Николаевичемъ какъ любителемъ русской старины и архитектуры, принимавшимъ близкое участіе въ реставраціи Бахчисарайскаго дворца, а послѣднее время съ Николаемъ Николаевичемъ, увлекавшимся наряду съ фарфоромъ и древней русской иконой.

Такимъ образомъ, начиная съ низовъ и кончая верхами общества, Н. П. имѣлъ огромный опытъ для наблюденія и изученія русскаго человѣка. Къ этому нужно прибавить, что хотя онъ постоянно находилъ поводы и случаи указывать на наши недостатки и, по горячности своей натуры, иногда (какъ и въ этихъ воспоминаніяхъ своихъ) высказывалъ даже горькія сожалѣнія — зачѣмъ родился въ Россіи, онъ все же былъ до мозга костей русскимъ человѣкомъ и притомъ глубокимъ русскимъ патриотомъ въ лучшемъ значеніи этого слова, дорожившимъ и стремившимся къ чести и славѣ родины. Живя уже за границей и стараясь уйти въ окружающую обстановку и интересы, чтобы не такъ остро чувствовать боль изгнанія, онъ не переставалъ внимательно слѣдить за ходомъ русскихъ дѣлъ тамъ, за рубежомъ и съ грустью иногда говорилъ, что Россіи ему больше не видѣть. Легко переносясь, благодаря своей исключительной памяти, въ далекое прошлое, онъ художественно рисовалъ цѣлыя картины минувшаго, въ которыхъ, подъ нѣсколькими мѣткими штрихами, вставали какъ живые давно уже ушедшіе на вѣчный покой его современники или обрисовывались цѣлыя событія.

Вторую половину 17-го года Н. П. прожилъ въ Ялтѣ у себя въ домѣ, продолжая работать надъ II томомъ Русской иконы и торопясь его закончить, хотя уже предвидѣлъ, что едва ли удастся опубликовать его въ Россіи. Съ каждымъ днемъ жизнь становилась все труднѣе. Какъ обычно было тогда, прежде всего стали исчезать припасы, все дорожало съ каждымъ днемъ, деньги быстро таяли, и пришлось начать продажу обстановки большой и нѣкогда хорошо обставленной дачи, гдѣ столько перебивало интересныхъ людей. Но, конечно, и этотъ ресурсъ скоро истощился, и приходилось думать о будущемъ. Тогда Н. П. рѣшилъ возвратиться въ Одессу, гдѣ скорѣе надѣялся найти средства къ существованію, и осенью того же года съ грустью покинулъ южный берегъ Крыма, чтобы болѣе туда никогда уже не вернуться.

Новороссійскій университетъ тотчасъ же пригласилъ Н. П., какъ своего почетнаго члена, читать лекціи, и снова зазвучалъ его голосъ въ стѣнахъ университета, гдѣ нѣкогда онъ начиналъ свою ученую дѣятельность.

Возможность опять пріобщиться къ академической жизни, читать лекціи, которыми хотя онъ и всегда тяготился, но къ которымъ имѣлъ долготѣнюю привычку, скрашивала ужась всеобщей разрухи. Оторванный отъ привычной обстановки, лишенный своей библіотеки, собранной съ такой любовью въ теченіе всей жизни, живя въ чужой квартирѣ, у гостепріимнаго (недавно скончавшагося) проф. И. А. Линниченка, Н. П. все же сохранялъ душевное равновѣсіе, удивительную для его возраста бодрость и продолжалъ живо всѣмъ интересоваться, переходя отъ научныхъ интересовъ къ политикѣ и даже житейскимъ мелочамъ.

По уходѣ нѣмцевъ въ ноябрѣ 18-го года Одессу оккупировали союзныя войска, вступившія въ контактъ съ новообразованными добровольческими организаціями. Казалось, жизнь начинаетъ принимать обычный видъ. Правда, изъ-за отсутствія топлива, университетъ на зимніе мѣсяцы пришлось закрыть, но Н. П. замѣнилъ лекціи бесѣдами у себя на дому съ избраннымъ кружкомъ своихъ слушателей, разбирая съ ними интересную тему — „о вліяніи французскаго средневѣковья на скульптуру порталовъ романскихъ церквей сѣв. и средней Италіи“ и продолжалъ работу надъ III томомъ Иконографіи. Весною союзныя войска приняли внезапное рѣшеніе покинуть югъ Россіи и въ частности Одессу. Произошло это въ самомъ началѣ апрѣля 1919 года. Нѣсколько дней, спѣшно грузясь, уходили военные транспорты увозя черныя войска; за ними потянулись батальоны грековъ, а въ хвостѣ — группы бѣженцевъ съ дѣтьми и наскоро собранными вещами; все это шло къ морю на пароходы. Заходили и къ Н. П. нѣкоторые знакомые, предлагая уѣхать если не за границу, то хотя бы въ Крымъ, но онъ, чувствуя

себя всегда далекимъ отъ политики и страхась въ ту пору неизвѣстной бѣженской жизни, рѣшилъ остаться въ Россіи. Онъ все надѣялся добраться до Петербурга къ своей библіотекѣ и работать тамъ, а если условія жизни не позволяютъ то выѣхать черезъ Швецію за границу.

Въ яркое весеннее утро 6 апрѣля ушли послѣднія суда союзныхъ войскъ, а вмѣстѣ съ ними и первая большая волна бѣженцевъ, покидала, сама того не предчувствуя, навсегда Россію.

Въ городѣ чувствовалась растерянность, опустошеніе и томленіе передъ неизвѣстностью надвигавшагося грознаго времени.

Какъ обычно по утру Н. П. сѣлъ за работу, но общее настроеніе передалось и ему; слышно было какъ онъ рветъ листъ за листомъ, не выдерживаетъ, встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ. Именно въ этотъ моментъ, подѣ влияніемъ чувства оторванности, у него и зародилась мысль подѣлиться съ будущими поколѣніями своими правдивыми воспоминаніями и переживаніями, съ одной стороны потому, что суровая дѣйствительность не позволитъ предаться романтизму, свойственному, по его словамъ, всѣмъ старикамъ, а съ другой, онъ видѣлъ въ нихъ уходъ хотя на нѣсколько часовъ отъ угнетающихъ мрачныхъ мыслей о будущемъ. Застучала старая, разбитая машинка, предоставленная знакомыми во временное пользованіе, принимая неторопливую, продуманную, размѣренную, какъ и все въ его жизни было размѣренно, запись, и первыя же страницы увлекли его въ страну воспоминаній.

Прошло нѣсколько дней безвластія, во время которыхъ Н. П. диктовалъ по утрамъ свои воспоминанія. Но вскорѣ послѣдовавшіе декреты и обыски лишили его и этой возможности. Появились настойчивые слухи, что у всѣхъ частныхъ лицъ будутъ отбираться пишущія машинки для нуждъ новоиспеченныхъ учреждений, въ силу чего на день приходилось прятать машинку за большой диванъ и лишь съ наступленіемъ сумерекъ возобновлять запись. Обычно Н. П. диктовалъ отъ 6 часовъ, зачастую нѣсколько отвлекаясь въ сторону, наиболѣе цѣнными и интимными воспоминаніями своихъ переживаній и воспріятій юности и молодости, которыя, однако, не всегда позволялъ записывать, обозначая подобныя части „не для читателей“. Заканчивалось писаніе, нерѣдко, когда сумерки смѣнялъ вечеръ и клавиши становились еле различимы.

Зажигалась электрическая лампа, одна, на три фасадныхъ комнаты, пользованіе которой ему, „какъ спецу“, было разрѣшено. Вокругъ собирались нѣкоторые обитатели квартиры, пили послѣдній вечерній чай, на углу письменнаго стола, и Н. П. читалъ Тэна „Les origines de la France contemporaine“ изрѣдка прерывая его замѣчаніями и разсужденіями по поводу прочитаннаго.

Къ срединѣ іюня въ городѣ былъ объявленъ „красный терроръ“, отразившійся и на домѣ, гдѣ жилъ Н. П. Однажды ночью „пришли“ за хозяиномъ квартиры И. А. Линниченкомъ, которому послѣ того пришлось скрываться, а за домомъ и квартирой установили надзоръ, вслѣдствіе чего русскіе знакомые Н. П.-ча, въ то время довольно многочисленные, опасались бывать у Н. П., и онъ былъ бы обреченъ на полное одиночество, если бы не навѣщали французскіе его друзья; извѣстный всей Одессѣ, добрыйшій М. Д. вмѣстѣ со своимъ воспитанникомъ ежедневно бывали у Н. П. проводя вечера въ безконечныхъ разговорахъ о Франціи. Жизнь въ постоянномъ ожиданіи не только ночныхъ, но и дневныхъ „неожиданныхъ посѣщеній“ принудила его прервать свои воспоминанія. 23 августа н. с. около 10 час. утра, пришли первые отряды добровольцевъ. Улица сразу ожила; всѣ окна были настезъ. Н. П. былъ тоже все время у окна; взволнованно онъ обратился къ стоящимъ съ нимъ рядомъ и сказалъ вслухъ видимо свою сокровенную мысль: „ну, а если и эти уйдутъ, уйдемъ и мы съ ними, больше оставаться будетъ невозможно“. Въ теченіе дня заходили къ нему нѣкоторые изъ профессоровъ обмѣняться мнѣніями и горячими пожеланіями, и въ тотъ же вечеръ была явно водружена на маленькій столикъ, возлѣ письменнаго, спрятанная доселѣ машинка, и Н. П. съ небывалымъ одушевленіемъ, съ разгорѣвшимися глазами, продиктовалъ часть воспоминаній, касающихся преосв. Порфирія Успенскаго, а на другой день утромъ сѣлъ къ письменному столу и написалъ четыре страницы второго тома „Русской Иконы“, о чемъ и сообщилъ окружающимъ, какъ показатель, что къ нему вернулась прежняя бодрость и вѣра въ лучшее будущее.

Дней черезъ пять жизнь закипѣла ключемъ вокругъ Н. П.; пріѣхала съ визитомъ Comission Interalliée и привезла первыя новости съ запада и кипу газетъ и журналовъ. Французы пришли къ нему, какъ извѣстному другу Франціи и Grand Officier de la Légion d'Honneur. Н. П. жадно забрасывалъ ихъ вопросами, и официальный визитъ быстро принялъ видъ душевной бесѣды, затянувшейся на нѣсколько часовъ.

Съ начала сѣнтября въ городѣ стала издаваться новая газета, въ которой Н. П. помѣстилъ нѣсколько статей, причемъ одна изъ нихъ — „Новости съ Запада“ вызвала настолько большой интересъ, что многіе, даже малознакомые профессора приходили къ нему обмѣняться мнѣніями и какъ они говорили „доразспросить“. 6 октября 19 года вышелъ первый номеръ „Южнаго слова“ подъ совмѣстной редакціей Н. П-ча и акад. И. А. Бунина, причемъ Н. П. взялъ на себя веденіе отдѣла иностранной политики; наряду съ этимъ онъ читалъ университетскія лекціи по исторіи итальянскаго возрожденія, и для личной жизни уже не оставалось времени. Машинка стучала подъ диктовку очередныя и всегда срочныя статьи, газетная дѣятельность привлекала къ нему массу народа или требовала его присутствія въ редакціи, и совершенно не оставалось нужнаго досуга для диктовки воспоминаній, а надвинувшаяся въ декабрѣ угроза эвакуаціи и вовсе заставила забыть объ этомъ начатомъ „дѣлѣ — бездѣлѣ“, какъ онъ самъ называлъ свои мемуары.

Заграничная жизнь, до самаго послѣдняго дня не дала Н. П. заслуженнаго отдыха, который предоставилъ бы ему возможность уйти своими мыслями въ прошлое. И въ Болгаріи, и въ Прагѣ, онъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ прежде всего неутомимо работать въ области своей любимой науки, вѣрнымъ служителемъ которой онъ оставался до послѣдняго момента своей жизни.¹

С. Кондаковъ.

¹) Считаю своимъ долгомъ принести глубокую благодарность г-жѣ Е. Н. Яценко, за любезно сообщенныя подробности о жизни Никодима Павловича въ Одессѣ, а также указать, что нѣкоторыя страницы воспоминаній, касающіяся пребыванія въ низшей и средней школѣ, были въ 1926 г. опубликованы въ 19—20 книгѣ журнала „Русская Школа за Рубежомъ“. С. К.

ВОСПОМИНАНІЯ И ДУМЫ

Н. П. КОНДАКОВА

„Угораздило меня родиться въ Россіи“.
А. Пушкинъ.

Veritas odium parit.
Правда глаза колетъ.

Пишу я, академикъ Н. П. Кондаковъ, ученый археологъ, 74-хъ лѣтъ, побуждаемый къ тому давнишнимъ желаніемъ исполнить нравственное обязательство передъ родиной, меня питавшей, высказать откровенно свои взгляды и мысли о русской жизни вообще и о моей, уже прошедшей, въ частности. Думаю, что было бы лучше, если бы многіе изъ насъ подъ конецъ своей жизни дѣлали тоже. Разумѣю при этомъ, понятно, что желательно сохраненіе такихъ записокъ и даже изданіе нѣкоторыхъ. Наши воспоминанія должны сопровождаться откровеннымъ изложеніемъ личныхъ взглядовъ, мыслей, думъ и даже настроеній, насколько все это можетъ быть сознательнымъ. Обычно, такія воспоминанія принимаютъ романтическій оттѣнокъ, и даже читатели подобныхъ записокъ относятся къ нимъ, какъ къ историческимъ романамъ второго сорта. Сознавая вполнѣ, какъ трудно будетъ мнѣ избѣжать всѣхъ крайностей романтическаго отношенія къ своему прошлому, я рассчитываю на время, когда я пишу это.

Сегодня 6-ое апрѣля 1919 года, день окончательной эвакуаціи союзныхъ войскъ изъ южной Россіи, и изъ Одессы въ частности, гдѣ я теперь живу.

Сегодня или завтра большевики займутъ Одессу и мнѣ лично, какъ интеллигенту, придется переживать всѣ современные фазисы русской жизни. Надѣюсь, что предстоящая реальность поможетъ мнѣ не быть романтикомъ и сказать ту правду, которую только я могъ понять въ русской жизни. Оглядываясь поневолѣ на свое прошлое и не впадая въ самообольщеніе, могу сказать, что сознаю и внутри себя скорѣе склонность къ пессимизму, чѣмъ къ увлеченіямъ, хотя бы историческимъ. Правда, моя внутренняя жизнь была всегда одинокой, я жилъ мечтателемъ, былъ несообщителенъ, въ своемъ родѣ тяжкодумъ, многое понималъ очень поздно, но былъ всегда трудолюбивъ, склоненъ къ постоянному размышленію и всегда стремился по мѣрѣ своихъ силъ къ пониманію и сознательной жизни. Наконецъ, могу сказать, что фактически я никогда не искалъ популярности, и если въ результатѣ 55-лѣтнихъ ученыхъ работъ достигъ извѣстности, то очень мало цѣнилъ ее внутренне, въ предѣлахъ Россіи, по причинамъ, которыя будутъ изложены ниже.

Мое внутреннее сознание говорит мнѣ самому постоянно, что внѣ предѣловъ обычнаго общежитія, я не чувствую себя русскимъ человѣкомъ; мнѣ тяжелы всякаго рода совѣщанія и засѣданія, хотя бы ученія, и я привыкъ враждебно относиться ко всему тому, что у насъ называютъ общественной дѣятельностью. Удовлетворяясь въ жизни своимъ положеніемъ учителя, профессора, наконецъ, академика, я не только не искалъ, но и отказывался отъ предлагавшихся мнѣ мѣстъ директора гимназіи, декана, и, даже, отъ постовъ предсѣдателя, именно по сознанию личной предвзятой враждебности къ тому русскому кружку или обществу, съ которымъ мнѣ надо было бы имѣть дѣло. Жизнь моя прожита, и я вижу, что въ этомъ отношеніи я былъ правъ, такъ какъ я не могъ бы принести какой-либо пользы въ русскомъ обществѣ, въ силу такой своей настроенности. Въ то же время, сколько я себя помню, я былъ всегда крайне чувствителенъ, болѣзненно ощущалъ свою отчужденность и воспитывалъ въ себѣ, благодаря этому, сурово-критическое отношеніе къ русскимъ людямъ, которыхъ, конечно, я зналъ ближе всего. Всему этому способствовала и моя жизнь, также проходившая больше въ размышленіяхъ и ученой работѣ, чѣмъ въ дѣятельности. Уже самая враждебность отношенія къ русскому обществу показываетъ, что я, чуждаясь его въ теченіе жизни, чувствовалъ и сознавалъ горечь своей отъ него зависимости и свое безсиліе что-либо въ немъ по своему, какъ я понималъ, исправить, такъ какъ сила къ этому дается только любовью и жертвой — я же къ этому былъ не способенъ.

Если въ заключеніе этого моего предисловія, я скажу кратко, что передо мною прошла русская жизнь трехъ поколѣній, и что я лично, если не преобразился самъ за все то время, то увидалъ и созналъ колоссальную переменъ въ русскомъ обществѣ и въ самой жизни, то безъ дальнихъ словъ будетъ понятно мое личное желаніе и мое сознание нѣкоторой обязанности гласно утвердить эту переменъ. Разбирать ее по пунктамъ, какъ сталъ бы дѣлать историкъ, я не въ состояніи, такъ какъ наблюдалъ русскую жизнь въ очень ограниченныхъ сферахъ, хотя, правда, въ ея высшей интеллигентной сферѣ, и потому долженъ ограничиться фактической частью своихъ личныхъ наблюденій или воспоминаній, сопровождаемыхъ если не мыслями, то хотя бы думами или даже тяжкимъ раздумьемъ.

Родился я въ Курской губ. Новооскольскаго уѣзда, въ многолюдной слободѣ Халани, гдѣ отецъ мой былъ съ матерью временно, по дѣламъ управленія имѣніями кн. Трубецкихъ, и откуда онъ самъ былъ родомъ. Слобода Халань — была въ то время громаднымъ, въ три тысячи душъ селомъ, занимавшимся различными видами кожевеннаго мастерства, настолько обширнаго, что тамъ бывала ежегодно ярмарка. Отецъ мой, бывший уже въ то время главноуправляющимъ кн. Трубецкихъ по всѣмъ ихъ имѣніямъ, былъ взятъ изъ жителей села въ сельскую контору, затѣмъ перешелъ въ главную контору въ Москву, къ сорока годамъ отпущенъ на волю изъ крѣпостныхъ, и жилъ въ Москвѣ въ главномъ домѣ кн. Трубецкихъ на Покровкѣ. Въ самой Халани у него въ это время жила еще мать, чистая хохлушка.

Родился я въ 1844 г. 1-го ноября, названъ былъ Никодимомъ во имя Печерскаго угодника, празднующагося 31 октября. Отецъ былъ очень набожный

человѣкъ и наименовалъ родившагося во имя патрона кануннаго дня. Слобода Халань вообще представляла собою крайне сборное населеніе: малороссовъ, „черкасовъ“, и очень возможно, что свое главное мастерство получила отъ выходцевъ съ Кавказа или Дона, быть можетъ даже Аланъ, по имени которыхъ и названа. Отецъ мой былъ черноволосъ и имѣлъ носъ съ горбинкою, мать же была изъ Москвы и имѣла каштановые волосы. При отѣздѣ своемъ изъ Халани въ Москву родители взяли мнѣ няньку, чистую хохлушку, прожившую затѣмъ 12 лѣтъ, по имени Евдокію или Явдоху. Я и мой старшій братъ Валерьянъ были черноволосы, цвѣта воронова крыла. Я и доселѣ не утратилъ въ своемъ произношеніи малорусскихъ чертъ придыханія на звукѣ „Г“, по поводу котораго меня дразнили учителя гимназіи.

Въ вопросахъ вѣковѣчнаго разлада хохловъ и москалей стоялъ всегда на сторонѣ первыхъ, но всякое украинофильство, переходящее въ политику, считалъ всегда дикимъ безуміемъ лишеннаго смысла и стыда дикаго варвара. Въ пору ранней молодости, будучи страстнымъ любителемъ литературнаго чтенія, зналъ почти наизусть Гоголя и, если мечталъ, то во вкусѣ автора „Повѣстей Диканьки“. Въ настоящее время Гоголя, внѣ его таланта, презираю, наряду съ другими романтическими русскими писателями, о чемъ скажу послѣ.

Возвратившись въ Москву въ 1845 г., мои родители основались на 15 лѣтъ въ большой (по тогдашнему) квартирѣ нижняго этажа дома кн. Трубецкихъ на Покровкѣ. Послѣ смерти моей матери — мнѣ было тогда 12 лѣтъ, — мы занимали другія квартиры въ томъ же домѣ, по желанію отца все меньше и меньше размѣромъ. Скажу теперь объ отцѣ, который былъ въ своемъ родѣ любопытнымъ типомъ, и пользовался всю жизнь безусловнымъ довѣріемъ князей, авторитетомъ среди московскихъ помѣщиковъ, пріѣзжавшихъ къ нему за совѣтами и умолявшихъ его взять на себя управленіе ихъ имѣніями. Это былъ главно-управляющій множества имѣній кн. Трубецкихъ — остатка области Трубечина, человѣкъ кристально честный, скрупулезно добросовѣстный, нестерпимо бережливый въ своемъ собственномъ имуществѣ и въ дѣлахъ своихъ довѣрителей. Дѣтьми мы помнимъ, какъ мать объясняла болѣзнь отца его огорченіями по поводу растратъ, чинимыхъ семьею стараго князя Юрія Ивановича, а затѣмъ его сына Ивана Юрьевича и его внуковъ и внучекъ. Когда эти растраты дошли до расточительности, онъ вышелъ въ отставку изъ своего поста хранителя и поселился въ деревянномъ домишкѣ, который онъ купилъ на Чистыхъ Прудахъ, въ переулкѣ. Несмотря на свое происхожденіе и на кучу занятій, одолѣвавшихъ его всю жизнь въ безплодныхъ розыскахъ воровства управляющихъ по отдѣльнымъ имѣніямъ, отецъ былъ въ тоже время великій поклонникъ литературы, и я еще ребенкомъ выбѣгалъ на подѣздъ посмотрѣть приходившаго во фризовой шинели историка Погодина, и помню себя мальчишкою лѣтъ пяти, какъ я, прочитавши „Вѣчнаго Жида“, просилъ, чтобы мнѣ дали „Мертвыя Души“. Но это литературное образованіе дало отцу только ту своеобразную консервативно романтическую окраску міровоззрѣнія и слога сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, которая отличала собою добрую половину московскихъ разночинцевъ, родоначальниковъ нашей интеллигенціи пролетарскаго происхожденія. Сколько я знаю, русская историческая критика, убого пле-

тушаяся по указкѣ либеральной публицистики доселѣ, за исключеніемъ немногихъ этюдовъ, слѣдила почти исключительно за литературными проявленіями либеральной мысли 40-хъ и 50-хъ годовъ, тогда какъ, повидимому, потокъ патріотически настроенной интеллигенціи составлялъ громадное большинство. Оно и естественно, такъ какъ романтическая окраска и доселѣ составляетъ первую стадію литературныхъ вкусовъ и пользуется расположеніемъ большинства, несмотря на свойственный русскому народу вкусъ къ радикализму.

Лично для меня домашнее пристрастіе къ литературѣ, образованію имѣло особенно большое значеніе, и оно же было причиною того, что отецъ поставилъ своею задачею дать образованіе дѣтямъ, проведя ихъ черезъ гимназію и университетъ, и собственно по этому его освободили отъ крѣпости и онъ записался въ купцы 3-ей гильдіи, а такъ какъ въ 50-хъ годахъ наши гимназіи давали чинъ 14 го класса обучавшимся въ нихъ греческому языку, то я и мои три брата должны были поступить во 2-ую Московскую гимназію, что на Разгуляѣ, гдѣ тогда учили по-гречески. Отецъ былъ въ то время поборникомъ идеи освобожденія крестьянъ, пытался, хотя безплодно, ограждать ихъ отъ произвола и звѣрства управителей (особенно жестокими были управляющіе изъ нѣмцевъ), и участвовалъ въ московскомъ отдѣлѣ комиссіи по освобожденію крестьянъ, въ трудахъ коихъ была напечатана записка по составленному имъ проекту выкупа земли. На меня лично отцовскія жалобы на безграничныя жестокости одного управляющаго по фамиліи Миллера, благодаря моей болѣзненности, производили такое впечатлѣніе, что въ одинъ изъ его пріѣздовъ въ Москву, когда я уже былъ студентомъ и онъ обѣдалъ у насъ, я заявилъ ему, что онъ воръ и палачъ, что прошло, однако, совершенно благополучно для всѣхъ.

Несмотря на свои дѣйствительно высокія качества, отецъ былъ нестерпимый человекъ въ семьѣ, и мы всѣ дѣти всегда были на сторонѣ матери въ ея разладахъ съ отцемъ. Отецъ женился на бѣдной швеѣ, и взялъ ее, какъ говорили у насъ во дворѣ, за красоту, и одинъ изъ братьевъ моихъ Михаилъ, любимецъ отца, унаслѣдовалъ отъ нея красивыя черты. Несмотря на свое убогое происхожденіе, она сѣмѣла стать по своимъ манерамъ, привычкамъ и обращенію несравненно выше отца. Была прекрасной хозяйкой, и пока была жива, удерживала отца отъ его основной страсти, отравлявшей существованіе не только нашей семьи, но и всѣхъ его подчиненныхъ, а потому за отсутствіемъ князей, всегда жившихъ за границей, почти всего дома. Этою страстью была его бережливость, перешедшая затѣмъ въ явную скупость послѣ смерти матери. Весь домъ ходилъ къ ней съ просьбами и жалобами на отца. И въ своемъ хозяйствѣ она должна была поневолѣ избѣгать какихъ бы то ни было расходовъ, такъ какъ они становились обычно предметами ссоръ. Во избѣжаніе расходовъ, именно она устраивала запасы муки, овощей и даже фруктовъ изъ княжескихъ имѣній, получивъ на это разрѣшеніе, тѣмъ легче, что на мѣстѣ эти овощи сгнивали и скармливались свиньямъ. Но и это ея хозяйничанье встрѣчало въ моемъ отцѣ противодѣйствіе, такъ какъ онъ доводилъ свою служебную честность обычно до крайности. И если наша жизнь въ домѣ была сколько-нибудь смягчена въ отношеніяхъ къ многочисленной княжеской дворнѣ и служащимъ въ

конторѣ, то благодаря только матери, у которой зато дни были наполнены приемами безчисленныхъ женщинъ, жившихъ въ домѣ и тяготившихъ ее жалобами, просьбами и сплетнями. Послѣдніе три года ея жизни она болѣла чахоткой, отъ которой и умерла, проводя почти все свое время безвыходно на диванѣ въ гостиной. На этомъ же диванѣ, уткнувъ голову въ колѣни матери, проводилъ я всѣ свои досуги, такъ какъ съ самаго ранняго дѣтскаго возраста отца не любилъ и его чуждался.

Первое мое воспитаніе я получалъ не отъ матери, но отъ своей няньки, хохлушки Явдохи. И вотъ, что сохранила о томъ моя дѣтская память. Совершенно ясно помню я себя еще въ то время, когда, не умѣя ходить, я быстро разъ ползу по каменному полу изъ нашей квартиры, ведущей въ кухню. Судя по тому, что я былъ крѣпкій ребенокъ, мнѣ въ эту пору могло быть не больше 3-хъ лѣтъ, и это свое воспоминаніе я могъ объяснить себѣ только разговорами, которые я слышалъ о своей странной привязанности, въ дѣтскомъ возрастѣ къ этой хохлушкѣ. И, дѣйствительно, я помню, что эта моя нянька осталась ею, даже и тогда, когда ее удалили на кухню. Я до сихъ поръ помню цѣлый рядъ хохлацкихъ пѣсенъ, которыя она мнѣ пѣвала приплясывая. У нея для меня и послѣ всегда былъ лакомый кусокъ, и она же выдерживала, нерѣдко, упреки матери, что она меня пичкаетъ передъ обѣдомъ. Когда эта моя покровительница въ домѣ уѣхала изъ него, я цѣликомъ перенесъ свою привязанность на мать, продолжая оставаться крайне отчужденнымъ отъ отца.

Насъ всѣхъ дѣтей у отца съ матерью было, собственно, 11 человекъ, но выжили изъ нихъ только 4-ро сыновей и одна дѣвочка, послѣдняя, однако, лишь до пятилѣтняго возраста. Когда я уже поднялся на ноги, я очутился на попеченіи своего старшаго брата Михаила, который, хотя былъ только на годъ старше меня, былъ настолько ловчѣе, юрче и предприимчивѣе меня, что я во всѣхъ дѣтскихъ развлеченіяхъ и играхъ во всемъ ему подчинялся, молчаливо претерпѣвая отъ него пинки, щипки и все прочее. Онъ же вводилъ меня во всѣ кампаніи для игры въ лапту, пусканія змѣевъ, лазанія по лѣстницѣ, по чердакамъ, чѣмъ занималась вся дѣтвора домовою дворни; таскалъ меня на санкахъ, пока у меня не отмерзали ноги, зимою. Принимая самъ участіе въ бояхъ съ ребятами главнаго почтамта, который въ тѣ времена около насъ помѣщался, подвергался послѣ того долгимъ попрекамъ со стороны матери, и особенно Явдохи, искренно ненавидѣвшей почтамтскихъ, за то, что они избивали нерѣдко и меня. Миша обучилъ меня отыскивать на нашемъ обширномъ дворѣ осколки стекла и продавать ихъ въ сосѣднюю желѣзную лавку, за что мы въ тѣ времена получали по двѣ и по три копѣйки, расходуя ихъ потомъ на пряники. Вообще, мы жили какъ тогда всѣ жили на Москвѣ, кто принадлежалъ къ среднему классу, и такъ, какъ теперь уже живетъ далеко не весь низшій классъ, т. е. въ дѣтскомъ возрастѣ проводя почти все свое время на улицѣ или на дворѣ. И только благодаря этому, конечно, могъ произойти со мною рѣдкостный случай, отъ котораго я едва не погибъ въ возрастѣ немногимъ болѣе трехъ лѣтъ. Дѣло было такъ: однажды лѣтомъ меня увели купаться на Яузу; какъ случилось не помню, но мало по малу, сидя на берегу, я оказался одинъ, поднялся и пошелъ домой. Дороги домой не нашелъ и началъ бродить,

переходя съ мѣста на мѣсто, по пустырямъ, пугаясь собакъ и людей, и не умѣя или боясь, теперь подлинно не помню, спросить дорогу домой къ себѣ на Покровку. Возможно и то, что я твердилъ о Покровкѣ, и мнѣ ее указывали, но Покровка велика, и я бродилъ около нее въ смертельной усталости до самаго вечера, когда по счастливому случаю, увидалъ на улицѣ хромую швею, ходившую къ намъ на домъ, которая и привела меня домой. Послѣ мнѣ говорили, что я долго болѣлъ, и оправился нескоро.

По домашнимъ соображеніямъ отецъ рѣшилъ отдать насъ обоихъ вмѣстѣ въ приходское училище, хотя я былъ для него еще очень молодъ, да и старшему Михаилу было, кажется, не полныхъ семь лѣтъ. Его учили читать и писать раньше, а меня вовсе не учили ни тому, ни другому, и выучился я самъ, тоже и тому и другому, и можетъ быть поэтому, я писалъ всегда четко, и даже въ гимназiи у учителя чистописанiя исполнялъ образцы прописей. Все это я привожу для того, чтобы высказать свое любимое убѣжденіе, — надо возможно меньше учить и въ дѣтскомъ и въ юношескомъ возрастѣ, но возможно больше показывать учащимся всякаго рода образцы, замѣняя такъ называемые уроки и одуряющія учениковъ спрашиванiя этихъ уроковъ чтеніемъ, демонстраціями, показомъ. Отвратительную педагогическую систему новѣйшаго времени, по которой три четверти часа посвящаются на спрашиваніе, я считаю злодѣйскимъ издѣвательствомъ надъ молодыми умами, и вообще говоря, обращаясь къ своимъ воспоминаніямъ о своей педагогической дѣятельности, не знаю ничего, что возбуждало бы во мнѣ такую горечь воспоминаній, какъ годы моего ученiя и моего же преподаванiя въ Москвѣ, но о томъ послѣ.

Два или три года своего ученiя въ приходскомъ училищѣ я вспоминаю съ ужасомъ и истиннымъ отвращеніемъ. Доказательство ясное того, что не все то, что пройдетъ, бываетъ послѣ мило. До чего я былъ молодъ можно видѣть изъ слѣдующей анекдотической, но исторически точной, картинки. Какъ теперь помню, меня малыша учитель, по фамиліи Смирновъ, поставилъ передъ собою, и тыкая мнѣ въ носъ, сталъ спрашивать меня, сколько у меня носовъ и ноздрей. На чемъ и по чему не упомяну, я сбился: кажется, говорилъ, что у меня одна ноздря, а учитель грозно тыкалъ мнѣ въ носъ и заставлялъ меня повторять ошибку. Тѣмъ не менѣе меня въ классъ принялъ, въ виду желанiя отца, чтобы мы съ Михаиломъ учились вмѣстѣ, какъ я послѣ понялъ, чтобы съэкономить на учебникахъ. Съ той поры и до конца гимназическаго курса начались мои терзанiя изъ-за учебниковъ, которые отъ меня отнималъ и утаскивалъ юркій братъ, что и продолжалось вплоть до того времени, когда онъ окончательно облѣнился и выѣзжалъ только при помощи моихъ тетрадокъ. Насколько, однако, небрежно велось преподаваніе, можно видѣть изъ того, что на это списываніе никто не обратилъ вниманіе. Отличаясь примѣрнымъ, можно сказать, страстнымъ прилежаніемъ, я еще и въ приходскомъ училищѣ слылъ однимъ изъ первыхъ учениковъ, но тѣмъ не менѣе я не избѣгалъ тѣхъ повальныхъ, всеобщихъ пороковъ, какими насъ устрашалъ нерѣдко пьяный и остервенѣлый учитель. Уже впослѣдствіи я узналъ, что онъ былъ взяточникъ и вымогатель, и всѣ его права на учительское званіе заключались въ томъ страхѣ, который онъ однимъ своимъ появленіемъ въ классъ наводилъ на ди-

кую орду мальчишекъ. Не могу не сказать, что преобразование приходскихъ и уѣздныхъ училищъ въ концѣ 50-хъ годовъ было, въ свое время, добрымъ дѣломъ, но не могу не пожалѣть, что затѣмъ съ преобразованиемъ въ земскія и городскія училища въ нихъ такъ упала дисциплина, что ослабѣли и занятія.

Девяти лѣтъ я поступилъ съ братомъ во 2-ую Московскую гимназію. Это была едва ли не лучшая, но во всякомъ случаѣ хорошая, и такую остается доселѣ, помѣщаясь въ каменномъ домѣ конца XVIII вѣка, на небольшой площади, образовавшейся въ стыкѣ ея улицъ-Разгуляѣ. Вся эта мѣстность, за исключеніемъ Лефортова и Новой Басманной, населена мелкими промышленниками и мастеровыми разныхъ цеховъ и фабрикъ, только Новая Басманная, и отчасти Лефортово, облюбованное нѣмцами еще съ Петра, имѣютъ хорошіе дома и населены купцами. Такимъ образомъ, главный контингентъ учениковъ во 2-ой гимназіи состоялъ изъ разночинцевъ, и вообще мелкаго люда, а потому намъ съ братомъ было не тяжело общеніе съ товарищами, особенно ему, мальчику чрезвычайно общительному. Я былъ боязливъ и застѣнчивъ, и должно быть по молодости никому не интересенъ, и пріобрѣлъ пріятелей только въ послѣднихъ классахъ, и теперь хорошо понимаю, почему эти пріятели были изъ иностранцевъ: Спиро и Дюшенъ, оба имѣвшіе замѣчательныя музыкальныя способности, тогда какъ я лично сталъ музыку любить, какъ слѣдуетъ, уже пожилымъ человѣкомъ. Вообще долженъ сказать о себѣ: развивался я крайне туго и медленно, физически и духовно, и до 20-ти лѣтъ не зналъ никакихъ страстей молодости, былъ увалень и потому былъ чаще всего поколачиваемъ, но отъ большихъ побоевъ меня выручалъ братъ. Учиться я сталъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ, но странно — любимымъ моимъ предметомъ была въ первыхъ двухъ классахъ математика. Учитель математики, полякъ Вильканецъ, ставилъ мнѣ пять съ нѣсколькими плюсами, а меня самого въ образецъ всему классу, и я доселѣ помню мой собственный восторгъ, когда, послѣ безплодныхъ обращеній ко многимъ онъ вызывалъ меня къ доскѣ, но мнѣ осталось доселѣ не понятнымъ, по какой причинѣ изъ перваго математиста меня потомъ онъ же развѣнчалъ, вызвавши къ доскѣ и намѣренно сбивши на какой-то задачѣ. Правда, я продолжалъ получать высшія отмѣтки, но совершенно пересталъ быть его любимцемъ. На эту роль поступили другіе, которыхъ я по всей справедливости считалъ гораздо слабѣе себя. Затѣмъ, долженъ сказать, когда черезъ 12 лѣтъ я самъ сталъ учителемъ въ этой же гимназіи, при мнѣ же произошелъ въ ней большой скандалъ: по жалобѣ родителей Вильканецъ былъ выгнанъ начальствомъ послѣ слѣдствія, доказавшаго, что онъ развращалъ дѣтей. Лично я вспоминаю его, какъ талантливаго математика, который со страстью дѣлалъ выкладки на доскѣ, и также страстно вызывалъ у учениковъ ихъ тугое пониманіе, или говорилъ имъ о великихъ математикахъ, астрономахъ, особенно о Коперникѣ. Въ старшихъ классахъ учителемъ математики былъ Игнатій Мининъ, также ревностный учитель и хорошо знавшій предметъ, но отъ старости впадавшій уже въ дѣтство, и бывшій предметомъ посмѣшища у учениковъ, по разнымъ, самымъ глупымъ поводамъ. Онъ не говорилъ, а хрипѣлъ. Дѣлалъ свои выкладки на доскѣ быстро, и не обращалъ вниманіе на то, какъ слѣдятъ за ними ученики, признавалъ въ классѣ только первую парту, и большую часть

класса посвящалъ спрашиванію. Меня у него постигла совершенно особенная, характерная для того времени незадача; я былъ крайне близорукъ уже тогда, но въ тѣ времена гимназистамъ носить очки не позволялось, и вотъ, когда я сидѣвшій, правда, на первой партѣ, и извѣстный Минину, какъ хорошій математикъ, обратился къ нему съ просьбой стоять у доски, чтобы видѣть теоремы и доказательства — онъ отказалъ мнѣ наотрѣзъ. За меня, какъ я помню, просили даже послѣ того товарищи, рекомендуя ему меня какъ математиста, онъ не позволилъ, сказавши, что выходъ къ доскѣ можетъ повести къ шалостямъ. Это была большая несправедливость, тише меня врядъ-ли былъ кто-либо въ классѣ; классъ былъ большой до 50-ти человекъ, я ничего не видѣлъ, и только по слуху различалъ алгебраическія и геометрическія формулы. Пробовалъ жаловаться отцу, но онъ также упорно отказывалъ мнѣ въ исходатайствованіи у начальства разрѣшенія носить очки, хотя самъ ихъ носилъ. Чтобы видѣть сколько-нибудь на доскѣ цифры я употреблялъ слѣдующій способъ: къ лѣвому глазу приставлялъ пальцы лѣвой ладони и смотрѣлъ въ щели. Прибавлю, что Мининъ меня уговаривалъ, чтобы я снялъ локоть, который мнѣ надо было ставить на столъ, а я не рѣшался ему объяснить, почему я это дѣлаю, такъ какъ опасался, что ученики поднимутъ меня на смѣхъ. Очки я надѣлъ уже въ старшихъ классахъ, но было поздно, отъ математики я отсталъ и получалъ неизмѣнно четыре.

Учителя въ то время раздѣлялись учениками на добрыхъ и злыхъ: и въ поминѣ еще не было либеральныхъ и консервативныхъ, а только иныхъ называли „фискалами“ за то, что они доводили дѣла до начальства. Были между учителями настоящіе звѣри, вродѣ учителя географіи Оссовскаго, находившаго наслажденіе въ томъ, чтобы пугать учениковъ окриками и единицами. За извѣстное число единицъ и штрафное поведеніе изрѣдка назначалась порка, но въ отличіе отъ приходского училища, въ которомъ пороли на виду у всѣхъ, учениковъ уводили въ карцеръ. Учасъ хорошо и будучи примѣрнаго и тихаго поведенія, я чувствовалъ себя въ гимназіи счастливымъ, и только обижался на нѣкоторыхъ учителей, подсмѣивавшихся съ сочувствовавшими учениками надъ моимъ именемъ. Затѣмъ учителя, за исключеніемъ немногихъ, по моему теперешнему сужденію относились къ дѣлу въ общемъ весьма халатно, или по чиновничьи, задавая только уроки, или забавляясь анекдотами, или ограничиваясь, какъ учитель исторіи, побасенками.

Въ отношеніи занятій я долженъ упомянуть съ благодарностью и почтить ихъ память, — учителя русскаго языка въ младшихъ классахъ Гедике, учителя латинскаго языка П. И. Пѣвническаго, греческаго языка Александра Ивановича Робера и учителя русскаго языка въ старшихъ классахъ В. П. Шереметьевскаго. Желая быть справедливымъ, не хочу поминать другихъ.

Петръ Ивановичъ Пѣвничскій полный, пожилой мужчина, духовнаго происхожденія, державшійся вездѣ съ особой неподвижной важностью, былъ знаменитостью въ округѣ. Зная это досканально, вся гимназія отъ директора до послѣдняго ученика почитали Петра Ивановича, на его отмѣтки нельзя было ни претендовать, ни тѣмъ болѣе жаловаться. Лишь смѣльчаки позволяли себѣ продѣлывать шутки для развлеченія важнаго латиниста. И самъ онъ былъ до-

бродушень, покойно приходилъ въ классъ и, не присаживаясь ни разу на кафедру, бралъ въ руки латинскаго автора и, далеко отставляя отъ себя книгу, начиналъ урокъ, обращаясь къ вѣдомому латинисту со словами „нукось по-пробуйте“, ученикъ пробовалъ разбирать новый текстъ Цезаря, Тита Ливія и т. д., до Горация включительно. Ученикъ путалъ, Петръ Ивановичъ наводилъ его, помогалъ, но словъ не говорилъ, такъ какъ этотъ урокъ былъ уже назначенъ ранѣе для разбора и всѣ слова ученики обязаны были подыскать. Изрѣдка Петръ Ивановичъ надъ враньемъ ученика подшучивалъ, обращаясь къ классу съ такими замѣчаніями: „Цезарь вонъ что говоритъ, а Ивановъ вотъ какъ показываетъ“. Эта критика была всегда добродушной, и враль смѣялся вмѣстѣ съ другими, но Петръ Ивановичъ не позабывалъ и самого себя; подходило какое-нибудь особенное въ текстѣ выраженіе и, оставивъ книгу, расхаживая по классу, Пѣвницкій начиналъ толковать какое любопытное отступленіе здѣсь имѣло мѣсто. Мы, ученики, бывали, конечно, довольны такими экскурсами и, мало понимая дѣйствительныя тонкости лексикона или синтаксиса, относили ихъ огуломъ къ самому Петру Ивановичу, и такъ какъ онъ нерѣдко называлъ такія мѣста „странностями“, то у меня велась тетрадка съ заголовкомъ „странности П. И. Пѣвницкаго“. Дурныхъ отмѣтокъ Пѣвницкій не ставилъ, но заставлялъ учениковъ хотя что-либо узнавать по латыни.

На второмъ послѣ него мѣстѣ я поставлю учителя русскаго языка Гедике, русскаго нѣмца, феноменально методичнаго, небывало покойнаго и хладнокровнаго и поразительно ведшаго свой классъ, а былъ онъ учителемъ младшихъ классовъ. Въ классахъ его была тишина живого улья, каждый ученикъ былъ занятъ и ему даже не приходилось дѣлать какого-либо замѣчанія, и онъ могъ ограничиваться легкими движеніями руки, замѣчая кому-либо, что онъ не такъ сидитъ, или развлекается. Онъ образцово училъ, никогда не волнуясь и никого не порицая. Во всю свою бытность учителемъ онъ не измѣнилъ ни на іоту ни темпа въ своемъ усердіи, ни тона въ своемъ обращеніи. Съ удовольствіемъ вспоминаю также Петра Максимовича Минина — учителя географіи, который, можно сказать, покорялъ учениковъ своею несказанною добротою: худенькій, сторбленный старичекъ, съ необыкновенно кроткими глазами и неизмѣнною добродушною улыбкою на устахъ, онъ ходилъ по классу, рассказывая намъ, что зналъ въ дополненіе къ ужасному учебнику. Но въ то же время онъ искренно и постоянно страдалъ, какъ только начиналъ учениковъ спрашивать, такъ какъ всякій обманъ, пролазничество не находили въ немъ отпора, и онъ умѣлъ только огорчаться. Нужно сказать правду, что несмотря на разношерстный составъ многочисленныхъ классовъ, въ которыхъ 12-лѣтніе подростки учились рядомъ съ 17-лѣтними „камчадалами“, которыми неизмѣнно наполнялись заднія скамейки нерѣдко сплошь, извѣстная дисциплина была, такъ сказать, присуща гимназіямъ 50-хъ годовъ и разстроилась только въ концѣ 60-хъ, о чемъ скажу послѣ.

Эту дисциплину держали, очевидно, по традиціи старые учителя, и ее не надо было заводить молодымъ, даже либеральные директора, которые появились въ концѣ 50-хъ годовъ, какъ, напримѣръ, Авилонъ въ нашей гимназіи, не были въ состояніи ее испортить. Припоминая теперь какъ вели себя классы, и какъ держали себя учителя, когда я былъ ученикомъ, скажу коротко, что эта дисци-

плина гимназій мнѣ напоминаетъ порядокъ университетскихъ аудиторій. Гимназій въ Москвѣ въ мое время было только три, ихъ преподаватели смотрѣли на себя, какъ профессора, убѣждали учениковъ быть приличными и чинными по ихъ званію, и гимназію легко было вести въ порядкѣ, не прилагая особыхъ строгостей. Разладъ учениковъ съ учителями, дерзкія шалости и наглыя дерзости — суть явленія позднѣйшаго времени, когда съ 60-хъ годовъ дисциплина учебныхъ заведеній разомъ рухнула, главнымъ образомъ, какъ я скажу ниже, съ уходомъ стараго персонала учителей и появленіемъ новаго. Правда, и въ наше время были шалости, а равно были въ гимназіи чудачки учителя, надъ которыми ученики потѣшались на разные лады, и изъ которыхъ иные были истинными страдальцами, но все же въ каждомъ изъ насъ, даже въ средѣ „камчадаловъ“, была внутренняя дисциплина, и въ моей памяти врѣзался неизгладимо одинъ фактъ, какъ одинъ изъ высоченныхъ и особенно буйныхъ „камчадаловъ“, Басовъ, подвергшись наконецъ наказанію розгами, моментально измѣнился и сталъ отличнымъ ученикомъ. Далѣе, я помню то благоговѣніе, какимъ окружали у насъ двухъ учениковъ Константина и Александра Веселовскихъ. Александръ сталъ впослѣдствіи знаменитымъ академикомъ по кафедрѣ иностранной литературы, отличался феноменальнымъ трудолюбіемъ. Константинъ былъ болѣзненъ и рано умеръ.

Правда, эта дисциплина была одно время потрясена призывомъ зеленой молодежи на войну. Директоръ Гогель, русскій нѣмецъ изъ военныхъ, поставилъ было себѣ задачею сообщить гимназистамъ военную выправку; по нѣскольку разъ въ недѣлю барабанъ билъ тревогу, классы срывались съ мѣстъ, бросались внизъ, съ шумомъ и криками, затѣмъ выстраивались въ шеренги, оглушительно кричали привѣтствіе, весною выбѣгали на дворъ для маршировки и ученія строемъ, усвоили всѣхъ видовъ шаги и ружейные приемы съ палками. Но тяжелый оборотъ войны и начавшаяся въ 1853—54 годахъ перемѣна настроенія въ самомъ правительствѣ разомъ оборвала наши воинскія упражненія. Директоръ уволенъ въ давно ожидавшую его отставку и на его мѣсто назначенъ другой — Авиловъ, образованный педагогъ и преданный своему дѣлу человекъ. Я въ то время переходилъ въ 4-ый классъ, и сталъ свидѣтелемъ новыхъ для насъ педагогическихъ заботъ начальства. Каждую субботу директоръ обходилъ всѣ классы, со списками отмѣтокъ, и начиналъ нескончаемую переборку „единичниковъ“ и „двоечниковъ“. Было крайне томительно при этомъ присутствовать даже тѣмъ, у которыхъ не было грѣховъ. Выговоры и замѣчанія сыпались на множество виновныхъ, и сопровождались неизмѣнно методическими поученіями въ сравнительно ласковомъ, но сухомъ тонѣ и неизмѣнными обращеніями: „Душа моя, такъ нельзя болѣе продолжать“ и пр. Классы подтягивались, однако, не поэтому, а, главнымъ образомъ, потому, что появлялись новые учителя, настоятельно требовавшіе отъ насъ развитія, мышленія, добраго отношенія къ другимъ и самимъ учителямъ и т. д. Главнымъ изъ нихъ былъ учитель русскаго языка Владиміръ Петровичъ Шереметьевскій, ставшій быстро общимъ любимцемъ. Это былъ необыкновенно живой, съ выразительными глазами и неизмѣнною кисло-веселою улыбкою на лицѣ, крошечный человекъ. Большинство нашего класса стало немедленно обожать его, за то, прежде всего, что чувствовало въ немъ его доброе сердце, но онъ къ тому же былъ талантливъ, любилъ и понималъ

русскую литературу. Былъ изумительно простъ и прямъ, лишенъ всякихъ претензій и чуждъ исканій и требованій. Впрочемъ, онъ сталъ въ послѣдствіи московской знаменитостью, какъ педагогъ и общественный дѣятель, — послѣднее въ истинномъ смыслѣ этого термина.

Не будучи поклонникомъ русской натуры, я доселѣ считаю, что онъ не былъ чисто русскій человѣкъ, хотя ясно происходилъ изъ крѣпостныхъ графовъ Шереметевыхъ. Мнѣ искренно было жаль, когда онъ, уступивъ мнѣ свое мѣсто учителя русскаго языка въ старшихъ классахъ, сталъ у насъ же въ гимназіи инспекторомъ, и истинно мучился на этомъ посту, благодаря уже расшатавшейся черезъ пять лѣтъ дисциплинѣ. О немъ самомъ и объ этомъ упадкѣ дисциплины скажу еще много ниже. Рядомъ съ нимъ я долженъ поставить также любопытную фигуру Александра Николаевича Робера, своего учителя греческаго языка, изъ обрусѣвшихъ французовъ, одна фигура котораго могла бы заинтересовать серьезнаго писателя или художника. Это былъ тоже низенькій человѣчекъ, не ходившій, а бѣгавшій маленькими шажками, съ большими глазами и необыкновенно характернымъ, свѣшивавшимся у него на встопорщенные усы, горбатымъ носомъ съ „бульбочкой“ на концѣ, которой онъ посылалъ, отъ времени до времени, громадные заряды нюхательнаго табаку. Въ нашемъ классѣ греческому языку учились только трое. Большинство же учениковъ, желавшихъ получить чинъ XIV класса, учились законовѣднію. Наконецъ, мы остались только въ двойственномъ числѣ, и при этомъ вторымъ ученикомъ былъ мой старшій братъ. Онъ пересталъ почти совсѣмъ учиться еще съ четвертаго класса и, только пользуясь всѣми моими тетрадками и переводами, тянулся кое-какъ, переходя въ старшіе классы. Отецъ принужденъ былъ даже распорядиться, чтобы я давалъ ему ежедневно уроки, что вовсе не было обидно брату, потому что тогда уже было рѣшено всѣми за меня, что я буду ученымъ. Понятно, что вся тяжесть приготовленія греческихъ переводовъ легла на меня, а если я къ этому прибавлю, что самъ Роберъ преподавалъ въ Москвѣ съ утра и до ночи всевозможные предметы, и не былъ вовсе специалистомъ классикомъ, а больше любителемъ, то ясно будетъ насколько вся тяжесть греческаго языка ложилась на меня. Прибавьте къ этому, что Роберъ былъ милѣйшій человѣкъ, почти всегда веселый, острякъ, истинно свободолюбивый, высоко-культурный и всѣмъ интересующійся человѣкъ, и я его слушалъ съ истиннымъ наслажденіемъ. Нерѣдко почти весь классъ онъ рассказывалъ о Гарибальди, которымъ онъ увлекался такъ же, какъ Суворовымъ. Бывало такъ, что поглядѣвъ на часы, и увидавъ, что осталось пять минутъ, онъ все же говорилъ мнѣ; „Ну, братъ, валяй“, и я долженъ былъ, захватывая часть рекреаціи валять переводъ главы изъ Фукидида. Туго приходилось мнѣ, если шла при этомъ рѣчь, но зато я настолько наострилъ въ греческомъ языкѣ, что могъ читать открывши всякій греческій текстъ, безъ всякой подготовки. Увы, прошло не болѣе четырехъ лѣтъ моего пребыванія на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета, и я утратилъ это знаніе греческаго языка, а почему, о томъ рѣчь особо.

Любопытнымъ и даже драгоцѣннымъ для насъ, учениковъ, былъ надзиратель старшихъ классовъ, Аполлонъ Григорьевичъ Бѣлопольскій; это былъ че-

ловѣкъ необыкновенныхъ талантовъ, волею судьбы попавшій въ надзиратели, цѣнитель музыки и литературы, и душевно интересовавшійся всѣми дѣлами, успѣхами и судьбою учениковъ. Въ то же время это былъ человѣкъ непоколебимой честности, соединявшій съ любезностью твердость характера, либеральный образъ мыслей, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. На Москвѣ онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что онъ самъ и вся его семья спали круглый годъ на открытомъ воздухѣ, въ комнатѣ съ открытыми окнами. Жена его отличалась такимъ здоровьемъ, что однажды, встрѣтя ее на улицѣ, я услышалъ отъ нея слѣдующее: „можете меня поздравить. Я сегодня разрѣшилась отъ бремени“. Бѣлопольскій привелъ въ свою вѣру поклоненія чистому воздуху художника И. Е. Рѣпина и историка Д. И. Иловайскаго, правда, оба черезъ нѣсколько лѣтъ отъ этого режима отстали. Тотъ же Бѣлопольскій, какъ и В. П. Шереметьевскій, любили читать вслухъ гимназистамъ Гоголя, а Владиміръ Петровичъ обладалъ положительнымъ талантомъ художественнаго чтенія, и для всѣхъ учениковъ старшихъ классовъ уроки русскаго языка были въ недѣли передъ большими праздниками временемъ высокаго наслажденія. Кстати, это были годы, когда ломалась и система преподаванія, отмѣнялась зубрежка, открывалось объяснительное чтеніе, задавалось на лѣто чтеніе писателей. Словомъ сказать, открывались какъ будто „золотыя врата“ русскаго просвѣщенія. Увы, воспользовались этими широкими вратами весьма немногіе, и уже въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ сложилась острота — „корни просвѣщенія (русскаго) горьки, а плоды его кислы“. Мы, однако, подростки были очарованы этимъ временемъ, чувствовали себя студентами въ VI-мъ классѣ, а я скупалъ себѣ библіотеку. На эти покупки уходили цѣликомъ тѣ три рубля въ мѣсяцъ, которые платилъ мнѣ отецъ за уроки брата, и вообще всѣ мои доходы. Дома, не стѣняясь своей аудиторіи, я читалъ вслухъ, примѣняясь къ различнымъ вкусамъ, Гоголя и Загоскина, и именно этимъ упражненіемъ развилъ, насколько могъ, свободную фразировку. Когда стали ставить у насъ, уже въ VI-мъ классѣ, подъ режисерствомъ Шереметьевского, „Женитьбу“ Гоголя, я, въ числѣ другихъ гимназистовъ, исполнялъ такъ сваху, что сталъ актеромъ на характерныя роли, и въ слѣдующемъ году, при постановкѣ „Ревизора“ исполнялъ Осипа. Первымъ талантомъ оказался Спиро, будущій профессоръ фізіологіи въ Новороссійскомъ университетѣ. Это былъ очень талантливый человѣкъ, который, однако, будучи ассистентомъ Сѣченова, такъ и не успѣлъ приложить своихъ способностей къ наукѣ. Былъ музыкантомъ, чтецомъ, пѣвцомъ, но всю жизнь потерялъ на мелочи.

Сама жизнь на Москвѣ, какъ мнѣ помнится, рѣзко измѣнилась. Не чувствительно, вмѣстѣ съ нею, переѣхали и обыватели; куда дѣвалась ихъ прежняя, мнѣ живо памятная, запуганность, взаимная отчужденность, разрозненность классовъ. Въ силу ли собственныхъ впечатлѣній или подъ вліяніемъ разговора старшихъ, особенно дворни, съ которою я былъ въ большихъ ладахъ, но я живо помню тѣ страхи, мгновенно нараставшіе на улицѣ у всѣхъ, когда, гремя и оглашая пустынную улицу криками, проносились по Покровкѣ чины полиціи или самъ полицмейстеръ и даже графъ Закревскій, генералъ-губернаторъ, а мы, малыши, метались домой черезъ подворотню. Живо помню, какъ вернувшійся

домой отецъ шепотомъ сообщалъ о смерти Николая I-го и повелъ насъ въ приходскую церковь Воскресенія, что на Барашахъ, приносить присягу. Улица Покровка и доселѣ немногочисленна и не является такою артеріею Москвы, какъ, напримѣръ, Мясницкая, а въ тѣ времена она всегда была пустынна, и я хорошо помню, что, бывало, зимою, особенно въ Великомъ посту, идя поутру въ гимназію, я не встрѣчалъ ни одной живой души. Память, однако, живо сохранила мнѣ одинъ день, когда эта улица была наводнена толпами сбѣжавшагося со всѣхъ концовъ Москвы народа. Гнали сквозь строй солдата, совершившаго святотатство въ церкви нашего прихода, какое — точно я не зналъ, но я вмѣстѣ съ другими мальчиками смотрѣлъ эту ужасную казнь съ чердака нашего дома, высунувшись изъ раствореннаго слухового окна, рискуя паденіемъ на улицу. Я помню только, что я видѣлъ плотно сжатую кучу народа на всемъ протяженіи, какое окидывалъ глазъ, и двигавшуюся посрединѣ группу или рядъ, въ которомъ я ничего не различалъ по своей близорукости, но я помню какъ долго шли у насъ разговоры о клочкахъ истерзаннаго мяса на спинѣ несчастнаго солдата, о дикой командѣ его тащившей и надъ нимъ мучительствовавшей. Подобно другимъ запоздалымъ ужасамъ Русской земли этотъ актъ русской власти возбуждалъ во всѣхъ, кромѣ страха, чувство глубокаго отвращенія и затаенной злобы. Будучи всегда отчужденнымъ отъ своей семьи, я всегда былъ болѣе близокъ къ простонародью — нашей прислугѣ, домовою дворнѣ, и могу утверждать, что никогда во всѣхъ случаяхъ своего сближенія съ народомъ мнѣ не доводилось слышать добрыхъ словъ о какой бы то ни было русской власти, и для меня въ настоящее время ясно, что я былъ и раньше правъ, когда не вѣрилъ ничѣмъ изліяніямъ преданности русскому царю, хотя самъ лично, враждебно ошущая полную неподготовленность русскаго народа къ самостоятельной политической и общественной дѣятельности; до конца 1916 года принципиально стоялъ за сохраненіе самодержавія и лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до революціи измѣнилъ своей натурѣ, сталъ желать революціи, о чемъ скажу подробнѣе, если успѣю, послѣ. Теперь же считаю нужнымъ сообщить на всякій случай, если эти записки мои попадутся на глаза психологу или физиологу, одно, неперестающее занимать меня въ глубинѣ моей души, наблюденіе. Считаю нужнымъ прибавить, что въ отличіе отъ своихъ соотечественниковъ я буду говорить объ этомъ обстоятельстве не только съ полной искренностью, но и со всею доступной мнѣ точностью. Оговорюсь заранѣе, однако, что самъ я продолжаю относиться къ этому обстоятельству очень смутно и никакихъ выводовъ изъ него не дѣлаю.

Не знаю какъ другіе, но я внутренно знаю себя, т. е., говоря принятымъ философскимъ языкомъ, сознаю свое личное „Я“ съ той самой поры, какъ помню и свою внѣшнюю фигуру, не по отраженію ея въ зеркалѣ, такъ какъ никогда, считая себя очень некрасивымъ и непріятнымъ на взглядъ другихъ человѣкомъ, не любилъ смотрѣться въ зеркало. Такъ вотъ, съ той самой поры, какъ я вижу какъ-будто себя ползущимъ по корридору въ кухню и горько плачущимъ — вѣроятно, кто-нибудь на меня наступилъ — стало быть, приблизительно съ трехъ лѣтъ, я совершенно ясно сознаю въ себѣ эту свою внутреннюю натуру, свое личное „Я“, никогда не мѣнявшееся и тогда уже сложившееся. Если существуетъ, такъ называемое, развитіе, то когда же оно совершилось,

если я еще ребенкомъ, тоже лежа на полу, просилъ, чтобы мнѣ дали книгъ для чтенія, и то единственное, чѣмъ я отъ своего отца пользовался, были книги. Какъ въ послѣдствіи, имѣя многочисленную семью, я всегда жилъ одинъ, среди своихъ работъ, друзей и службы, такъ и въ отдаленномъ дѣтствѣ я настолько былъ чуждъ всего окружающаго, что узнавалъ о немъ черезъ своего юркаго брата и, кратко говоря, имѣлъ уже тогда весь тотъ характеръ, которымъ отличался въ старости. Такимъ образомъ, для меня лично, какъ будто не остается даже сомнѣнія въ томъ, что вмѣстѣ съ тѣломъ, внутри меня жила опредѣленная душа, что она отличалась такими стойкими сторонами характера, духовныхъ наклонностей, своеобразныхъ вкусовъ, что это замѣчали всѣ, не исключая отца; моихъ братьевъ удивляла моя страсть къ чтенію, а товарищи въ старшихъ классахъ сулили мнѣ профессуру.

Возвращаясь къ разсказу, долженъ признаться, что эта моя нелюдимость спасала меня отъ многого зла, когда я, послѣ смерти матери, былъ выселенъ на житье въ чуланъ, сосѣдній съ кухнею, и очутился въ обществѣ прислуги, изъ которой многіе экземпляры были болѣе или менѣе красивыми или милыми дѣвицами. Я подвергался понятнымъ опасностямъ для своихъ юныхъ лѣтъ, и только въ 20-ть лѣтъ былъ влюбленъ, и то въ свою будущую жену. Я рисковалъ сдѣлаться навсегда болѣзненнымъ меланхоликомъ или вовсе нравственнымъ уродомъ, если бы въ то же время не было у меня, болѣе или менѣе постоянно, привязанности къ нѣкоторымъ друзьямъ, а также пламенной религіозности, въ силу которой я не только прислуживалъ въ церкви, но и пѣлъ на клиросѣ, порою вмѣсто дьячка, даже когда былъ студентомъ. Благодаря моей слабонервности, церковная служба и пѣніе дѣйствуютъ на меня доселѣ такъ сильно, что я долженъ избѣгать продолжительныхъ служеній. Къ тому же жизнь моя у отца становилась все тяжелее, благодаря слѣдующему обстоятельству: мой младшій братъ Яковъ, о которомъ я теперь скажу нѣсколько словъ, послѣ смерти матери остался маленькимъ ребенкомъ; въ противоположность намъ ему брали кормилицъ, нянекъ, звали докторовъ во время его болѣзней, но затѣмъ отецъ обратилъ меня въ няньку Якова, а я имѣлъ слабость, за отсутствіемъ другихъ привязанностей, увлечься этимъ занятіемъ и сдѣлался въ своемъ родѣ образцовой нянькой, чему немало дивились въ домѣ. Но Яковъ подрасталъ, тяжело было его ученіе, онъ такъ и не кончилъ курса, былъ удаленъ изъ гимназіи, и когда отецъ умеръ, то онъ получилъ въ наслѣдство, завѣщанный именно ему цѣликомъ весь капиталъ. Отецъ скопилъ, будучи главноуправляющимъ имѣніемъ съ милліоннымъ доходомъ, только 17-ть тысячъ рублей, такъ какъ получалъ по собственному опредѣленію три тысячи рублей ассигнаціями жалованія. Получивъ эту сумму въ руки, Яковъ сталъ кутить и играть на биржѣ, потерялъ всѣ деньги, сталъ пить и рано умеръ.

За все это унылое время моей жизни, когда я находилъ утѣшеніе и интересъ къ жизни только въ средѣ гимназическихъ товарищей, которыхъ изрѣдка посѣщалъ самъ, опасаясь своей дикости и невоспитанности, я имѣлъ только одинъ мѣсяцъ довольства и добрыхъ ощущеній — это были двѣ моихъ поѣздки въ одно изъ имѣній Трубецкихъ, село Спасское Подольскаго уѣзда, въ которомъ нѣкогда былъ богатый каменный домъ со службами, чудный садъ, а главное —

дубовыя роши, въ которыхъ я съ мальчишками проводилъ все свое свободное время. Эти два моихъ выѣзда изъ дому были вызваны тѣмъ обстоятельствомъ, что отецъ, уѣзжая на лѣто для ревизіи многихъ имѣній изъ экономіи, не хотѣлъ оставлять дома лишняго хозяйства, а онъ бралъ съ собою въ дорогу Мишу, старшій же братъ Валерьянъ и безъ того давно изъ дому ушелъ и жилъ на кондичіяхъ, какъ тогда говорили; Яковъ же былъ переданъ кому-то на воспитаніе. Это мое пребываніе въ Спасскомъ среди природы оставило во мнѣ доселѣ чарующее воспоминаніе, и имъ объясняется для меня самого моя манія — имѣть при жизни уголь въ деревнѣ.

Такъ кончилъ я ученіе въ гимназіи однимъ изъ первыхъ учениковъ — а у насъ ихъ было или пять или шесть, имѣвшихъ почти полное пять въ отмѣткахъ, при чемъ я иногда становился вторымъ, благодаря преслѣдованію французъ за мое тогдашнее произношеніе. Кстати сказать, я впослѣдствіи, благодаря личнымъ усиліямъ, усвоилъ себѣ порядочное произношеніе французское и нѣмецкое и еще въ гимназіи пристрастился до упоенія къ чтенію историческихъ книгъ и прямо поглощалъ сочиненія Павла Кудрявцева, Прописи и вообще изданія Леонтьева и выучился читать свободно по нѣмецки въ силу желанія читать историковъ.

Мы съ братомъ кончили гимназію съ чиномъ XIV класса, и отецъ немедленно отпустилъ Мишу въ деревню на гощеніе, а я остался одинъ въ квартирѣ съ кухаркой, которой по расчету были выданы на наше общее содержаніе скудныя донельзя деньги; правда, и безъ того мы не привыкли къ хорошему и обильному столу, и самымъ вкуснымъ для насъ блюдомъ былъ крупеникъ изъ гречневой каши съ творогомъ, смѣнявшійся картофелемъ подъ бешемелью. Хлѣба, однако, было у насъ вдоволь, пекли его дома и хорошо. Какъ теперь вспоминаю, съ нѣкоторой даже жуткой чуткостью ко всѣмъ подробностямъ, я, получивъ отъ отца три рубля за послѣдній мѣсяцъ занятій съ Михаиломъ и отказъ взять меня съ собой въ деревню, впалъ въ мрачное настроеніе, продолжавшееся у меня нѣсколько тяжелыхъ дней. На эти три рубля я купилъ себѣ $\frac{1}{4}$ чаю, немного сахара и порошокъ какао, который я очень любилъ пить съ молокомъ. Изъ этого отчаянія, въ которое я готовъ былъ впасть, меня выручилъ только счастливый случай, и я съ особою сердечностью вспоминаю того человѣка, который меня собственно выручилъ — это былъ Константинъ Павловичъ Семеновъ, молодой студентъ историко-филологическаго факультета, жившій по сосѣдству на Покровкѣ со своею семьей — матерью, сестрою и теткою. Онъ былъ сынъ какого-то чиновника, оставившаго семьѣ небольшое состояніе, которое семья проживала, дополняя его платою за уроки, даваемые сыномъ. Кромѣ того, тетушка, дѣвица и старушка, держала въ Замоскворѣчѣ табачную лавочку и тоже поддерживала хозяйство. Семеновъ былъ чрезвычайно высокаго роста, необыкновенной широты въ плечахъ, худой и угловатый, замѣчательно умный, точный, наблюдательный и въ тоже время застѣнчивый и строгій къ себѣ и другимъ человѣкъ. Насъ сблизило книголюбіе и походы подъ Сухаревку за поисками старыхъ и дешевыхъ книгъ. Тѣмъ не менѣе, я бывалъ у Семенова рѣдко и, только благодаря расположенію къ себѣ этой тетушки, рѣшился, едва ли не на другой день послѣ отъѣзда отца, пойти къ нимъ; кстати, Семеновъ кон-

чилъ ранѣе университетъ кандидатомъ и успѣлъ переѣхать на дачу, которую они наняли гдѣ-то за Калужской заставой, очень дешево по случаю. Это не была собственно дача, а большой каменный домъ съ колоннами и фронтономъ — остатокъ подмосковскаго имѣнія. Нѣмецъ баронъ, изъ обѣднѣвшихъ прежектеровъ, нанялъ его подъ какую-то фабрику, но фабрики не завелъ и, бросивъ въ домъ семью, уѣхалъ, предоставивъ ей устраиваться на жительство. Семья принуждена была изыскивать средства къ существованію разными путями, между прочимъ, сдачею многочисленныхъ помѣщеній дома подъ дачи. И вотъ, Семеновы поселились у баронессы. Какъ теперь помню, я, не зная въ то время никакихъ приличій, пришелъ къ Семенову еще утромъ, былъ радушно имъ принятъ, и, подъ вліяніемъ всего приѣма для меня мало обычнаго, впалъ въ откровенность, а затѣмъ, мало по малу стараясь изобразить ему свою горькую жизнь, перешелъ къ изліяніямъ и сталъ истерически плакать. Должно быть это продолжалось долго, такъ какъ я помню появленіе при этомъ его матушки, а затѣмъ, и своего рода семейное совѣщаніе. Я былъ оставленъ на весь день и даже на ночевку на дачѣ, а главное немедленно устроенъ въ домъ учителемъ дѣтей баронессы Софьи Федоровны (фамиліи не помню), какъ теперь припоминаю, съ жалованьемъ 15 рублей въ мѣсяцъ на полномъ содержаніи. Высшимъ счастьемъ для меня было общеніе съ Константиномъ Павловичемъ, а равно невиданнымъ развлеченіемъ — прогулки съ нимъ по окрестностямъ и вечера, проводимые на воздухѣ среди разной молодежи, многочисленныхъ посѣтителей гостепріимнаго дома Семеновыхъ, его товарищей и обитателей нашего дома. Здѣсь впервые я сколько-нибудь воспитался, а былъ я нестерпимо, въ общественномъ смыслѣ, неуклюжъ и рѣзокъ, въ то же время застѣнчивъ и пугливъ и неповоротливъ. Дружба моя съ Семеновымъ отъ времени только росла вмѣстѣ съ моимъ почитаніемъ его до, увы, ранней его смерти отъ злой чахотки, унесшей его въ могилу не старше 25-лѣтъ. Для меня всегда останется памятнымъ образъ этого человѣка, какъ живой упрекъ русскому обществу. Я вновь повторяю, что это былъ человѣкъ замѣчательный, а изъ дальнѣйшаго, можетъ быть, будетъ видно, что такую оцѣнку я дѣлаю вообще неохотно. Я помню, какъ зимой и лѣтомъ былъ занятъ онъ всегда чтеніемъ или работою въ своей библіотекѣ, а въ рукахъ у него бывали нерѣдко при этомъ фоліанты древнихъ классиковъ парижской печати XVIII вѣка, и разбиралъ онъ въ нихъ различныя тонкости стиховъ Катулла. И вотъ, никто изъ профессоровъ факультета не обратилъ никакого вниманія на него, этого тончайшаго въ духовномъ отношеніи слушателя, и не подумалъ оставить его при университетѣ, посвятить профессурѣ. Правда, Семеновъ былъ гордъ и къ профессорамъ съ задняго крыльца не ходилъ и любезностей имъ не говорилъ. Семеновъ же былъ причиною того, что я, вмѣсто занятій исторіею, которой я въ тѣ поры увлекался, рѣшился слѣпо послѣдовать его совѣту и специализироваться по исторіи искусства, руководясь прежде всего, какъ онъ говорилъ, тѣмъ, что это предметъ совершенно новый въ Россіи, никому неизвѣстный, мнѣ легче будетъ по немъ получить каѳедру, меня будутъ просить, а не я буду искать каѳедры, и т. д.

Въ своемъ выборѣ я никогда не раскаивался, такъ какъ въ своихъ занятіяхъ по исторіи искусства я смогъ, кромѣ эстетическаго наслажденія, найти и ду-

ховное удовлетвореніе. Конечно, в послѣдствіи, когда въ Одесскомъ университетѣ я сошелся почти исключительно съ профессорами естественнаго факультета: Сѣченовымъ, Мечниковымъ, Ковалевскимъ, Головкинскимъ, Умовымъ, я жалѣлъ или внутренно сокрушался, что при своей страсти къ наукѣ не избралъ также естественнаго факультета, такъ какъ чувствовалъ въ то время, что предметъ мой никому не нуженъ, но это было своего рода малодушіе, ибо въ то же время я ясно сознавалъ при поступленіи въ университетъ свое внутреннее влеченіе къ историческимъ наукамъ.

Ко времени своего университетскаго курса, подчиняясь отчасти вліянію новыхъ кружковъ меня охватившихъ, я сталъ радикаломъ и находилъ въ этомъ нѣкоторое утѣшеніе въ своей тяжелой жизни. Всѣ годы университетскаго курса я долженъ былъ давать уроки, совершая почти ежедневные походы съ Покровки на Арбатъ и даже на Дѣвичье Поле, по рублю, а иногда по полтора рубля за часъ. Будучи освобожденъ отъ платы, я получалъ также стипендію — восемь рублей съ копѣйками въ мѣсяцъ, что было для меня большой находкой. Я могъ расходовать на завтраки и даже обѣды по 20 и 30 копѣекъ, на растегаи съ парюю чая въ трактирѣ по 25-ти копѣекъ и даже ходить въ театръ, конечно, въ рай, но исключительно въ Малый, т. е. въ драматическій, стоявшій тогда на исключительной высотѣ. Ради того, чтобы слушать Ристори я даже абонировался въ раекъ на 6-ть ея представленій, за что и уплатилъ три рубля серебромъ. Чтобы понимать игру я покупалъ кромѣ того либретто пьесъ и выучился читать на итальянскомъ языкѣ. Характерно то, что когда и во второй ея пріѣздъ въ Москву, помнится года черезъ два, я абонировался тоже въ раекъ, но возсѣдалъ уже на каждомъ спектаклѣ въ креслахъ партера, такъ какъ театръ на всѣхъ представленіяхъ Ристори — а она давала спектакли въ Большомъ театрѣ, привезя всю свою труппу, — бывалъ совершенно пустой, отъ партера до райка включительно. Такова русская публика — надо быть справедливымъ — всѣхъ русскихъ городовъ, сколько я могъ въ своей жизни судить. Вкусъ къ театру есть дѣло моды вездѣ, не въ одной Россіи, и нуждается въ рекламѣ больше всѣхъ остальныхъ вкусовъ, но для меня лично до сихъ поръ осталось въ памяти болѣзненное ощущеніе этого перваго урока; тоже было на моихъ глазахъ съ изумительнымъ трагикомъ Ольриджъ, великимъ трагикомъ Грассо и даже просто русскими труппами, пріѣзжавшими въ провинцію. О вкусахъ, конечно, не слѣдуетъ спорить, но всякому у кого сколько нибудь развился вкусъ, особенно въ области эстетической, слѣдуетъ не только наставлять другихъ, но, какъ я убѣдился, вдалбливать другимъ, какъ то дѣлалъ покойный В. В. Стасовъ. Правда, я лично въ жизни никогда не имѣлъ охоты писать какія бы то ни было критическія статьи въ поученіе другимъ, будучи враждебно равнодушенъ ко вкусамъ и мнѣніямъ русскаго общества и даже окружавшихъ меня научныхъ кружковъ. Сказать уже кстати, я сталъ заниматься исторіей искусства несмотря на то, что все общество моего времени, начиная съ 60-хъ годовъ, на протяженіи сорока лѣтъ слишкомъ, было настроено матеріалистично и открыто враждебно къ искусству; отсюда получилось основное публицистическое направленіе русской живописи.

Но надо сказать прежде всего о Московскомъ университетѣ моего времени,

какъ извѣстно, стоявшемъ тогда столь высоко, какъ, очевидно, ни въ одномъ періодѣ его существованія стоять ему не доводилось. Недаромъ и въ литературѣ уже составилъ своего рода ореолъ, которымъ этотъ университетъ гордится и доселѣ. Правду сказать, однако, этотъ ореолъ, въ значительной степени обязанъ своимъ появленіемъ во 1-хъ патріотизму москвичей, а во 2-хъ тому самому романтизму литературныхъ воспоминаній, на который я уже указалъ выше, какъ на ихъ основной тонъ. На самомъ дѣлѣ Московскій университетъ и въ мое время въ средѣ своей профессуры представлялъ много такой ветоши, что, конечно, ни одинъ иностранный университетъ не потерпѣлъ бы въ своихъ стѣнахъ. На меня лично удручающее впечатлѣніе сдѣлало то, что я, имѣя только 16 лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ отъ роду, долженъ былъ пройти рядъ канцелярій и пріемныхъ, прежде нежели я получилъ разрѣшеніе поступить въ университетъ. Памятно мнѣ, какъ я при этомъ представлялся и ректору Альфонскому, возсѣдавшему на креслахъ и даже не поднявшему на меня глазъ въ качествѣ высокаго мандарина. Непріятно удивило и то, какъ нѣкій столоначальникъ правленія, толстый и солидный, выдавъ мнѣ, наконецъ, разрѣшеніе, зазвалъ меня изъ корридора въ боковую комнату и потребовалъ „за хлопоты“; я далъ ему три рубля на радостяхъ и онъ удовлетворился. Одинъ старый служивый, швейцаръ Московскаго университета, изображалъ мнѣ въ лицахъ, какъ студенты ходятъ въ университетъ въ разные годы своего ученія: съ крайней робостью и почти на цыпочкахъ сначала, самоувѣренно и съ достоинствомъ на второй годъ, нахально и презрительно на послѣднемъ курсѣ. Говорятъ, что такъ бываетъ и доселѣ. Я, къ сожалѣнію, этого не знаю, такъ какъ, признаюсь, во время моего ученія не замѣчалъ, самъ же всегда относился къ университету не только съ почтеніемъ, но и съ нѣкоторымъ страхомъ, а затѣмъ, будучи уже профессоромъ, не могъ наблюдать студентовъ: на студентовъ мнѣ тошно было смотрѣть и въ аудиторіи, а тѣмъ болѣе въ корридорахъ. Говорю же объ этомъ только потому, что среди своихъ товарищей студентовъ я зналъ гораздо больше искусныхъ зоиловъ, чѣмъ цѣнителей. Между тѣмъ многіе изъ этихъ зоиловъ не только ходили къ профессорамъ въ положенное для нихъ время, но также забѣгали и въ будни и зачастую съ задняго крыльца, главнымъ образомъ заслуживъ расположеніе дамской половины. Эти товарищи — укажу прямо на одного, славившагося у насъ умѣніемъ околпачивать какого угодно профессора, даже на пари — А. И. Кирпичникова, въ которомъ души не чаяли одновременно профессора самыхъ разнообразныхъ кафедръ. Очень понятно будетъ, если я скажу, что околпачивали, по преимуществу, именно ветошныхъ профессоровъ, такъ какъ все же къ чести молодежи большинство ея льнуло къ лучшимъ профессорамъ. Что же я долженъ буду сказать о теперешнемъ университетѣ, при томъ какомъ угодно, на выборъ, когда въ немъ вы обыкновенно слышите панегирики одному или двумъ профессорамъ, тогда какъ всѣхъ остальныхъ студенты прямо позорятъ въ своихъ разговорахъ другъ съ другомъ, какъ если бы это были ихъ кровные враги. И современное исканіе популярности въ профессорскомъ кругу — есть, увы, жестокая, но полная необходимость. Впрочемъ, объ этой наглости молодого поколѣнія я буду говорить послѣ.

Для меня лично, съ самага моего поступленія и доселѣ, истиннымъ ореоломъ окружена память профессора и въ тѣ поры уже академика, Федора Ивановича Буслаева. Хотя я слушалъ его исключительно по литературѣ — русской и иностранной, но, пользуясь его широко открытыми для студентовъ — приемами, ходилъ къ нему часто, бралъ книги, слушалъ его съ обожаніемъ, а уже по выходѣ изъ университета, сталъ заниматься христіанскимъ искусствомъ, именно подъ его вліяніемъ. Правда, и здѣсь мнѣ нравилась извѣстная свѣжесть этого отдѣла, едва начатаго разработкой, такъ какъ меня всегда привлекало больше стремленіе къ знанію и пониманію, чѣмъ къ эрудиціи и поклоненію авторитетамъ. Въ лицѣ Буслаева я долженъ, прежде всего, выразить полное свое согласіе съ [мнѣніемъ о] варварскомъ отношеніи русскаго общества къ своимъ знаменитостямъ. Кто, кто, а казалось бы ужъ Буслаевъ заслуживалъ быть упомянутъ въ томъ календарѣ — „Властителей русской мысли“, которые, на примѣръ, печатаются по новому обычаю при мѣсяцесловахъ и записныхъ книжкахъ. Какой только презрѣнной шушеры въ качествѣ писателей или артистовъ, адвокатовъ, не поминаютъ у насъ тамъ въ дни ихъ рожденій и смерти. Вы не находите только вовсе тамъ ученыхъ, не только что старыхъ, но даже, на примѣръ, Мечникова, какъ не встрѣтите даже такихъ крупныхъ лицъ, какъ Витте или Побѣдоносцевъ. Вотъ уже подлинно народъ, котораго просвѣщеніе свелось только къ тому, что онъ чититъ гистріоновъ, — прославленную Тургеневымъ Савину, какъ лучшую актрису на роли каторжанокъ, или пьяныхъ велосипедистовъ Уточкина, Бутылкина и Бугаева. Однажды въ разговорѣ съ академикомъ А. Н. Веселовскимъ, который былъ также ученикомъ Буслаева, но затѣмъ отдѣлился отъ него, выработавъ свою полосу въ наукѣ, при томъ очень обширную, говоря о Буслаевѣ, я предложилъ ему признать, что онъ заслуживаетъ быть признанъ геніальнымъ ученымъ, и получилъ отъ него полное согласіе. Это былъ, прежде всего, человѣкъ необыкновенно талантливый, но къ тому же, по счастью, удачливый въ своей жизни. Я имѣю нѣкоторое сходство съ нимъ, по условіямъ своей ученой карьеры, въ томъ отношеніи, что первое время молодости, также былъ учителемъ и своею ученой карьерой обязанъ частымъ поѣздкамъ за границу для изученія музеевъ и памятниковъ Запада и греческаго Востока. Но, тогда какъ въ мое время эти поѣздки были возможны уже при небольшихъ средствахъ, Буслаевъ въ молодости не могъ бы самъ исполнить того же, но ему посчастливилось найти въ лицѣ Сергѣя Григорьевича Строганова, пригласившаго его быть учителемъ сына — Григорія Сергѣевича на время продолжительнаго пребыванія въ Италіи. Будущій историкъ русской литературы и изслѣдователь русскаго языка образовался, такимъ образомъ, разомъ въ художественномъ и обще-историческомъ отношеніи и сталъ европейцемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Здѣсь не мѣсто оцѣнивать все то, что сдѣлалъ онъ для русской археологіи, но нельзя обойти молчаніемъ его исторической роли въ ходѣ русскаго просвѣщенія. Дѣло въ томъ, что Ю. И. Буслаевъ былъ настоящимъ западникомъ, но не могъ примкнуть къ тому общему направленію русскихъ западниковъ 40-хъ и 50-хъ годовъ прошлаго вѣка, которые въ своемъ крайнемъ западничествѣ относились съ критическою враждою ко всей русской старинѣ. Извѣстно, какъ высмѣивали Буслаева въ юмо-

ристическомъ журналѣ „Свистокъ“ фельетонисты подъ диктовку Добролюбова и Чернышевскаго. Въ то же время Буслаевъ не могъ имѣть ничего общаго и съ лагеремъ славянофиловъ, и его любимымъ заключительнымъ словомъ на лекціяхъ было обычно сопоставленіе характернаго тождества мыслей и взглядовъ въ литературныхъ произведеніяхъ Запада отъ XIII и XIV вѣковъ съ русскими памятниками XVII вѣка. Буслаевъ читалъ намъ одновременно русскую литературу и западную, что было тѣмъ болѣе интересно, что на факультетѣ не было вовсе кафедры иностранной литературы. Каждая почти его лекція, происходившая въ большой аудиторіи, заканчивалась рукоплесканіями. Она была цѣликомъ написана превосходнымъ буслаевскимъ слогомъ и прочитывалась громко съ чувствомъ и толкомъ. Лично я не зналъ болѣе красиваго чтеца. Это было нѣчто среднее между русской манерой чтенія лекцій, простой, чуждой выраженія, отвѣчающей содержанію безъ всякаго построения, а потому лишенной заранѣе убѣдительности, и манеры французской, дающей въ концѣ концовъ какую-то свѣтскую или научную проповѣдь. Насколько насъ очаровывали лекціи Буслаева и Леонтьева, настолько же холодно относились мы къ лекціямъ С. М. Соловьева, хотя каждая изъ нихъ была построена систематично и искусно, но была лишена для насъ той живой занимательности, какой обладалъ Буслаевъ. Это были два совсѣмъ разныхъ человѣка на кафедрахъ; Соловьевъ представлялъ собою своего рода дѣлопроизводителя или государственнаго секретаря, безстрастнымъ голосомъ, съ закрытыми глазами, прочитывавшаго протоколы историческихъ дѣлъ; Буслаевъ же читалъ объ испанскомъ Сидѣ съ оживленіемъ настоящаго каталонца. Къ тому же это былъ красивый мужчина, высокаго роста, съ могущественной головой, тонкаго духовнаго типа, напоминавшаго весьма близко традиціонную голову ап. Павла, со вздымлымъ лбомъ, крючковатымъ слегка носомъ, большими и открытыми глазами и выразительнымъ очеркомъ губъ. Подчиняясь общему закону, Буслаевъ старался подчеркнуть природныя особенности своей фізіономіи, обладавшей рѣдкимъ въ Россіи продолговатымъ и правильнымъ, къ низу суженнымъ оваломъ, или подстригая свою бороду или даже оставляя одну эспаньолку. Въ объясненіе своего сравненія маски лица Буслаева съ головой ап. Павла, я долженъ сказать что, византійцы, создавшіе этотъ типъ, наряду съ типомъ ап. Петра, характернаго греческаго рыбака, въ лицѣ ап. Павла отмѣтили типъ патриція восточныхъ провинцій Римской имперіи — намѣренно забывая, что бывшій Савль, ставъ апостоломъ, добывалъ себѣ хлѣбъ производствомъ матрасовъ. Всѣхъ насъ удивляла и занимала въ то же время странная манера буслаевского разговора. О. И. въ отвѣтъ ли на вопросъ или начавъ разговоръ, приставая ли къ бѣсѣдующимъ, всегда начиналъ свои отвѣты отрывочными словами, внѣ порядка, или даже междометіями: „да, да, да“, „нѣтъ-съ, нѣтъ-съ“ и проч. Итакъ, говорилъ онъ долго, какъ вдругъ, словно изъ ряда нахлынувшихъ въ его мозгу мыслей, онъ останавливался на одной, къ нему возвращался привычный даръ слова, и онъ поражалъ васъ тонкостью своего отвѣта. Что же было, когда его осаждалъ нерѣдко десятокъ студентовъ? Былъ онъ привѣтливъ, хлѣбосолень и гостепріимень до конца дней своихъ, даже когда совсѣмъ ослѣпши, сидѣлъ недвижно въ своемъ креслѣ и только слушалъ собесѣдниковъ. Также

гостепріимна была его первая жена, урожденная Сиротинина, имѣвшая видъ англійской леди по своему одинаково привѣтливому обращенію со всѣми. Какъ теперь помню, въ квартирѣ Буслаева, у Неопалимой Купины, за длиннымъ, собраннымъ изъ ломберныхъ столовъ, столомъ толпились, большинство стоя, немногіе сидя, со стаканами чая, у различныхъ закусокъ, всѣ вмѣстѣ — и профессора, писатели и художники, дамы и студенты. И Ѳедоръ Ивановичъ настойчиво угощалъ всѣхъ, предлагая то или другое, подавая папиросы, закуривая сигару. При мнѣ было: онъ поучалъ кого-то собственнымъ примѣромъ: „я-съ и курю все, и папиросы и сигары, и нюхаю-съ“ — слѣдовалъ зарядъ въ носъ на глазахъ собесѣдника. „Да-съ, въ жизни надо всѣмъ пользоваться, что есть хорошаго: и водку пить и красное вино, если можно достать, то итальянское“. Такъ жилъ и такъ дѣйствительно поступалъ, расходуя все, что получалъ, не дѣлая никакихъ сбереженій и въ отставку довольствуясь своей пенсіей. Библіотека была у Буслаева громадная, особенно драгоценная по своимъ личнымъ рукописямъ и художественнымъ изданіямъ. Книги закупалъ онъ особенно во время выѣздовъ своихъ за границу; именно ради своихъ расходовъ на книги, онъ, помимо чисто научныхъ работъ, занимался изданіемъ русской грамматики, исторической хрестоматіи, дававшихъ ему для того достаточныя средства. Всякой политики, а тѣмъ болѣе университетской, чуждался, всякихъ постовъ избѣгалъ, а когда на моей памяти принялъ ненадолго мѣсто учебнаго инспектора въ одномъ изъ женскихъ учебныхъ заведеній, быстро съ него ушелъ, тотчасъ не поладивъ съ начальницей. Заканчивая это свое посильное слово о незабвенномъ для меня учителѣ, я долженъ сказать, что лучший очеркъ его личности каждый самъ можетъ составить, прочитавъ его „Воспоминанія“, которыхъ, однако, никто не нашелъ доселѣ нужнымъ перепечатать изъ „Вѣстника Европы“, гдѣ они были напечатаны.¹ Помню также хорошо, сколько ни былъ я знакомъ, мнѣ никогда не довелось съ нимъ спорить, да и онъ самъ, въ отличіе истинно-русскихъ людей, не былъ спорщикомъ, отъ споровъ уклонялся, хотя говорилъ съ волненіемъ то, что онъ думалъ. И самыя отповѣди были всегда краткія. Я помню двѣ слѣдующія, ручаясь, въ то же время, за фактическую точность выпадовъ Буслаева. Московскій университетъ задумалъ произвести въ почетные доктора Алексѣя Николаевича Веселовскаго, ставшаго широко извѣстнымъ въ журнальной литературѣ своими этюдами о Мольерѣ. Веселовскій былъ очень милый москвичъ, но далеко не былъ ученымъ въ отличіе отъ своего ученаго брата. Буслаевъ возражалъ факультету и, какъ онъ мнѣ самъ рассказывалъ, выразился такъ: „господа-съ, я завтра пришлю вамъ своего дворника; сдѣлайте его, пожалуйста, почетнымъ докторомъ“. Конечно, затѣмъ сконфузился и ушелъ. Сталъ онъ Предсѣдателемъ Общества Любителей Россійской Словесности, и вотъ приносятъ ему программу литературнаго вечера, и онъ видитъ тамъ фамилію... „Это кто такой — спрашиваю я“. „А это извѣстный писатель, были его очерки Сибири, знаете, былъ ссыльнымъ, теперь возвращенъ“. Буслаевъ задумался и въ тотъ же день послалъ отказъ отъ

¹ Прим. ред. Здѣсь память измѣнила Никодиму Павловичу. Воспоминанія Ѳ. И. Буслаева были изданы отдѣльной книжкой въ Москвѣ въ 1897 г. В. Г. фонъ-Боолемъ.

званія предсѣдателя: ссыльный былъ ему вовсе неизвѣстенъ и онъ, выражаясь его словами, „не хотѣлъ быть хозяиномъ литературнаго застѣданія, на которомъ представляютъ не писателей, а ссыльных“. Мягкость характера Ѳеодора Ивановича была извѣстна всей Москвѣ, и въ университетскомъ совѣтѣ ему тяжело было бывать. Та же мягкость мѣшала ему открыто порицать въ русской жизни накопленную вѣками мерзость и [позволяла] довольствоваться чрезвычайно малымъ, даже въ умственномъ отношеніи. Нечего говорить и о томъ, до чего онъ былъ непритязателенъ въ жизни. Главныя его развлеченія состояли въ оперѣ, которой онъ наслаждался, какъ юноша. Раза два онъ приглашалъ меня на Лукку, пѣвшую въ Москвѣ, помнится въ 70-мъ году, и сидѣлъ въ ложѣ позади всѣхъ; никакими уговорами я не могъ убѣдить его сѣсть, если не впереди, то хотя рядомъ. „Нѣтъ, говоритъ онъ, я слушаю оперу, вовсе закрывши глаза, и тогда истинно наслаждаюсь: не могу видѣть, какъ пѣвица, открывая по правиламъ широко ротъ, поетъ партнеру прямо въ носъ“.

Жизнь его была устроена такъ: на каждое утро работа на два-три часа, но ежедневно; затѣмъ завтракъ и прогулка передъ обѣдомъ, но какая! Ѳеодоръ Ивановичъ ѣхалъ на извозикѣ на бульваръ въ ясную погоду, лѣтомъ и зимой, гулялъ по бульвару и безъ усталости возвращался домой пѣшкомъ. Бывая въ Италіи, онъ лѣтомъ шелъ на осмотръ музеевъ или церкви съ пледомъ въ рукахъ и надѣвалъ его, входя, ибо въ церквахъ и музеяхъ лѣтомъ въ Италіи холодно и очень легко простудиться. Затѣмъ обѣдалъ, немного отдыхалъ, пилъ чай, за чаемъ принималъ знакомыхъ — поутру допускалъ къ себѣ только для занятій и никогда не заводилъ длинныхъ разговоровъ, какъ то дѣлаютъ всѣ русскіе люди. Послѣ чая садился за работу, затѣмъ ужиналъ и читалъ или слушалъ чтеніе романовъ, прочитывая массы книгъ, а подъ конецъ даже имѣя при себѣ чтицу. Съ сожалѣніемъ разставаясь съ памятью незабвеннаго для меня человѣка, припоминаю его фразу, въ послѣднее съ нимъ свиданіе. „Благодаря Бога-съ я прожилъ хорошо и пріятно, много хорошихъ людей зналъ и многимъ наслаждался, и если бы Господь Богъ даровалъ мнѣ вторую жизнь, я бы ему сказалъ: „очень радъ я готовъ повторить ее!““. Въ этомъ я только съ нимъ радикально не согласенъ: я принялъ бы предложеніе съ благодарностью, но съ однимъ условіемъ: не въ Россіи.

На второмъ мѣстѣ по природной даровитости ставилъ я тогда и теперь Павла Михайловича Леонтьева, знаменитаго оракула въ исторіи русскаго классицизма. Увы, и ему не слѣдовало бы родиться въ Россіи. Это былъ человѣкъ тончайшаго аналитическаго ума, который съ одинаковымъ совершенствомъ разбиралъ умопомрачительныя тонкости Тацитовскаго текста, расходы по изданію крупной газеты, расходы учителя средне-учебнаго заведенія, выгоды и невыгоды различныхъ печатныхъ шрифтовъ. Все это исполнялъ онъ съ непоколебимымъ усердіемъ и полнымъ хладнокровіемъ, и мало того, со второй половины своей жизни, какъ нераздѣльный владыка, въ областяхъ высшей властью ему ввѣренныхъ. Но всѣ его невѣроятные труды и усилія походили, собственно, на удары тонкой дамаской сабли по корявому полѣну: отскакивали во всѣ стороны щепки, но пропала и сама сабля. Уже и то наводитъ грусть, что его имя обречено въ памяти нашей интеллигенціи на проклятіе, и можно

даже поблагодарить судьбу за то, что оно нынѣ предано забвенію. Студенты его не любили, но боялись, а профессора чуждались, онъ былъ для нихъ слишкомъ уменъ и тонокъ. Это былъ низенькаго роста горбунъ съ большою головою, плотно вдавшейся въ плечи, озаренной двумя большими глазами, ярко горѣвшими изъ подъ очковъ, длинные волосы — шевелюра геттингенскихъ ученыхъ — падала ему на плечи и спину и, жестикулируя костистыми и угловатыми пальцами въ воздухъ, онъ, бывало, стоя неподвижно на кафедрѣ, развивалъ передъ нами историческую или филологическую теорію. Начиная медленнымъ прерывистымъ голосомъ и какъ будто надсаживаясь надъ длиннымъ періодомъ, онъ не сразу овладѣвалъ выраженіемъ своей мысли. Онъ читалъ намъ начало Римской исторіи по Нибуру, влагая въ ихъ изслѣдованіе гораздо болѣе идейныхъ мыслей, чѣмъ у самого Нибура имѣется, какъ то я узналъ послѣ. У меня до сихъ поръ въ памяти цѣлая лекція, посвященная пуцолланѣ, основной почвѣ римской Кампаньи и столь извѣстной по ея приложенію къ древнѣйшимъ памятникамъ Рима и галлереймъ римскихъ катакомбъ. Также воодушевляясь, излагалъ онъ теорію римскихъ коммицій и основъ государственнаго права. Но, что было его исключительною силою — это страсть и способность къ тончайшимъ толкованіямъ понятій, содержащихся въ словѣ, будь оно латинское, греческое или русское: читая намъ Жизнь Агриколы Тацита, онъ разбиралъ каждое отвлеченное понятіе въ этомъ граненомъ текстѣ глубочайшаго писателя, природные алмазы народныхъ словъ, проходя сквозь его тончайшій анализъ, выходили передъ нами, на подобіе словесныхъ брильянтовъ. Увы, тѣ же воспоминанія мнѣ говорятъ, что развѣ только двое или трое изъ его слушателей воспринимали плоды этого анализа и наслаждались его исполненіемъ. Это мнѣ напоминаетъ мою собственную неудачу въ гимназіи, когда, пробуя заинтересовать учениковъ розысками корней, суффиксовъ и приставокъ въ русскомъ словѣ, я тоже находилъ даже для этой простой задачи не болѣе двухъ трехъ процентовъ участвующихъ. Быть можетъ, просто говоря, и вся чудовищная незадача классицизма, введеннаго въ систему среднеучебныхъ заведеній, обязана отсутствію контингента способныхъ воспринять эту систему въ ея основномъ духовномъ содержаніи. Къ сожалѣнію, Леонтьевъ, читавшій только на старшихъ курсахъ, былъ какъ разъ въ мое время весь захваченъ „Московскими Вѣдомостями“, публицистической борьбою съ польскимъ возстаніемъ, и могъ посвящать намъ очень мало времени, такъ по Тациту онъ всего на всего прочиталъ 4 лекціи. Впослѣдствіи онъ и вовсе не находилъ времени для чтенія лекцій, будучи безбожно заваленъ бездѣльникомъ Катковымъ по всѣмъ дѣламъ „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“. Будучи, однако, человѣкомъ строгихъ правилъ, а также ревнуя о своемъ добромъ имени, Леонтьевъ рѣшился прекратить лекціи въ университетѣ, уступивъ свое жалованье, но оставшись всетаки профессоромъ. Вся политическая шушера въ корпораціи московскихъ профессоровъ какъ бы дожидалась этого случая, чтобы устроить Леонтьеву грандіозный скандалъ съ тѣмъ единодушіемъ, которое всегда находятъ у себя русскія партіи, хотя бы въ ихъ средѣ, по русскому обычаю, не было и трехъ человѣкъ, между собою согласныхъ. Говорятъ, будто, Леонтьевъ былъ жестоко обиженъ произведеннымъ скандаломъ, и кому-то изъ своихъ враговъ выразился объ этомъ прямо:

„Вы лизнули моей крови“. Когда, затѣмъ, подъ вліяніемъ политическихъ видовъ русскаго правительства послѣ 1881 года, задумано было уничтоженіе университетской автономіи, фирма Каткова и Леонтьева приняла въ этомъ дѣлѣ живѣйшее участіе и наклонила дѣло выработки новаго устава по такому спуску, который привелъ къ окончательному раззоренію русскихъ университетовъ, о чемъ, однако, я долженъ буду сказать подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, равно какъ и о томъ злостномъ участіи той же фирмы въ дѣлѣ водворенія классицизма въ Россіи. Здѣсь, однако, я долженъ установить одинъ для меня совершенно ясный фактъ — народненія самой идеи новаго устава университетскаго, а равно и классической системы именно въ Москвѣ на почвѣ блестящей профессуры Московскаго университета.

Чтобы этотъ историческій фактъ былъ опознанъ и другими въ его полнотѣ и значеніи, я долженъ сказать объ этомъ болѣе подробно, а въ данномъ случаѣ это будетъ потому совершенно здѣсь на мѣстѣ, что именно Леонтьевъ является самымъ блестящимъ представителемъ того принципа московской профессуры, который былъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ поддерживаемъ съ особымъ блескомъ. Конечно, этотъ принципъ проводили не менѣе блистательно профессора: Грановскій, Кудрявцевъ, Крюковъ, Ешевскій и впослѣдствіи Герье и многіе др., но они не возводили его въ прочную и ясную систему. Никто, какъ Леонтьевъ не отдалъ всю свою жизнь на усвоеніе высшихъ результатовъ нѣмецкой философіи и германской филологіи. Извѣстно, какъ мало оставилъ онъ послѣ себя самостоятельныхъ работъ, но еще болѣе важно то, что онъ принципиально въ дѣлѣ профессуры ставилъ выше всего преподаваніе науки, а не ученые труды. Отсюда требованіе продолжительной подготовки, притомъ подъ руководствомъ нѣмецкихъ университетовъ, отсюда это [стремленіе] сохранить, хотя бы въ предѣлахъ одного или двухъ факультетовъ, ту образовательную школу, которую, по его мнѣнію, долженъ былъ порождать въ странѣ европейскій гуманизмъ, путемъ классической системы. Въ 80-хъ годахъ заговаривали уже о представленіи профессорами программъ въ факультетъ и одно время казалось, что правительство въ своемъ позорномъ страхѣ передъ двумя-тремя либеральными болтунами, лишитъ профессорскія кафедры права на научныя занятія. Что было еще болѣе дико, въ 1911 году питомцемъ Московскаго университета и его профессоромъ — классикомъ А. Н. Шварцемъ былъ предпринятъ своего рода жандармскій походъ на университеты, съ цѣлью передачи всего дѣла подготовки русскихъ ученыхъ въ руки нѣмецкихъ профессоровъ. Правда, что и Шварцъ сравнительно съ Леонтьевымъ, былъ полнымъ научнымъ и человѣческимъ ничтожествомъ.

Свою характеристику московской профессуры закончу краткими отзывами о другихъ профессорахъ. Мало кого можно помянуть изъ нихъ вполне добрымъ словомъ. Профессоръ греческой элоквенціи Меньшиковъ былъ настоящая ветошь, въ свое время знатокъ греческихъ авторовъ, особенно трагиковъ, онъ читалъ намъ преимущественно Эсхила, силясь дать понятіе его высокихъ красотъ, но, лишенный дара слова, переводилъ нескладно и топорно, а когда онъ пробовалъ представить намъ лай Эриній, или высокопарную царскую рѣчь — выходила комедія. Мы были жестокими критиками выжившаго изъ ума старца

и сопровождали его объясненія водевильными возгласами съ лавокъ. И хотя я самъ былъ тихимъ студентомъ и врагомъ всякихъ выходокъ, но возмущенный тупостью лектора, учинилъ въ аудиторіи Меншикова своеобразное представленіе: я сѣлъ на парту подъ его каедрой и жестами подражалъ его движеніямъ, слѣдя за интонаціями его голоса, то поднимая обѣ руки вверхъ грознымъ движеніемъ, то молитвенной просьбой, то повелѣніемъ, то гордымъ отказомъ — аудиторія отвѣчала мнѣ рукоплесканіями и свистомъ. Обезпокоенный Меншиковъ таки увидалъ нѣмую сцену подъ своей каедрой, но не сказалъ ни слова. Онъ радъ былъ и тому, что его слушали, и студенты этимъ пользовались. Ему подавали даже кандидатскія сочиненія; по отзывамъ авторовъ, стоило только на бумагу плюнуть, плевокъ подписать фамиліей и отнести Меншикову. Онъ самъ тонкимъ голосомъ однажды, зазвавши насъ всѣхъ къ себѣ на вечеръ съ угощеніями и танцами, сообщилъ, что, къ сожалѣнію, квартира его была такъ тѣсна, что книги пришлось отправить въ чуланъ за кухней. Его скоро, впрочемъ, убрали.

Но нечѣмъ добрымъ помянуть и другого профессора греческаго языка Пѣховскаго, который на первомъ курсѣ съ самаго начала намъ сталъ преподавать взглядъ на греческій языкъ съ точки зрѣнія лингвистики и сравнительнаго языкознанія. Большинство изъ насъ совершенно не знали греческаго языка и не могло даже читать Ксенофонта, но Пѣховскій, нисколько этимъ не смущаясь, дѣлалъ на лекціи такія замѣчанія: „Вы знаете Курціуса, ну Вы это забудьте“. Большинство не знало ничего до такой степени, что когда одному изъ моихъ товарищей я объяснилъ, что онъ напрасно смѣшиваетъ нѣкоторые глаголы, то онъ съ убѣжденіемъ мнѣ на это замѣтилъ: „это уже тонкости. Ихъ и самъ Пѣховскій не знаетъ“. Кто зналъ что-нибудь, тотъ по желанію Пѣховскаго забылъ дѣйствительно.

Добрымъ и чрезвычайно усерднымъ лекторомъ былъ Г. А. Ивановъ, котораго, однако, студенты прозвали „дама въ рыбьемъ чинѣ“.

Болѣе виднымъ человѣкомъ былъ большой оригиналъ въ своемъ родѣ — профессоръ славянскихъ нарѣчій Осипъ Максимовичъ Бодянский, облюбовавшій нашъ курсъ и читавшій намъ рядъ лекцій по исторіи Болгаріи, славянскому народописанію и равно занимавшій насъ переводами съ польскаго, чешскаго и сербскаго языковъ. Это былъ полтавскій уроженецъ, чистокровный хохоль не безъ хитрости, но въ то же время истинный подвижникъ науки, какъ онъ ее понималъ. Всѣхъ остальныхъ профессоровъ онъ считалъ или поверхностными, или неосновательными учеными, а равно изъ всѣхъ наукъ признавалъ лишь тѣ, которыя относились къ славянству и Россіи; что же касается студентовъ, то понималъ ихъ, какъ молчаливыхъ слушателей, ни къ чему не подготовленныхъ и ничего не знающихъ. Нашъ курсъ, имъ облюбованный и въ конецъ замученный его чтеніями, отъ которыхъ мутился разумъ, изнемогалъ слухъ и зрѣніе и ныли пальцевыя кости отъ 2-хъ часового писанія, наконецъ возмущился. Согласившись со старшимъ курсомъ, который одновременно съ нами слушалъ славянское народописаніе, мы среди года вдругъ перестали посѣщать его лекціи. Бодяскій вытерпѣлъ такое поношеніе около недѣли, затѣмъ, придя на лекцію и прочитавъ ее, онъ обратился къ намъ съ

краткимъ, но сильнымъ поученіемъ, гласившимъ, что если мы что-либо имѣемъ противъ его чтеній, то должны объяснить ему приватно, и онъ готовъ измѣнить содержаніе или форму его чтеній, но если мы вовсе не хотимъ его слушать, то ему больше ничего не остается, какъ покинуть кафедру и „пойти въ дровосѣки“. Мы знали отъ другихъ профессоровъ, что уважаемый Осипъ Максимовичъ, дѣйствительно, кромѣ книжныхъ занятій, умѣлъ только колоть дрова, чѣмъ и занимался для моціона. Правду сказать, Бодянской былъ ученый XVII вѣка въ томъ типѣ, какой знала, напримѣръ, Польша, — собиратель фактовъ, а не ихъ критическій изслѣдователь, и подавлялъ слушателей массою неразобраннаго матеріала, а равно и тяжестью непереваренныхъ имъ самимъ историческихъ теорій и построеній. Къ выпускному экзамену по его предмету мы готовились, какъ я хорошо помню, 9 дней и 9 ночей, и въ послѣдній день начавъ другъ друга переспрашивать, мы, оказалось, все перезабыли и ни въ зубъ толкнуть не могли на такіе ехидные вопросы по исторіи, какъ напримѣръ, Болгарія отъ такого-то до такого-то года. Ужасъ нашъ передъ неистовымъ Бодеемъ былъ такъ великъ, что, идя на экзаменъ, иные изъ насъ не могли даже прочесть вопроса. Но Бодянской былъ добродушенъ, а къ тому же въ самомъ началѣ экзамена успѣлъ одному изъ своихъ ассистентовъ доказать, что правъ въ затронутомъ вопросѣ не онъ, а студентъ, а потому послѣ этого онъ уже сталъ студентовъ одобрять и похваливать, излагая самъ отвѣтъ на вопросъ. Провалилъ онъ при этомъ на экзаменѣ всего только двухъ человѣкъ, а остальныхъ выпустилъ, но съ поученіемъ, очевидно, припомнивъ намъ нашу выходку.

Уже на старшихъ курсахъ стали слушать мы философію, вѣрнѣе общій курсъ ея исторіи, у Панфила Даниловича Юркевича. Онъ появился въ Московскомъ университетѣ еще въ 1863 году по особому приглашенію Каткова и Леонтьева и прочелъ рядъ публичныхъ лекцій, имѣвшихъ своею темою полемику съ матеріализмомъ и атеизмомъ, или какъ тогда уже было принято выражаться, по Тургеневскому термину, съ русскимъ нигилизмомъ, какія бы разновидности онъ не принималъ. На эти публичныя лекціи были выдаваемы билеты и студентамъ, и мы тогда немало дивились тому блестящему, невиданному въ университетѣ съѣзду московской знати, аристократіи и всѣхъ слѣдившихъ за модою людей, для которыхъ отведенъ былъ актовъ залъ, едва вмѣщавшій тысячи съѣзжавшихся слушателей. Какъ велико было затѣмъ разочарованіе всѣхъ поклонниковъ Юркевича и равно и его самого, когда онъ перешелъ затѣмъ къ чтенію официальныхъ профессорскихъ курсовъ. Изъ 20-ти обязательныхъ слушателей на его лекціяхъ появлялось едва пять-шесть человѣкъ, и я хорошо помню глубокое невѣжество студентовъ, прибѣгавшихъ къ долбленію наизусть лекціонныхъ тетрадокъ, за неспособностью понять ихъ содержаніе. Лично меня эти лекціи интересовали исключительно въ историческомъ отношеніи, и я, несмотря на полную ясность изложенія сложныхъ философскихъ системъ, сохранилъ къ нимъ полнѣйшее равнодушіе, ни одной изъ нихъ не избравъ для себя предпочтительно. Уже въ то время и доселѣ изъ всѣхъ этихъ системъ предпочиталъ я Шопенгауера, вѣроятно потому, что онъ наиболѣе отвѣчаетъ моему собственному направленію въ мышленіи. Лекціи по философіи записывали только мы двое: Ключевскій и я, и по нимъ гото-

вился весь курсъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что Юркевичъ усмотрѣлъ во мнѣ: „во всякомъ разѣ способную голову“. И вотъ мѣсяца за два до нашего выпускного экзамена, онъ пригласилъ меня къ себѣ, сталъ спрашивать какіе виды имѣю я по окончаніи курса, и не думаю ли я заняться философіею. Когда я наотрѣзъ отказался, указавъ ему на свое пристрастіе къ исторіи искусства, то онъ перешелъ къ другому предложенію — кондицій на Кавказъ въ семью графа Евдокимова, извѣстнаго кавказскаго служки, который обратился именно къ Юркевичу за указаніемъ ему молодого воспитателя его дѣтей въ консервативномъ духѣ. Отъ мѣста гувернера я отказался наотрѣзъ.

Меня могъ оставить при университетѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію Карлъ Карловичъ Герцъ, бывшій раньше только лекторомъ этого предмета, а съ 1863 года ставшій профессоромъ по вновь назначенной каѳедрѣ; онъ могъ бы сдѣлать это тѣмъ легче и натуральнѣе, что у него съ самаго начала моего поступленія въ университетъ и до самаго конца моего въ немъ пребыванія никакихъ иныхъ слушателей не бывало, кромѣ меня и тѣхъ немногихъ знакомыхъ студентовъ, которыхъ я зазывалъ къ нему на лекціи, долго и напрасно пытаюсь хотя кого-либо заинтересовать этимъ предметомъ. Ни одного постоянного слушателя, кромѣ меня, не находилось. Мои товарищи выражали мнѣ обычно полное презрѣніе къ этому предмету, а ближайшимъ пріятелямъ казалось даже страннымъ, что я, будучи радикаломъ, облюбовалъ такой предметъ. Очень понятно, съ другой стороны, что самое отношеніе ко мнѣ К. К. Герца было болѣе, чѣмъ осторожное. Въ качествѣ нѣмца, и притомъ русскаго, знавшаго хорошо приверженность русскаго человѣка къ интригѣ и подвохамъ, К. К. самъ, только назначенный доцентомъ въ 50 лѣтъ отъ роду, долженъ былъ быть недовѣрчивымъ къ слушателю, который, пожалуй, вздумаетъ стать его ученикомъ и можетъ помѣшать или затруднить его собственную карьеру, едва только начатую. Къ тому же онъ не могъ не чувствовать, что я, несмотря на правильныя посѣщенія его лекцій, ихъ не одобрялъ, и больше интересовался его обширной библіотекой, чѣмъ какими бы то ни было занятіями подъ его руководствомъ. Чтобы избѣжать этого, я принужденъ былъ придумывать рядъ отговорокъ, и даже кандидатское сочиненіе свое подалъ Буслаеву — по сборнику былинъ Кириши Данилова. За то мнѣ много доставило удовольствія и научной пользы замѣчательная библіотека Герца, для которой я составилъ краткій каталогъ. Не будучи ничѣмъ любимцемъ, я могъ такимъ путемъ знакомиться съ литературою предмета за первую половину XIX вѣка: Герцъ былъ состоятельнымъ человѣкомъ и собиралъ въ своей библіотекѣ все капитальное, что появлялось по литературѣ исторіи искусства. Впослѣдствіи, увидавъ, что я не могу быть ему опаснымъ, онъ даже старался со мною сблизиться и постоянно приглашалъ поселиться вмѣстѣ съ нимъ на дачѣ въ выбранной имъ мѣстности. На одно лѣто мы съ женою, дѣйствительно, съ ними помѣстились и совершали ежедневно вмѣстѣ съ его семьею: братомъ и сестрою, длинныя вечернія прогулки, но его, скажу прямо, узкія, нѣмецкія понятія о человѣческихъ отношеніяхъ, и невыносимый, поучительный тонъ, съ мало наставительнымъ содержаніемъ, вынудили меня впослѣдствіи избѣгать этого сожителства. Это былъ человѣкъ глубоко бездарный, но трудолюбивый и добросовѣстный, и хотя

былъ своего рода посмѣшищемъ въ профессорскомъ кругу, но при всей своей наивности искренно любилъ науку и зналъ много больше, чѣмъ его насмѣшники. Въ своемъ отношеніи къ слушателямъ онъ только усваивалъ дурную манеру товарищей, которые всѣ, и при всякихъ условіяхъ, буде сдѣлали что-либо для науки, или даже ничего не сдѣлали для нея, всегда, со временемъ, садились „въ боги“ и тиранствовали надъ своими учениками. Моя личная удача заключалась именно въ томъ, что я ни у кого не учился, и по своему предмету въ университетѣ ничего не усвоилъ, ниже отъ Буслаева, но объ этомъ потомъ.

За время моего пребыванія въ университетѣ во мнѣ произошла большая внутренняя перемѣна. Я поступилъ въ него совершеннымъ радикаломъ, злобно настроеннымъ противъ всякаго начальства, и въ то же время своего рода аскетомъ по привычкамъ. Я казался товарищамъ нелюдимымъ, анархистомъ, и они, дѣйствительно, избѣгали приглашать меня въ свое общество, хотя выбрали на факультетѣ кассиромъ, въ увѣренности, что я своею строгостью лучше сохраню студенческую кассу, чѣмъ широкія натуры. Какъ разъ въ бытность мою студентомъ возникли извѣстныя студенческія волненія, вызванныя закрытіемъ кассы студентовъ, назначеніемъ инспекціи и другими обычными мѣропріятіями. Волненія продолжались около 2-хъ мѣсяцевъ, закончились побоищемъ на Тверской площади, и не возобновились по недостатку горючаго матеріала. Все это было обычнымъ вздоромъ, питалось единственно страстью къ прогуламъ, болтовнѣ, мальчишескимъ претензіямъ на распоряженіе своею судьбою, и по пути, кстати, судьбою Россіи „въ наше время, когда—“ и пр. Я лично подписывался подъ всѣми резолюціями, какъ ихъ теперь называютъ, но мало слушалъ ораторовъ, и еще менѣе интересовался самыми претензіями студентовъ. Волненія, какъ извѣстно, закончились передъ самымъ польскимъ возстаніемъ, которое какъ бы поглотило собою лихорадочную, но короткую эпоху либерализма конца 50-хъ годовъ. Куда то, какъ провалились сквозь землю, исчезли всѣ уличные листки, съ каррикатурами и безъ нихъ, появлявшіеся въ началѣ 60-хъ годовъ у книжныхъ торговцевъ подъ воротами, наряду съ лубочными картинками. Студенчество вернулось къ своимъ лекціямъ, дѣтскимъ страхамъ передъ профессурой, къ экзаменамъ и къ обычнымъ юношескимъ развлечениямъ: театрамъ, билльярдамъ, загороднымъ прогулкамъ и къ той безпорядочной студенческой жизни, изъ-за которой русскій юноша, пробывъ 4 года въ университетѣ, часто не можетъ самъ себѣ отвѣтить, что онъ дѣлалъ все это время. По счастью, у меня не было вовсе природнаго вкуса къ этому безпорядку въ жизни, который будто-бы является протестомъ на буржуазно-мѣщанское провозженіе времени, и залогомъ бодрой общественной дѣятельности человѣка. Мнѣ лично наиболѣе нравилась покойная семейная жизнь, и я чуждался не только кутежей своихъ товарищей, но и даже посѣщеній и длинныхъ прогулокъ съ ними лѣтомъ. Съ громаднымъ большинствомъ своего курса я былъ вовсе незнакомъ, или только шапочно, любилъ разговаривать съ Ключевскимъ, котораго уважалъ за его серьезность и трудолюбіе, и съ Ѳ. Е. Коршемъ, уже тогда большимъ острякомъ. Единственнымъ моимъ пріятелемъ на курсѣ былъ Ѳ. А. Гиляровъ, на сестрѣ котораго, Вѣрѣ Александровнѣ, я по окончаніи курса тотчасъ женился, 20-ти лѣтъ. Когда мой бывшій учитель Гедике узналъ,

что я женился, замѣтилъ мнѣ самому: „въ 50 лѣтъ вы начнете кутить“, — это было наблюдение и опытъ стараго холостяка. Предсказаніе совершенно не оправдалось, ибо съ самаго того времени и до конца я ничего иного къ кутежамъ не чувствовалъ, кромѣ отвращенія. Я такъ и родился „домашнимъ звѣремъ“, и для меня не только „трактирная“, жизнь, но и обѣдъ по приглашенію всегда составляли только тягость. И, когда за границею, по англійскому обычаю, водворились такъ называемые пансіоны, жизнь во время путешествій стала для меня источникомъ размѣреннаго, европейскаго порядка и полного удовлетворенія. Мнѣ были съ юности отвратительны цыганскія привычки, прогулы и загулы дневные и ночные, и особенно всякія попойки. Испробовавъ одинъ лишь разъ вкусъ водки, я послѣ того ее никогда не пилъ, за тѣмъ случаемъ, когда на вечерѣ у Буслаева вмѣсто воды налилъ себѣ въ стаканъ водки и отхлебнулъ цѣлую треть. Равно доселѣ не знаю вкуса коньяку и никакихъ ликеровъ. Вотъ почему, я не только чуждался кружковъ, но и вообще посѣщалъ даже изъ товарищей одного Гилярова, у котораго, можно сказать, дневалъ и ночевалъ, и съ которымъ вмѣстѣ нанималъ дачу. Ближайшей причиной этого моего отчужденія, помимо моего характера, было специально мое отвращеніе къ водкѣ, которою они всѣ упивались, понуждая и меня къ выпивкѣ. Въ тѣ времена въ Москвѣ питье водки являлось такой дурной привычкой, что однажды навсегда стоитъ объ этомъ сказать. Водка пила, можно сказать, походя. Чтобы не быть голословнымъ, я точно расскажу одинъ случай. Пріѣхалъ я въ Москву на защиту докторской диссертациі, повидался съ Буслаевымъ, выказавшимъ мнѣ по поводу нея всю свою очаровательную любезность, и на другой день съ утра поѣхалъ къ секретарю факультета — Тихонравову — устраивать день. Николай Саввичъ принялъ меня также очень внимательно, но первымъ дѣломъ, не ставши даже говорить о диссертациі, повелъ къ себѣ въ столовую, попросилъ приготовить чаю и распорядился подать водки. Выпить ее я отказался. Тихонравовъ былъ шокированъ, но какъ очень умный и замѣчательно сдержанный человѣкъ, не далъ мнѣ замѣтить, выпилъ самъ и разрѣшилъ мнѣ пить чай. Затѣмъ, мы съ нимъ уговорились, но для того, чтобы наладить дѣло какъ слѣдуетъ, онъ предложилъ мнѣ поѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ секретарю Стороженкѣ. Съ милымъ Николаемъ Ильичемъ я былъ уже знакомъ. Какъ только мы пріѣхали, насъ тоже позвали въ столовую и также подали водку, но на этотъ разъ съ закуской. Тутъ же стали подшучивать надъ моимъ страхомъ къ водкѣ, увѣряя, что это своего рода измѣна Москвѣ, дурная одесская привычка. Но вотъ что любопытно, что отъ Стороженко мы поѣхали уже на двухъ извозчикахъ вновь къ одному изъ профессоровъ знакомиться, и тамъ опять пили водку, и [я] прямо оказался притчею во языцѣхъ, настолько настойчивы оказались мои компаніоны. Еще болѣе жестоко стало мое положеніе въ гимназіи среди новыхъ товарищей-учителей, изъ которыхъ многіе стояли въ этомъ отношеніи на уровнѣ русскаго солдата, осѣняющаго себя крестомъ передъ чаркою водки. Я скажу только правду о Москвѣ, если выражусь, что одновременно я люблю и ненавижу этотъ городъ. Страдная жизнь, которую я велъ студентомъ, мѣря Москву вдоль и поперекъ для дешевыхъ уроковъ и не имѣя возможности нанять калиберъ,

всегда по способу пѣшаго хожденія и безъ калошъ, отравлялась къ тому же дурнымъ питаніемъ въ дешевыхъ кухмистерскихъ, съ обѣдами по 20 копѣекъ, и скудостью моего обычнаго одѣянія.

Вотъ почему я считалъ для себя особеннымъ счастьемъ, когда будучи на первомъ курсѣ университета, я рѣшился, наконецъ, воспользоваться уговорами своихъ двухъ братьевъ и пойти въ гости, какъ тогда говорилось, въ семью Хрушевыхъ, жившихъ на Арбатѣ у Николы Плотника въ собственномъ домѣ. Это была богатая дворянская семья, состоявшая изъ матери, двухъ дочерей и одного сына. Мать, урожденная княжна Львова, была высокою и статною дамою, въ свое время фрейлиной, и до старости сохраняла полную велико-свѣтскость и привѣтливость. А такъ какъ она вставала съ постели только въ три часа пополудни, и по ея приказанію тотчасъ зажигались въ гостиной кенкеты и лампа съ oleumомъ, то она жила всегда при искусственномъ освѣщеніи, и казалась при немъ еще сохранившею остатки былой красоты. Удалившись изъ Петербурга въ Москву, она выдала тутъ своихъ обѣихъ дочерей, старшую — Елизавету за Николая Рубинштейна и младшую Софью за графа Шерваля, и теперь воспитывала своего сына Илью Дмитріевича, которому уже минуло 17 лѣтъ. Подъ предлогомъ образованія сына Хрущова держала домъ открытымъ, не только для учителей, но и для всякихъ товарищей молодого человѣка и вообще для всѣхъ образованныхъ людей. Правду сказать, она именно въ этой средѣ отыскивала теперь все новыхъ поклонниковъ своей былой притягательности; лично я пользовался съ самаго начала и до ея смерти неизмѣнно дружескимъ расположеніемъ, просиживая у нее часами одинъ на одинъ и слушая безконечные рассказы о Петербургѣ, дворѣ, родныхъ и знакомыхъ и услаждаясь мыслию, что я попалъ въ Тургеневскую обстановку и дворянскій кругъ. Быть можетъ, именно въ силу своей нелюдимости, рѣзкой угловатости манеръ и разговора, я нравился этой барынѣ своей неподдѣльной искренностью, считался въ домѣ своего рода экспертомъ по всякимъ наукамъ, и что еще болѣе странно, оракуломъ по житейскимъ вопросамъ. Считая меня вполне безопаснымъ, обѣ дочери совѣщались со мною по самымъ, казалось мнѣ, важнымъ вопросамъ своей жизни: продать ли имъ полученныя при выходѣ замужъ имѣнія и возвратиться ли имъ къ мужьямъ, которыхъ онѣ успѣли бросить обѣ. Жена Николая Григорьевича Рубинштейна покинула его, будто бы изъ-за ревности къ его побѣдамъ, и жила теперь въ домѣ матери, онъ же, не сходясь съ женою, ѣздилъ къ нимъ и часто у нихъ игралъ, чтобы сдѣлать удовольствіе Аннѣ Николаевнѣ. Младшая собиралась уѣхать за границу на деньги за имѣніе и успѣла въ это время найти пріятнаго спутника, изъ того разряда экзотическихъ проходимцевъ — венгра или румына, котораго такъ романтически воспѣлъ Тургеневъ въ образѣ чарующаго итальянца въ разсказѣ „Три встрѣчи“. Эта Софья была необыкновенно красива, имѣла лицо Мурильевской Мадонны, но, какъ теперь я хорошо помню, въ среднемъ типѣ этихъ мадоннъ, между народными образами Мурильо и его же иконными ликами. Но при этомъ Софья Дмитріевна была развратна и холодна въ высшей степени; ея поклонники считались сотнями даже въ Москвѣ, и она, подобно, матери, превращала также ночь въ день, но для оргій и кутежей. Французскіе романисты конца прошлаго вѣка были бы вполне довольны встрѣтить подобный

типъ въ своихъ парижскихъ гостинныхъ, и въ настоящее время становится мнѣ совершенно понятно, что господство такого типа во французской литературѣ временъ Бурже, Додэ, Жипъ — есть только дѣло одной словесности, а не реальной дѣйствительности, ибо эта дѣйствительность могла быть наблюдаема еще въ 60-хъ годахъ. Не желая порочить память несчастной красавицы, я долженъ сказать, однако, что, пройдя всѣ обычныя мытарства и убѣжавъ за границу со своимъ проходимцемъ, Софія Дмитріевна скоро послѣ того заболѣла и умерла при тяжелыхъ обстоятельствахъ. Старшая дочь была разсудительнѣе, и выбравъ себѣ окончательно новаго мужа, въ лицѣ моего брата Валерьяна, уѣхала съ нимъ за границу, гдѣ и скончалась во Флоренціи. Въ силу общихъ взглядовъ на мое призваніе домъ Хрущевыхъ порѣшилъ, что я непременно долженъ заняться приготовленіемъ молодого Ильюши къ университету. Таково ужъ было время, что студенты представляли собою высшую интеллигенцію, даже въ аристократическихъ салонахъ. Правда, это самое слово еще не было тогда въ модѣ, и не выработалось еще вовсе понятія о такомъ сословіи, которое въ отличіе отъ всѣхъ другихъ исторически сформировавшихся было прямо взято изъ французскаго языка и примѣнено къ тому русскому пролетаріату (прежнимъ разночинцамъ), который, не найдя за все время своего существованія никакого дѣла, къ которому онъ бы могъ пристроиться, взялъ почетное имя отъ той способности, которою онъ въ концѣ концовъ надѣялся когда-нибудь овладѣть. Увы намъ грѣшнымъ: послѣднія обстоятельства показали, что эта духовная способность не дается высиживаніемъ болтуновъ, но самимъ дѣломъ, и составляетъ въ человѣческой жизни лишь рѣдкую награду за жизнь, полную дѣйствительнаго труда и борьбы съ природою и человѣкомъ.

Въ 1862 году, стало быть уже послѣ того, какъ всѣ русскіе помѣщики, а въ томъ числѣ и Хрущевы, успѣли пережить первый горькій годъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и болѣе или менѣе наскоро устроили надѣлъ ихъ землею, и разстроивъ по этому случаю еще больше собственныя имѣнія, почили на мусорѣ своихъ усадебъ и уже успѣли использовать нѣкоторую часть выкупныхъ листовъ, Хрущевы еще въ маѣ мѣсяцѣ нашли нужнымъ посѣтить главныя свои имѣнія въ Орловской и Курской губерніяхъ. Меня взяли уже въ качествѣ учителя Ильи Дмитріевича и мы съ нимъ вдвоемъ помѣстились въ громадномъ заднемъ креслѣ колоссальнаго дормеза, который повезъ самое помѣщицу съ тремя горничными, бывшимъ крѣпостнымъ лакеемъ, чудовищной силы и роста, и собственнымъ кучеромъ, которому единственно Анна Николаевна довѣряла сохраненіе, увы, брэннаго тѣла. На ночь эти почтенныя развалины укладывали, съ большимъ комфортомъ, на подвѣсную постель внутри самого дормеза, и мы или стояли на станціи или тихо двигались по шоссе, которое въ тѣ времена съ Москвы на Тулу и Орелъ поддерживалось въ изумительномъ порядкѣ. Для меня лично это путешествіе было своего рода волшебной сказкой: я ѣлъ досыта и даже болѣе того, соперничая съ Ильюшей, который былъ уже въ 17 лѣтъ тонкій гастрономъ и немедленно взялся за мое образованіе въ этомъ отношеніи. Дормезъ запрягался шестеркою лошадей, а въ опасныхъ мѣстахъ восьмерикомъ, и жутко было видѣть, сидя на козлахъ съ кучеромъ, какъ управлялись форрейтеры изъ мальчишекъ съ передовыми па-

рами. Главное имѣніе Хрущевыхъ находилось въ Елецкомъ уѣздѣ, и когда мы свернули съ Курскаго шоссе на Ефремовъ, то встрѣчные овраги и гати стали доставлять намъ много хлопотъ. Даже восьмерка лошадей не протаскивала тяжелаго дормеза черезъ наброшенный валежникъ и надо было прибѣгать къ помощи окрестныхъ деревень, чтобы вытащить тяжелый экипажъ, застрявшій въ гати. Я вовсе не намѣренъ передавать здѣсь своихъ юношескихъ впечатлѣній быта и благословлять небо за тѣ невинныя наслажденія: ловлю рыбы въ озерѣ, поиски грибовъ, комическіе выходы на охоту, которые мнѣ тамъ въ нѣдрахъ деревни удалось испытать. Все это представляется мнѣ теперь въ какомъ то туманномъ отдаленіи, и, вѣроятно, было очень пріятно, но то, что мнѣ вспоминается съ необыкновенною ясностью, то относится исключительно къ тяжелымъ и даже безотраднымъ минутамъ и часамъ моего знакомства съ деревенскою жизнью. Я чувствовалъ съ самаго начала, что мы застали въ деревнѣ вакханалію воровства, распутства, укрощенную лишь на время нашего присутствія, и то наполовину; о томъ же свидѣтельствовали ясно непрестанныя жалобы помѣщицы на воровство и грабежъ ея управляющаго, всей дворни и самихъ мужиковъ. Наряду съ этими жалобами шла распродажа всякаго имущества, лошадей, скота, зерна и ежедневные пріемы гостей, тучами съѣзжавшихся даже изъ другихъ уѣздовъ. Оргіи кутежей шли у помѣщиковъ и одновременно у дворни, и я былъ обязанъ именно своему нелюдимству и своей почти дѣтской наивности тѣмъ, что меня въ этотъ кругъ вѣчно пьяныхъ развратниковъ не принимали и не звали. Но разъ я пережилъ жуткія минуты. На уединенной прогулкѣ по проселочной дорогѣ меня нагнала телѣга, запряженная тройкой лихихъ коней, и изъ пьяной кампаніи, на ней сидѣвшей, меня опозналъ нашъ управляющій, русскій цыганъ, не лишенный добродушія и пріятности. Онъ правилъ лошадьми, но соскочить и втащить меня на телѣгу было для него дѣломъ одной минуты. Онъ схватилъ вожжи съ крикомъ „я его прокачу“, понесся по дорогѣ, а затѣмъ по селу, злобно хлеща лошадей, которыя уже буквально прыгали съ телѣгой. Мы ухватились кто какъ могъ, я за переплетъ передка, и бѣгъ жуткій и дикій, по счастью кончился только тѣмъ, что сломался шкворень, телѣга клюнулась внизъ, а лошади унеслись съ передними колесами. Шедшее кругомъ форменное бѣснованіе, вѣроятно, подѣйствовало и на мои нервы, и я сталъ самъ почти нигилистомъ, принявъ и соотвѣтственный видъ. Я вырядился въ смазные сапоги, купленные мною за три рубля, и сѣрую блузу, въ которой ходилъ безсмѣнно. Когда помѣщица черезъ мѣсяцъ моего пребыванія учителемъ выложила мнѣ какую-то сложную сумму вознагражденія, я взялъ изъ нея только трехрублевую бумажку, возвративъ остальные, сказавъ, что больше брать за уроки Ильюши считаю нечестнымъ потому, что онъ или вовсе не учится изъ-за разныхъ праздниковъ и визитовъ, или не хочетъ моихъ уроковъ слушать и развлекается со мною только разговорами. Но еще болѣе крупный эффектъ и болѣе важные результаты имѣла моя другая выходка грубая и неумѣстная; мысль о ней я взлѣлѣялъ въ тиши и выполнилъ съ большимъ наслажденіемъ. Дѣло въ томъ, что Анна Николаевна Хрущова между различными своими любимцами имѣла постоянного, въ лицѣ гувернера Ильюши, молодого француза. Ему было дано порученіе въ другое имѣніе, но на зиму

онъ долженъ былъ вернуться въ домъ къ своему посту. Въ іюлѣ мѣсяцѣ изъ орловскаго имѣнія мы переѣхали въ курское, широко отпраздновали пріѣздъ, при чемъ вся дворня получила обильное угощеніе и устроила большой хоро-водъ и замѣчательную пляску на нарочито для того сбитой изъ досокъ тер-расѣ, чтобы былъ слышенъ гармоническій топотъ сотенъ каблуковъ. Пирѣ шли затѣмъ ежедневно, гости сѣзжались со всей округи, а нѣкоторые поближе или прогорѣвшіе такъ и оставались въ домѣ безвыѣздно. Выждавъ особенно торжественнаго дня, когда за столомъ собралось больше полсотни гостей, я весьма некстати, но среди тостовъ въ честь помѣщицы, произнесъ цѣлую рѣчь сначала въ видѣ панегирика милой хозяйкѣ, но потомъ перешелъ къ ея неразумному отношенію къ дѣлу образованія ея сына: сынъ-де рискуетъ остаться недорослемъ, учиться онъ не хочетъ и учителей къ нему брать напрасно, а ма-маша, души нечающая въ Ильюшѣ, даже не хочетъ дать ему образованія, тогда какъ онъ самъ давно желаетъ освободиться отъ всѣхъ тѣхъ гувернеровъ, ко-торыхъ она для него находитъ, больше для своего собственнаго развлеченія, чѣмъ для его пользы. Можно себѣ вообразить каковъ вышелъ успѣхъ. Помню, что я былъ до того наивенъ, что даже и самъ не понялъ, что я надѣлалъ, тѣмъ болѣе, что былъ очень доволенъ результатомъ. Было рѣшено отпра-вить Ильюшу вмѣстѣ со мной обратно въ Москву съ тѣмъ, чтобы онъ по-ступилъ вольно-слушателемъ въ университетъ, но отъ занятій съ нимъ меня уволили. Помнится, я долго не получалъ приглашенія заходить, но черезъ нѣ-сколько времени сталъ опять бывать именно у Анны Николаевны.

Въ обратный путь до Москвы мы ѣхали съ Ильюшей на перекладныхъ, и по-чему то крайне торопились — ѣхали безъ сна день и ночь. Ильюша давалъ большія деньги на водку, и ямщики порою скакали сломя голову. Помню, какъ у насъ выскакивалъ шкворень, какъ засыпали мы, закинувъ голову на деревянный переплетъ, теряли по дорогѣ узелки, и единственнымъ пріятнымъ развлеченіемъ въ дорогѣ были гомерическіе обѣды съ ямщиками и чумаками изъ подъ Черно-морья на постоянныхъ дворахъ. Я лично имѣлъ видъ дьячкова сына. Ильюша тоже ходилъ въ рубашкѣ навыпускъ и умѣлъ снискать расположеніе дере-венской молодежи. Въ общемъ мое гощеніе въ дворянской семьѣ мнѣ какъ было не по нутру, такъ и оставило непріятныя воспоминанія, и затѣмъ уже всю свою жизнь я ни отъ кого никакихъ приглашеній погостить въ деревнѣ не принималъ, правду сказать, и не получалъ. По выходѣ изъ университета я повелъ на 50 слишкомъ лѣтъ исключительно трудовую жизнь, и мнѣ было уже не до того, чтобы я могъ этимъ развлекаться. Единственнымъ поэтому пріятнымъ для себя воспоминаніемъ за время этого лѣта остается моя поѣздка съ тѣмъ же Ильюшей и въ сообществѣ управляющаго на открытіе мощей Тихона Задонскаго. Выѣхавъ изъ предѣловъ орловской губерніи, мы попали въ дивный воронежскій край, въ тѣ времена богатый въ сѣверной части чуд-ными дубовыми, липовыми рощами и иными смѣшанными большими лѣсами. Холмистая мѣстность открывала здѣсь прямо чарующіе виды, какъ если бы это былъ удивительный паркъ, съ расчищенными дорожками и далекими пер-спективами. Въ своемъ родѣ волшебнымъ зрѣлищемъ былъ станъ десятковъ тысячъ телѣгъ, сѣхавшихся изъ нѣсколькихъ губерній на религіозный праздникъ.

Вечеромъ невообразимое пространство освѣтилось заревомъ горящихъ повсюду костровъ въ тихій лѣтній вечеръ. Мы сами тоже стали съ своей телѣгой и лошадьми среди другихъ и съ понятнымъ восторгомъ грѣли самоваръ и съѣдали привезенную изъ дому провизію. Помню, что на церковный церемоніаль мы попасть не были въ состояніи.

Жизнь въ Москвѣ, послѣ этого моего изъ нея выѣзда, стала для меня легче: я свелъ уже знакомства, сталъ получать черезъ нихъ болѣе выгодные уроки и къ концу своего студенчества даже скопилъ тысячу рублей съ небольшимъ, заработавъ такимъ образомъ средства, необходимыя, чтобы выполнить дѣло, порѣшенное между нами двумя, — мною и Вѣрою Александровною Гиляровою, сестрою моего пріятеля, — женитьбы, что и было выполнено въ маѣ 1865 года.

Немедленно послѣ свадьбы мы переѣхали съ женою на дачу въ село Останкино, извѣстное своимъ стариннымъ дворцомъ графовъ Шереметевыхъ и великолѣпнымъ паркомъ. Съ той поры и доселѣ я люблю жизнь на дачѣ и предпочитаю ее деревенской, которая у насъ въ Россіи сопряжена съ различными стѣсненіями вашей свободы и лишеніями для городского жителя. Дача для меня — время усиленнаго научнаго труда, но легкаго, потому что необязательнаго и не спѣшнаго. Меня истинктивно тѣснитъ лишеніе свободы передвиженія, а равно я никогда не имѣлъ времени, чтобы заняться подготовкой для себя собственнаго хозяйства. Въ семейной жизни есть всѣ условія трудового дѣятельнаго покоя, который я цѣнилъ выше всего, отчасти по своей болѣзненности, бѣдности и опасенія нищеты. Съ этого же лѣта я началъ вплотную заниматься исторіей искусства на полной свободѣ, накупивъ себѣ книгъ, какія могъ по своимъ скуднымъ средствамъ, вродѣ руководства Отфрида Миллера, его атласа по классической археологіи и др., но особенно, я пользовался библіотекой Герца и отчасти Буслаева. Переѣхавъ на дачу, я не имѣлъ никакихъ уроковъ и расходовалъ то, что осталось отъ издержекъ на свадьбу. Жена моя въ первую половину своей жизни была бодрая, веселая и легкаго, отзывчиваго характера, женщина, скромныхъ привычекъ и довольствовалась очень малымъ. Она была изъ семьи Гиляровыхъ старшею дочерью и была немного старше меня годами, любила чтеніе, была въ своемъ родѣ передовой женщиной по тому времени и аттестована профессоромъ Тихонравовымъ на экзаменѣ, по отвѣтамъ и сочиненію, лучшею изъ всѣхъ имъ встрѣченныхъ дотолѣ. Дѣйствительно, она была родомъ изъ умной семьи: отецъ ея; священникъ ц. св. Владиміра въ Москвѣ, былъ родственникомъ Филарета, но находился въ преслѣдованіи у своего дяди за свое пристрастіе къ вину и непокорный нравъ. Его братъ, Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ, былъ замѣчательный умница, и со времени своей женитьбы я посѣщалъ его часто и съ величайшимъ удовольствіемъ. Моя жена, его племянница, была воспитана почти въ его домѣ и отчасти усвоила себѣ его діалектику, въ которой онъ былъ такъ силенъ. Восхищался имъ одновременно и одинъ изъ братьевъ жены — Ѳедоръ, мой закадычный пріятель. Къ сожалѣнію, Никита Петровичъ, бывший въ то время редакторомъ газеты „Современныя Извѣстія“ и состоявшій директоромъ Синодальной Типографіи, не могъ отдавать бесѣдамъ съ нами столько времени, сколько онъ желалъ бы.

А мы въ свою очередь и не подумали, ни я, ни Ѳедоръ, записать, хотя бы наиболѣе блестящія діалектическія выкладки его философскихъ и обще-историческихъ построеній. Никита Петровичъ говорилъ гораздо лучше, чѣмъ писалъ, и, въ дѣйствительности, именно Современныя Извѣстія, а съ ними и вся политическая публицистика, были ему совершенно чужды. Посѣщали его исключительно славянофилы: Аксаковы, Самарины, большой его почитатель К. П. Побѣдоносцевъ, издавшій нѣкоторыя его сочиненія послѣ смерти философа и прощавшій ему тотъ семинарскій радикализмъ, отъ котораго Никита не могъ отрѣшиться всю свою жизнь. Можно поэтому легко понять, насколько затхлою была эта газета, и почему, напримѣръ, извѣстный Мечниковъ, опрокинувши у насъ въ квартирѣ разомъ два или три стакана на столъ и ухвативши эту газету, которую я продолжалъ получать отъ Никиты и въ Одессѣ, сталъ вытирать мокроту, говоря: „грязью грязь вытираю“. Конечно, эта газета не была нравственною грязью, но сотрудниками зачастую были самые убогіе люди славянофильскихъ кружковъ Москвы, и мы очень жалѣли Никиту, что онъ прилагалъ столько усилій къ такой гадкой газетѣ. Ея хозяйство было въ самомъ безобразномъ видѣ. Корректура и метранпажи набирались Богъ знаетъ какъ, и въ концѣ концовъ, эта газета, просуществовавши болѣе 15 лѣтъ, такъ и не успѣла создать себѣ того реномэ, котораго самъ редакторъ ея вполнѣ бы заслуживалъ. Когда мы, видя, какъ тяжело было Никитѣ Петровичу, жалѣли, что онъ не издавалъ журнала, а газету, онъ рассказалъ намъ, что получилъ такое предложеніе отъ М. П. Погодина, который навязывалъ ему свой журналъ „Москвитянинъ“ и при этомъ цинично говорилъ, что, конечно, у „Москвитянина“ уже нѣтъ многихъ подписчиковъ, „но за то, батюшка, есть такихъ челоуѣкъ 20-ть, что называется — коломъ не отобьешь“. Вообще же Никита Петровичъ былъ форменный неудачникъ, и въ послѣдствіи вынужденъ былъ, несмотря на поддержку Побѣдоносцева, покинуть мѣсто директора, остался при газетѣ, поселился въ меблированныхъ комнатахъ, ѣлъ и пилъ Богъ знаетъ что, но говорить и умствовать любилъ до самой смерти.

Еще большимъ неудачникомъ былъ его племянникъ, а мой пріятель Ѳедоръ Александровичъ Гиляровъ, отличавшійся поразительнымъ трудолюбіемъ и крайнимъ недовѣріемъ къ себѣ. Исполняя свою давнюю мечту посвятить себя русской исторіи, онъ, однако, и не подумалъ пойти обычнымъ путемъ профессуры, а сосредоточился въ своемъ кабинетѣ, занимаясь день и ночь, и никому не показывая своихъ работъ. Плодомъ этихъ занятій были любопытные матеріалы, имъ сведенные по начальной лѣтописи и отпечатанные какъ приложение къ ея изслѣдованію. Изслѣдованіе не вышло, а приложение составляетъ нынѣ большую библіографическую рѣдкость. Въ послѣднее время своей жизни онъ издавалъ „Театральный Вѣстникъ“, что было уже окончательной странностью, такъ какъ самъ онъ въ театрѣ совсѣмъ не бывалъ, и дѣло это было ему совершенно чуждо. Одинъ изъ братьевъ Ѳедора, Александръ, былъ титоромъ и преподавателемъ Московскаго лица и тоже челоуѣкъ со странностями, а самый старшій братъ Петръ служилъ сначала въ Управѣ Благочинія, былъ взяточникомъ, какъ всѣ ея чиновники, отчаянно кутилъ и кончилъ сумашествіемъ.

Всю эту семью поддерживала мать, Татьяна Федоровна, урожденная Островская. Семья Островскихъ, начиная съ писателя Александра Николаевича, его братьевъ — Андрея, юриста и впоследствии этнографа, Петра, ставшаго потомъ литературнымъ критикомъ и пользовавшагося особымъ уваженіемъ у Чехова, — и кончая двумя сестрами — Маріей и Надеждой, по нынѣ здравствующими — причемъ первая извѣстна какъ педагогъ и авторъ многихъ сочиненій по педагогикѣ, приходились Татьянѣ Федоровнѣ племянниками и постоянно бывали у насъ вмѣстѣ съ матерью Эмильею Федоровною. Когда она бывала у Татьяны Федоровны въ гостяхъ, она неизмѣнно восхищалась мной какъ зятемъ, главнымъ образомъ, потому, что у нее самой никакого зятя не оказывалось, но дѣло въ томъ, что я со своей тещей представляли, дѣйствительно, странную группу, ибо я лично ее обожалъ и приходя цѣловалъ много разъ ей руки и щеки. Правда, всѣ дѣти этой семьи также обожали мать, и я никогда не видывалъ столько любви въ дѣйствительности, такъ какъ въ то же время Татьяна Федоровна, напоминая собою заботливую наѣдку и неподвижно сидя при этомъ на диванѣ, — она страдала сердечной болѣзнью — клохтала и кукурекала при появленіи каждаго члена семьи, наѣдая на него съ укорами, попреками, заботами и хлопотами, а всѣ они въ то же время къ ней лѣзли, какъ къ маменькѣ. Любимой же дочерью была у нея Любовь Александровна, которая истолковывала ей всѣ дѣла и событія, она же и вразумляла ее, успокаивала, поправляла на ней сбившуюся наколку. Семья эта была для меня образцомъ болѣзненнаго вырожденія, такъ какъ отецъ былъ полный алкоголикъ, и отъ запоя затѣмъ погибли двое его сыновей.

Изъ Останкина мы съ женою переѣхали въ Москву, нанявъ крохотную квартиру, согласно съ нашими далеко не блестящими перспективами. Въ началѣ осени 1866 года у меня, въ видѣ заработка, была только школа Живописи и Ваянія, гдѣ, по рекомендаціи Герца, я долженъ былъ преподавать русскую исторію и археологію по 60-ти рублей за часъ, но всего пять часовъ, слѣдовательно, съ жалованіемъ 300 рублей въ годъ, что обеспечивало мнѣ только квартиру. Уже въ концѣ лѣта мнѣ пришлось поддерживать свои ресурсы продажей женинаго колечка съ брилльянтомъ, за которое я получилъ сорокъ рублей, а больше въ виду ничего не было. Прошло два тяжелыхъ мѣсяца, какъ вдругъ разомъ я получилъ уроки въ 1-ой и 3-ей женской гимназіи по русскому языку и предался было этому съ большимъ усердіемъ, но и съ крайней неопытностью. Изъ класса я выходилъ весь потный, и какъ теперь помню, все время чувствовалъ себя на уровнѣ близкомъ къ отчаянію. Мнѣ казалось, что или я не могу учить вовсе, потому что не умѣю, или гимназистки неспособны учиться. Всѣ мои хлопоты по водворенію ореографіи въ обѣихъ гимназіяхъ какъ бы разбивались объ стѣну полнѣйшаго нежеланія ученицъ усвоить себѣ указываемые мною приемы. Ученицы улыбались или грустно и кисло, когда я имъ указывалъ ихъ ошибки, или даже весело и задорно, какъ бы подшучивая надъ моими стараніями. Не знаю, какъ пошло бы дѣло дальше, но еще осенью того же года я получилъ отъ самого В. П. Шереметьевского предложеніе занять его мѣсто прямо въ старшихъ классахъ 2-ой Московской гимназіи, причемъ потребовалось только испросить рекомендацію у проф. Буслаева. Самъ

Шереметьевскій бралъ по просьбѣ новаго директора гимназіи, Филиппа Николаевича Королева, мѣсто инспектора, важное для него благодаря новой казенной квартирѣ. Какъ мы всѣ это увидѣли потомъ, для самого Шереметьевского эта перемѣна была истинно пагубной. Инспекторство его въ конецъ замучило, испортило его чудный характеръ, идеальное добродушіе и мягкость, отравивъ ему самое существованіе. Иное дѣло для гимназіи подъ управленіемъ новаго директора Филиппа Николаевича Королева, такой инспекторъ какъ Шереметьевскій и старшій надзиратель, какъ Бѣлопольскій, которые съумѣли вскорѣ поставить расшатанную дисциплину. Съ удовольствіемъ покинулъ я обѣ женскія гимназіи, давши себѣ и впредь слово въ нихъ не поступать.

Вмѣсто школы Живописи я вскорѣ взялъ уроки русскаго языка и словесности въ Военномъ Александровскомъ училищѣ, и такимъ образомъ, все мое учебное утро было заполнено учебными заведеніями, и все послѣобѣденное время оставалось для частныхъ уроковъ, для преподаванія логики и психологіи въ пансіонѣ Дюмушель, образцово поставленномъ, засѣданій и пр. Если присоединить къ этому чтеніе по вечерамъ и даже по ночамъ безчисленныхъ тетрадокъ съ такъ называемыми сочиненіями учениковъ, пробными диктантами, то будетъ понятно, что для собственныхъ занятій по исторіи искусства никакого свободного времени не оставалось. Въ первые годы я и не тяготился этой перегруженностью работы, хотя, вовсе не принадлежалъ къ кругу тѣхъ новыхъ преподавателей, которые въ Москвѣ назывались „лихачами“, потому что ловили наиболѣе выгодные и дорогіе уроки, набирая даже учениковъ побогаче изъ своихъ классовъ, и носились по городу на настоящихъ лихачахъ, съ одного урока на другой, дѣлая больше видъ модныхъ докторовъ, прописывающихъ одинъ и тотъ же рецептъ своимъ разнообразнымъ больнымъ. Таковъ былъ извѣстный тогда учитель русскаго языка Назаровъ, лѣкарь замоскворѣцкихъ грѣшныхъ душъ, славившійся своимъ умѣніемъ пропускать учениковъ на экзаменахъ. Ему близко подражалъ Кирпичниковъ, который свою прежнюю ловкость въ уловленіи профессоровъ перенесъ теперь на поиски богатыхъ уроковъ. Это былъ уже не такой плюгавый сморчекъ, какимъ былъ Назаровъ, а напротивъ того, человѣкъ высокаго роста, съ мечтательнымъ задумчивымъ лицомъ, которое онъ искусно дѣлалъ умнымъ и вдохновеннымъ, хотя не обладалъ никакими талантами, кромѣ великой хитрости, и глубокаго пониманія людей. Онъ былъ большимъ пріятелемъ Гилярова, который въ силу своей декадентской слабости съ нимъ водился, поноснымъ образомъ его ругая въ лицо и за глаза, но руководясь всѣми его совѣтами. Стараясь быть совершенно справедливымъ, я долженъ рассказать о своемъ глупѣйшемъ промахѣ, и ловкости Кирпичникова, такъ какъ это мнѣ дастъ возможность очертить положеніе предмета русскаго языка въ преподаваніи и въ то, и въ настоящее время. Несмотря на то, что въ младшихъ классахъ 2-ой гимназіи училъ лучшій изъ извѣстныхъ мнѣ учителей Гедике, острота вопроса о насажденіи грамотности въ гимназіи предстала мнѣ сразу, болѣзненно тяготя мою душу, вызывая постоянныя схватки съ учениками и цѣлыми ихъ группами, и заставляя прибѣгать ко всевозможнымъ видамъ письменныхъ упражненій. Я уже не могъ ходить домой пѣшкомъ, а возилъ цѣлыя кипы тетрадокъ, такъ какъ классы были по

50-ти человекъ, рѣдко менѣе. Непрестанно думая о томъ, чѣмъ можно помочь дѣлу, и терзаясь непригодностью учебниковъ грамматики, вродѣ Говорова, я рѣшился составить самолично краткую грамматику русскаго языка для низшихъ классовъ, примѣнительно къ правописанію. Въ сотрудники по этой задачѣ я упросилъ пойти В. П. Шереметьевскаго. Тетрадка съ готовымъ уже наброскомъ всего контура этимологій, начинаемаго правилами правописанія, лежала у меня всегда на письменномъ столѣ, и я почти не пропускаю ни одного дня, вносилъ въ нее правила, примѣчанія, вопросы, слова и т. д. Надо же было, чтобы эту тетрадку увидалъ у меня, случайно пріѣхавшій А. И. Кирпичниковъ, заинтересовался, сталъ меня спрашивать, даже одобрилъ, хотя, всегда меня презиралъ, какъ мнѣ было извѣстно. Прошло не болѣе двухъ недѣль, какъ Гиляровъ объявилъ мнѣ, что онъ вмѣстѣ съ Кирпичниковымъ занялся практическимъ дѣломъ, составленіемъ грамматики, примѣнительно къ правописанію. А. И. Кирпичниковъ обставилъ за то дѣло вполне практически, сошелся съ Салаевымъ—уступилъ ему на каждомъ экземплярѣ этой грамматики, кромѣ издержекъ по ея изданію, намѣренно на жидкой бумагѣ, еще 40 процентовъ въ пользу Салаева, какъ издателя. Салаевъ, въ то время всесильный издатель учебниковъ, сдѣлалъ эту грамматику своимъ собственнымъ и наиболѣе крупнымъ дѣломъ, систематически вытравливая изъ русской торговли всѣ другіе, могшіе съ нею соперничать, учебники, и распространяя въ провинціи только эту. Въ результатѣ Кирпичниковъ и Гиляровъ стали получать по 6-ти и болѣе тысячъ на брата въ теченіе болѣе 30-ти лѣтъ, а быть можетъ ихъ наслѣдники получаютъ и доселѣ. Если я остался въ дуракахъ, какъ мнѣ и слѣдовало, то все же имѣлъ всегда утѣшеніе замѣчать обоимъ, что грамматика гнусно составлена, безграмотно написана и вышла лубочной.

Надо сказать, однако же, что по моему неумѣнію поставить это дѣло, изъ моей грамматики ничего бы и не вышло, такъ какъ большинство хорошихъ учебниковъ въ Россіи почти никогда не имѣютъ успѣха. Въ этомъ единственно весь секретъ успѣха учебниковъ Иловайскаго, и обратно, неуспѣха учебниковъ С. М. Соловьева, П. Г. Виноградова и др. Исключеніе составляетъ развѣ „Курсъ русской исторіи“ В. О. Ключевскаго; всѣ прочія хорошія руководства и хрестоматіи относятся въ большинствѣ къ старому времени, какъ напримѣръ, — изданія Буслаева, Галахова, Говорова и пр. Прибавлю для свѣдѣнія интересующихся, что самъ Кирпичниковъ былъ форменно безграмотенъ, и я лично по той причинѣ, что моя фамилія, какъ и его, приходится на букву „К“, былъ свидѣтелемъ такого казуса. На выпускномъ экзаменѣ латинскаго языка у Леонтьева, Кирпичниковъ подалъ переводъ съ латинскаго на русскій съ двумя ошибками: было написано „хѳдють“ и „ѳздіють“. На допросъ, какъ онъ могъ такъ ошибиться, Кирпичниковъ отвѣчалъ, что спѣша и волнуясь онъ сдѣлалъ ошибку, но даже не объяснилъ, какъ слѣдуетъ написать правильно и почему. Скандалъ притушилъ благоволившій къ нему Леонтьевъ, который замѣтилъ, что въ московскомъ говорѣ, дѣйствительно, будто бы начинается 2-ое спряженіе, и великодушно извинилъ ошибку. Въ тѣ времена еще не было на факультетѣ сумасшедшаго Брандта, но такъ какъ онъ уже предлагалъ въ комиссіи по новому правописанію, то онъ теперь можетъ въ безграмотности

будущаго профессора иностранной литературы отыскать оправданіе собственнаго полоумія. Судьба, къ сожалѣнію, сталкивала Кирпичникова со мною много разъ и впослѣдствіи, хотя, я лично, да и онъ взаимно не находили въ этомъ никакого удовольствія. Чтобы болѣе съ нимъ, хотя бы, на страницахъ этихъ своихъ воспоминаній не встрѣчаться, скажу кратко, что, хотя онъ затѣмъ сталъ профессоромъ иностранной литературы, но всегда остался природнымъ торгашемъ, и торговалъ всѣмъ, и даже наукою : было забавно, какъ мы съ Гилляровымъ, бывало, убѣждали его покинуть науку, и сдѣлаться попросту, купцомъ, аферистомъ, издателемъ, чѣмъ угодно: на нашъ взглядъ въ немъ пропали большіе таланты истиннаго американца, или вообще дѣловаго человѣка.

По вызову Буслаева я началъ работать для предпринятаго имъ „Сборника Общества Древне-русскаго Искусства“, учрежденнаго въ Москвѣ въ 1865 году. Представивъ Буслаеву три рецензіи по сочиненіямъ Гюбша, Канница и др., я былъ тогда же избранъ дѣйствительнымъ членомъ общества, а въ настоящее время, такъ какъ всѣ члены перваго состава уже умерли, состою единственнымъ его представителемъ. Общество это, какъ и множество ему подобныхъ, возникшихъ въ Россіи, поддерживалось исключительно работами двухъ его членовъ: Буслаева и Г. Д. Филимонова, хотя въ немъ номинально принимали участіе едва ли не всѣ тогдашніе русскіе археологи. Но, выпустивъ въ свѣтъ одинъ томъ въ 1866 году и другой томъ въ 1873 г., признанные въ литературѣ своего рода капитальными вкладами, благодаря трудамъ указанныхъ ученыхъ, оно должно было прекратить издательство, а затѣмъ, въ связи съ нимъ и свои засѣданія, такъ какъ для первыхъ не имѣло средствъ, а для вторыхъ не имѣло интереса, и его сотрудники сами перебрались въ Московское Археологическое Общество, начавшее процвѣтать уже съ 1868 года, послѣ своего основанія въ 1864 году. Уже по самой широтѣ своего кругозора и интересовъ, это общество, рано или поздно, должно было сосредоточить у себя, сначала, всю московскую, а затѣмъ, и значительную часть русской археологіи. Едва я успѣлъ сдѣлать первыя сбереженія, какъ рѣшился съѣздить за границу и заняться тамъ на памятникахъ исторіи искусства. Основую этихъ занятій я самъ себѣ положилъ науку классической археологіи и отправился сперва въ Петербургъ для занятій въ Эрмитажѣ, а оттуда въ Берлинъ, куда меня привлекалъ музей гипсовыхъ слѣпковъ, съ его научнымъ каталогомъ извѣстнаго Фридрихса. Мы взяли съ женою 500 рублей съ расчетомъ на два мѣсяца пребыванія, и на закупку платья и бѣлья. Уже съ перваго своего заграничнаго выѣзда я сталъ систематически дѣлать послѣднее именно за границей, гдѣ мануфактура была и дешевле и добротнѣе, и обильнѣе выборомъ. Могу похвалиться тѣмъ, что до послѣднихъ лѣтъ своей жизни, я никогда не заказывалъ у русскихъ портныхъ, и довольствовался всегда готовымъ, но заграничнымъ платьемъ. Сначала въ Вѣнѣ и въ Италіи, затѣмъ въ Парижѣ, а подъ конецъ всетаки только въ Италіи. Могу съ гордостью сказать, что когда великій князь Константинъ Николаевичъ, встрѣченный мною въ Парижѣ, сталъ объяснять мнѣ, что онъ пріѣхалъ въ Парижъ спеціально запастись бѣльемъ и мнѣ тоже самое рекомендуетъ, то я ему могъ замѣтить, что я уже давно это самое дѣлаю. Правда, изъ-за этого обычая я иногда отчаянно обнашивался, такъ какъ носилъ вещи по 30-ти и даже по 40 лѣтъ. Упоминаю объ этомъ,

однако, лишь потому, что по общему домашнему совѣту мы взяли въ дорогу всѣ свои сбереженія — 500 рублей съ небольшимъ и побывали на нихъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ и затѣмъ хорошо проѣхались по Швейцаріи, начиная отъ Боденскаго озера на Цюрихъ, Шафгаузенъ, Люцернъ и Женеву, закупая для себя, что было надо, изъ этихъ денегъ рублей на полтора. И вернулись мы домой все же съ небольшимъ запасомъ. Правда, мы ѣздили исключительно въ третьемъ классѣ и простыми поѣздами, отъ Петербурга до Берлина ѣхали на Кенигсбергъ трое сутокъ, и на одномъ перегонѣ я проснулся обезпокоенный тяжестью; на мнѣ буквально сидѣлъ толстый нѣмецъ, который даже не извинился, что сѣлъ днемъ на спящаго человѣка: онъ вѣдь имѣлъ право на мѣсто. Но какова была дешевизна въ тѣ поры даже въ самомъ Берлинѣ, можно судить потому, что мы жили на главной улицѣ, правда, въ крохотной гостинницѣ второго сорта и платили двое за одну комнату 20 грошей. На пансіонахъ въ Швейцаріи мы платили за все по четыре франка, рѣдко по пяти съ человѣка. Самый дорогой нашъ расходъ былъ въ гостинницѣ Риги-Кульмъ, гдѣ за гнусный чуланчикъ съ продувными стѣнками съ насъ взяли 7 франковъ. Къ тому же по курсу въ тѣ времена наше золото шло наравнѣ съ французскимъ, т. е. полуимперіалъ мѣнялся какъ наполеондоръ на бумажки съ очень малымъ учетомъ. Конечно, мы не могли себѣ позволить ни ледниковъ, ни Интерлакена, но мы мало этимъ интересовались, бѣгали по даровымъ музеямъ и картиннымъ галереямъ въ праздники и лишь въ бесплатные дни, пѣшкомъ отмахивали по всѣмъ окрестностямъ, восторгаясь великолѣпнымъ пивомъ, и понятно, я ни одного путешествія по Швейцаріи не вспоминаю съ такимъ удовольствіемъ, какъ это первое. Съ другой стороны, мнѣ сразу не понравилась Германія, а особенно Берлинъ, съ его невыразимо тоскливымъ настроеніемъ толпы и угнетающимъ впечатлѣніемъ пыльнаго губернскаго города, какимъ онъ тогда намъ показался, послѣ Петербурга. Доселѣ помню, какъ мы бродили по слѣдъ скуднаго и должно быть противнаго обѣда по пыльной набережной рѣки Шпрее, въ жаркій палящій день. И какъ издѣвались мы вдвоемъ, идя съ гидомъ въ рукахъ, надъ его начальной фразой: „Берлинъ долженъ стать міровымъ городомъ“. Все, что было въ Берлинѣ пріятнаго, заключалось въ Тиргартенѣ, но ежедневные походы по этому парку подъ конецъ намъ отошнѣли. И вотъ, надо же было, какъ нарочно, случиться съ нами одному, собственно, неважному казусу: уже я кончалъ свои штудіи въ музеѣ гипсовыхъ слѣпковъ, и вообще осмотръ достопримѣчательностей, какъ разъ, вечеромъ, вздумали пойти въ одинъ изъ садиковъ съ объявленнымъ на этотъ вечеръ концертомъ, спросили себѣ пару пива и принялись слушать, но въ садѣ шумно ввалилась гремя саблями группа пьяныхъ офицеровъ; сѣвъ за одинъ изъ столиковъ, они начали бушевать съ прислугой, пришелъ хозяинъ, униженно просилъ ихъ успокоиться, взялся было самъ прислуживаться, но тоже не угодилъ. Одинъ изъ офицеровъ, упившійся до того, что не могъ держаться на ногахъ, хотѣлъ подбодрить хозяина или главнаго оффиціанта, я не могъ разобрать, пинкомъ, повалился на него и упалъ, поднялся, и началась драка. Два офицера обнажили сабли, стали разбивать на сосѣднихъ столикахъ зейдели, начался крикъ, образовалась толпа, стали упрашивать и униженно умолять „господъ лейтенантовъ“ успокоиться, но они уже били фонари, прислугу и посѣтителей.

и скоро всѣ мы позорно удирали съ поля битвы. Все это, конечно, дѣло обыкновенное и послѣ Садовой въ Германіи вполне понятное, но все это уже такъ опротивѣло и въ Москвѣ, гдѣ, бывало, каждый большой фестиваль въ Эрмитажѣ заканчивался неизмѣнно грандіознымъ скандаломъ, какъ неизмѣнно и роскошнымъ фейерверкомъ. Признаюсь, я рѣшился ускорить свой отъѣздъ изъ Берлина, именно послѣ этого вечера, а къ отъѣзду Берлинъ подготовилъ мнѣ еще одинъ горькій опытъ. За часъ до отъѣзда на вокзалъ я спросилъ счетъ, мнѣ подали его нескоро и въ немъ, увы, оказалась передержка конторы. Мы уговорились съ самого начала о цѣнѣ самовара, который имѣлся въ гостинницѣ. Цѣна его была 10 грошей, съ меня же тянули за каждый день по 20 грошей, на томъ основаніи, что для двоихъ самоваръ будто бы стоилъ вдвое; пришлось уплатить, но этимъ дѣло не кончилось. Я попросилъ принести мнѣ сданные въ контору 50 золотыхъ, оберъ кельнеръ, получивъ по счету и себѣ на чай, ушелъ съ этимъ порученіемъ, и вотъ онъ не приходитъ четверть часа, полчаса. Выбѣгаю на лѣстницу, кличу его, кричу, онъ прибѣгаетъ, высыпаетъ мнѣ рядъ золотыхъ, хватаетъ сумки и хочетъ съ ними бѣжать изъ комнаты, торопя насъ, что намъ пора ѣхать, я его останавливаю, онъ не слушаетъ, тогда я кричу ему, что пока я не сочту денегъ, я его не выпущу, считаю золотые, всего 48, двухъ нѣтъ, тогда я сажусь на стулъ и говорю, что не поѣду, а пойду къ бургомистру, такъ какъ я далъ подъ расписку 50, кельнеръ бѣжитъ и возвращается съ двумя золотыми, которые онъ догадался найти. Все это, на почвѣ испытаннаго уже болѣе или менѣе всюду грубаго обращенія, вызвало во мнѣ столь рѣзкую реакцію противъ Пруссіи, что я съ удовольствіемъ вспоминаю Дрезденъ и Мюнхень, гдѣ мы могли отводить душу, ругая съ самими нѣмцами пруссаковъ. Мало того, я до такой степени часто, впослѣдствіи, повторялъ въ разговорѣ, что впредь поѣду въ Берлинъ только въ крайней нуждѣ, что уже и самъ рѣшился исполнить это свое зачатіе. Въ самомъ дѣлѣ, съ той самой поры и вплоть до 1914 года я въ Берлинѣ не былъ и даже проѣзжалъ черезъ него всего два раза, по необходимости, одинъ разъ изъ Парижа, возвращаясь, а другой разъ, ѣдучи поневолѣ черезъ Берлинъ на Базель и Миланъ, такъ какъ мнѣ прямо не хотѣли дать иначе спальнаго купѣ до Италіи изъ Петербурга. Говорю, не хотѣли дать, принуждая ѣхать или на Фіумэ, или на Базель. Конечно, моя обструкція Берлина была для меня очень невыгодной, такъ какъ, живя въ Петербургѣ, я почти совсѣмъ пересталъ, съ 1900 года, выѣзжать въ Парижъ, и ограничивалъ свои заграничныя поѣздки исключительно Италіею уже ради простаго сбереженія денегъ на дорогу.

Но за то въ эту первую свою поѣздку я захватилъ еще нѣкоторые остатки старой Германіи и Швейцаріи, такъ какъ ради дешевизны, избѣгая не только дорогихъ отелей, но и вообще гостинницъ, старался останавливаться, или въ меблированныхъ комнатахъ, или даже въ частныхъ домахъ, снимая комнату и пользуясь тутъ же столомъ. Быть можетъ, именно поэтому заграничная жизнь съ тѣхъ поръ и доселѣ въ моемъ представленіи окружена ореоломъ покоя, довѣрія, довольства, добрыхъ нравовъ и хорошихъ манеръ. На мой теперешній взглядъ все это рѣзко измѣнилось въ сѣверной Германіи, но все это еще пока держится въ южной Германіи, и даже въ Австріи. Но совершенно иную картину рисуетъ

мнѣ обязательно моя мысль, когда я пробую вспомнить русскую жизнь 50 лѣтъ тому назадъ. Общая неустойчивость этой жизни даже въ предѣлахъ средняго буржуазнаго общества, повсемѣстное недовольство, тягости отношеній, неуверенность въ завтрашнемъ днѣ, и какая то пассивная безпутность — съ такими чертами неизмѣнно вспоминается мнѣ жизнь всѣхъ моихъ знакомыхъ. Мои товарищи по гимназіи, за немногими исключеніями, почти всѣ вели такую непутевую жизнь, что никогда не сводили концовъ съ концами, всегда были стѣснены, плакались на горькую долю учителя, робѣли, вѣчно боялись начальства, злобились на товарищей и учениковъ. Между ними только старые учителя представлялись вполне уравновѣшенными и относительно довольными. Лишь очень немногіе занимались своимъ дѣломъ съ охотой и нѣкоторою любовью, большинство видѣло въ своихъ занятіяхъ каторжный трудъ. Подъ вліяніемъ общественнаго движенія дисциплина въ школахъ совершенно упала, и учителя, неумѣвшіе справиться съ многочисленными классами, предпочитали терпѣть у себя шумъ, беспорядокъ и озорство, или даже открыто входили въ молчаливое соглашеніе съ классомъ, занимаясь только съ отдѣльными учениками и разрѣшая другимъ дѣлать, что имъ угодно. Безпутность русской жизни сказывалась и здѣсь, и притомъ въ особенно нелѣпыхъ формахъ. Попробую изобразить эту сторону по собственному опыту. На мою долю выпало преподаваніе русскаго языка и словесности въ старшихъ классахъ гимназіи и юнкерамъ Военнаго Александровскаго Училища. Предметъ несомнѣнно деликатный и сложный, но въ высокой степени благодарный, и вполне отвѣчающій моимъ идеалистическимъ вкусамъ. Съ самаго начала и до конца своего учительства, я относился къ дѣлу со всѣмъ стараніемъ, на какое только способенъ, извлекая изъ критическихъ разборовъ литературы все то, что было доступно, понятно и интересно для юношей, и изъ методовъ преподаванія выбирая тѣ, которые приводили къ цѣли, примѣняя поэтому и объяснительное чтеніе, и собственное чтеніе литературныхъ произведеній вслухъ, и постоянныя ученическія работы подъ руководствомъ, или самостоятельныя. И вотъ, правда, за истекшіе съ того времени 50-лѣтъ мнѣ приходилось много разъ слышать отъ своихъ бывшихъ учениковъ, или даже отъ ихъ дѣтей, глубоко сочувственные отзывы, которые мнѣ такъ или иначе доказывали, что ученики понимали мои старанія и усилія развить въ нихъ тѣ же самые вкусы, которые были во мнѣ. Говорили мнѣ это совсѣмъ разные люди: епископъ, присяжный литераторъ, профессоръ и пр. Но, если это и было такъ, или только ученикамъ казалось, все же это сочувствіе единицъ не уменьшало общаго безпутнаго тона учениковъ и тяготы моего учительства. Первые два года я положительно страдалъ отъ своего неумѣнія дисциплинировать, или хотя бы, что называется, обуздать учениковъ. Классы гимназіи стали для меня пыткой и я уже подумывалъ объ уходѣ въ женскія гимназіи. Когда затѣмъ произошла перемѣна къ лучшему я не помню, и, стало быть, я того не замѣтилъ. Помню лишь одно, какъ измученный и дрожащій я шелъ изъ корридора къ выходу въ швейцарскую, и обгоняя меня бѣжалъ кругомъ потокъ гимназистовъ, а я вдругъ почувствовалъ, что кто-то изъ нихъ дернулъ меня за фалду фрака. Обернуться назадъ, ухватить перваго попавшагося, испугать его своимъ бѣшенствомъ, было дѣло одной минуты, но въ слѣдующую я опомнился.

Помню, затѣмъ, что на нѣкоторое время я приходилъ въ классъ въ заранѣе созрѣвшемъ нервномъ настроеніи. Это былъ своего рода терроръ, и на немъ я построилъ дисциплину класса, и такъ какъ въ результатѣ я достигъ того, что велъ классъ на возжахъ и черезъ пять-десять минутъ послѣ начала успокаивался самъ, я понялъ, что всѣ мною видѣнные хорошіе учителя прошли черезъ періоды подобнаго террора, и считалъ уже неизбѣжнымъ прибѣгать къ нему и впослѣдствіи, всякій разъ, какъ ученическая орда отказывала мнѣ во вниманіи. Но я такъ и не могъ допытаться у другихъ, чего стоила имъ эта система, а мнѣ самому это время было такъ тяжело и каторжно, что я уже черезъ три года готовъ былъ бросить гимназію и преподаваніе. Расскажу уже кстати, что, когда у насъ смѣнился директоръ, и назначенъ былъ Сосоеновъ, то онъ, придя ко мнѣ въ классъ IV или V-ый, присутствовалъ при корнесловномъ разборѣ изъ хрестоматіи. Классъ, что называется шелъ на возжахъ: была полнѣйшая тишина, сложное слово разбиралось самими учениками, корень, производныя отъ него формы, приставки, суффиксы, флексіи и пр. Все разнималось по частямъ съ объясненіями, опредѣленіями, сходными примѣрами и т. д. Одинъ ученикъ начиналъ, всѣ слѣдили за каждымъ словомъ, онъ ошибался, я называлъ кого-либо другого, онъ, вставши, поправлялъ, ошибался и онъ, я вызвалъ третьяго, четвертаго, они должны были знать о чемъ идетъ рѣчь, а если кто не зналъ, ему ставилась страшная „точка“. Директоръ былъ назначенъ укрощать возмущившуюся противъ классической системы нашу классическую гимназію. Онъ выразилъ мнѣ свой полный восторгъ. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ предложилъ мнѣ мѣсто инспектора гимназіи, съ обязательствомъ въ короткій срокъ представить меня въ директора. Но это было уже черезъ пять лѣтъ моего учительства, и я ему могъ отвѣтить только одно, что я уже не чувствую себя въ силахъ продолжать далѣе педагогическую дѣятельность.

Несравненно легче шли мои занятія въ Военномъ Александровскомъ Училищѣ, гдѣ вмѣсто какихъ бы то ни было уроковъ, лекцій или чтеній, я могъ ограничиться исключительно письменными работами юнкеровъ, исполнявшимися прямо въ классахъ. Письменному упражненію предшествовало мое вступительное объясненіе того разсказа, или литературнаго характера и типа, который выбирался для письменной работы. Упрощая по возможности тему, я долженъ былъ изъ критическихъ оцѣнокъ и разборовъ этого типа сдѣлать сводку, вродѣ того, какъ предсѣдатель суда суммируетъ присяжнымъ передъ ихъ уходомъ въ совѣщательную комнату. Затѣмъ, юнкера садились писать, мало и скупо, или много и пространно, иные даже литературно и съ дарованіемъ. Всего было вдоволь, тѣмъ болѣе, что темы выбирались изъ Пушкина и Гоголя, Тургенева и Толстого, но всего болѣе было грамматическихъ ошибокъ. Извѣстный Д. А. Милютинъ, пріѣзжавшій въ Москву послѣ своего назначенія военнымъ министромъ пришелъ ко мнѣ въ классъ, просилъ продолжать, и увидавъ сразу, что я, переходя отъ одного ученика къ другому, съ ихъ предъидущими сочиненіями, мною разобранными и подчеркнутыми, терзался ихъ грубыми ошибками, обратился къ юнкерамъ съ поученіемъ, стыдя ихъ названіемъ „православнаго безграмотнаго російскаго воинства“. Понятно, это нисколько не подѣйствовало на юнкеровъ, они оставались при своихъ ошибкахъ все время моего пребы-

ванія въ Училищѣ. Еще спасибо тому обстоятельству, что во главѣ Училища стоялъ въ то время инспекторъ Павелъ Николаевичъ Дюшенъ. Это былъ человѣкъ замѣчательнаго ума и равно необыкновеннаго характера, жившій въ Училищѣ полнымъ отшельникомъ, но въ то же время слѣдившій за каждымъ юнкеромъ, какъ любящій отецъ. Онъ зналъ cadaго изъ учениковъ, какъ если бы онъ былъ его воспитателемъ, будучи самъ высоко образованнымъ человекомъ, и ученымъ математикомъ, онъ отдавался всею душою дѣлу преподаванія въ Училищѣ, и готовъ былъ насъ поддерживать всѣми ему доступными средствами, а онъ былъ въ то время всесильнымъ человекомъ въ Училищѣ, гдѣ не только преподаватели, но и профессора, читавшіе тамъ лекціи, какъ напримѣръ, С. М. Соловьевъ, были также ему подчинены. Помню хорошо, какъ однажды, получивъ кипу тетрадей изъ Училища, и раздражившись донельзя грубыми ошибками, синтаксическими неправильностями и крайней неряшливостью нѣкоторыхъ тетрадей, походившихъ на письма горничныхъ, я рѣшился, наконецъ, на крайнюю мѣру: при 12-ти балльной системѣ, я оцѣнилъ нѣкоторыя упражненія единицей и двойкой. Прошелъ день, два и я получилъ отъ Дюшена письмо, въ которомъ онъ меня извѣщалъ, что онъ просмотрѣвъ всѣ сданныя вновь сочиненія „восхищается моими отмѣтками, проситъ меня оставаться при этой строгости и будетъ меня поддерживать сколько можетъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ классъ ко мнѣ, однажды, пришелъ, наконецъ, самъ директоръ — генералъ Шванебахъ; также, какъ и я ходилъ по партамъ, осматривая письменныя работы учениковъ, и одному изъ нихъ, предъявившему мою двойку, подписалъ своего рода рекомендацію: „А мнѣ афторъ нравится“. Резолюція эта имѣла большой успѣхъ среди учениковъ въ особенности, а все же всѣ мои хлопоты не повели ни къ чему. Непрестанная неудача всѣхъ моихъ усилій на педагогическомъ поприщѣ отравлялась еще и тѣмъ, что не имѣя необходимой сноровки, я тратилъ на уроки все свое время; въ казенныхъ гимназіяхъ и въ Училищѣ, гдѣ изъ класса выгонялъ меня звонокъ, меня освобождалъ, по крайней мѣрѣ, заведенный порядокъ, но на частныхъ урокахъ я являлся мученикомъ своего рвенія не по разуму, просяживая съ учениками и даже ученицами цѣлыми часами. Въ тѣ времена было въ модѣ учиться русской словесности, развивать себя чтеніемъ и критическими разборами Тургенева и Льва Толстого, и на пятомъ году своего преподаванія въ Москвѣ я едва находилъ время для новыхъ частныхъ уроковъ. Увы, ученики поневолѣ мною тяготились, ибо по ихъ мнѣнію я требовалъ отъ нихъ невозможнаго. Одна изъ нихъ, искавшая развитія на пониманіи русскихъ писателей сочла, очевидно, меня нетерпимымъ педантомъ, и перешла отъ меня къ П. Д. Боборыкину. Слабый народнической писатель Д. О. Нефедовъ почти плакалъ на моихъ урокахъ отъ злой критики его упражненій, но за то остался вѣрнымъ до конца, и выдержалъ испытаніе по русскому языку съ блескомъ.

Я давалъ въ недѣлю 44 урока, и благодаря своему усердію возвращался домой, иногда къ 10 часамъ вечера. Понятно, для моихъ научныхъ занятій оставалось только лѣто; благодаря отчасти тому, что московское лѣто хуже южной осени, я могъ тогда на свободѣ сидѣть за любимымъ Готфридомъ Миллеромъ. Ученая профессорская карьера стала для меня недостигаемою мечтою, и я от-

части въ цѣляхъ своего освобожденія отъ педагогійи сталъ давать много уроковъ съ тѣмъ, чтобы на сдѣланныя сбереженія просуществовать нѣкоторое свободное время и приготовиться къ магистерскому экзамену. Педагогическая дѣтельность тяготила не менѣе моего и Владиміра Петровича Шереметьевского ; онъ также какъ и я жаловался, на полное одуреніе отъ возни съ учениками. Чтобы избавиться хотя на воскресеніе отъ недѣльнаго одуренія мы рѣшили въ послѣдній годъ съ Шереметьевскимъ посѣщать, хотя бы по субботамъ, своего рода „умственную баню“ : — Артистическій и литературный кружокъ, — основанный, помнится, въ 1868 году, и благодаря предприимчивому режиссеру, но бездарному актеру Вильде, собиравшій въ праздники феноменальную, чисто московскую толпу. Здѣсь были бесплатные для членовъ спектакли съ начинавшими талантами, Макшѣевымъ и др., и свои почетные завсегдатаи, вродѣ добродушнаго профессора Нила Попова, убогаго стихоплета А. Плещеева и четы Федотовыхъ и др. Тамъ былъ прямо банный полокъ — проходная комнатка, въ единственномъ углу которой примостился самъ Провъ Михайловичъ Садовскій, неизмѣнно отпивавшійся молча сельтерской водой, часу якобы съ девятого и до полуночи, когда онъ уже вновь бывалъ готовъ для возліяній и соотвѣтственнаго разговору. Онъ неизмѣнно сидѣлъ въ свомъ уголку, на диванчикѣ, отвѣчая на поклоны кивками и почти никому не подавая руки. Когда, однажды, нашъ учитель латинистъ П. П. Никольскій, слабый во хмѣлю, и разъ облевавшій мою шубу, когда я его везъ съ гимназическаго праздника домой, долго приставалъ къ Садовскому при мнѣ съ пьяными нѣжностями, тотъ вдругъ ему сказалъ : „ну, что-жъ цѣлуй, пожалуй, я вѣдь вродѣ Иверской“. Забавень былъ и Плещеевъ, который на свои — онъ служилъ въ почтамтѣ въ ту пору — забѣгалъ по нѣсколько разъ въ буфетъ прополоскать горло настойкой покрѣпче. Я едва удерживался отъ восторга, когда тотъ же Плещеевъ, уже миллионеръ (впоследствии, оказалось по ошибкѣ) съ видомъ тончайшаго знатока дегустировалъ у Максима Максимовича Ковалевскаго за завтракомъ на его дачѣ въ Бо-Лье, бутылку стараго бургундскаго вина, поданную въ лежачемъ видѣ на столъ. Плещеевъ не зналъ, что наша кампанія провожала его въ кружкѣ, когда онъ въ сотый разъ пробѣгалъ передъ нами, его стихомъ : „впередъ безъ страха и сомнѣнія“, имитируя зычное дрожаніе его голоса и завывающій тонъ. Хотя и въ пьяной компаніи, но людей, сверкавшихъ неподдѣльнымъ талантомъ, какъ Садовскій — этотъ алмазъ московской сцены, можно было забыться и отогнать отъ себя мысль о своей истинно каторжной жизни.

Итакъ, несмотря на мои успѣхи въ педагогійи, которые за послѣднее время моего пребыванія въ Москвѣ давали мнѣ даже излишки, мною свято сбереженные, а равно, несмотря на различныя новыя свои предъпріятія, вродѣ изданія критическаго обозрѣнія, которое я затѣвалъ съ Андреемъ Николаевичемъ Поповымъ, на преподаваніе русскаго языка, которое я началъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, съ явнымъ результатомъ, я все же стремился все время освободиться и отъ педагогійи и заодно отъ самой Москвы. Первая мнѣ опостылѣла, Москва же послѣ моихъ выѣздовъ въ Петербургъ и за границу мнѣ не нравилась настолько, что, когда умеръ отецъ и оставилъ намъ троимъ домъ въ Москвѣ, правда деревянный, но въ хорошемъ переулкѣ около Чистыхъ Прудовъ, никто изъ

насъ, и я въ томъ числѣ, не пожелалъ оставить его за собою. Если мнѣ было чего жаль, то единственно несостоявшагося изданія критическаго обозрѣнія въ товариществѣ съ А. Н. Поповымъ. Это былъ рѣдкостный человѣкъ среди москвичей, еще болѣе меня чуждавшійся всякихъ московскихъ кружковъ, человѣкъ поразительнаго трудолюбія и выдающихся дарованій. Это была крошечная фигурка, нѣжно бѣлокураго отрока, съ едва пробивавшейся бородкой, яркими голубыми глазами, глядѣвшими на васъ умно и въ то же время мечтательно, какъ бы черезъ васъ, въ какую то ему видимую даль. Увы, не прошло двухъ-трехъ лѣтъ, какъ этотъ человѣкъ, этотъ юноша сталъ пить мертвую, болѣть и скоро умеръ. Понятно, однако, что какъ бы ни тяготило меня учительство и московская жизнь, къ которой я все-таки такъ и не могъ привыкнуть, прежде всего, изъ за суроваго климата, среди котораго я напрасно пытался себя закалить, а главное среди ненавившагося мнѣ общества педагоговъ, мнѣ все же не удалось бы освободиться отъ своего кошмара, если бы не два случайныхъ обстоятельства, меня выручившія. Первое, менѣе важное — былъ разгромъ 2-ой гимназіи, учиненный управленіемъ округа по требованію руководителей классической системы образованія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Наша гимназія была классической, такъ сказать по принципу, и какъ я говорилъ, древніе языки шли у насъ и раньше на первомъ мѣстѣ и шли образцово, что признавалось всѣми, а главное самимъ П. М. Леонтьевымъ. Но, вотъ, съ введеніемъ усиленнаго классицизма, и умноженіемъ часовъ, появился у насъ новый преподаватель, нѣкто Миловидовъ, поставившій себѣ задачею привлечь исключительное вниманіе учениковъ къ греческой грамматикѣ. Это былъ первый образчикъ того, какъ совершенно неспособные и даже невѣжественные учителя, выдвигаемые окружнымъ начальствомъ, налетали на подобіе опричниковъ, начинали расправу съ классами, жаловавшимися директору и инспектору на непосильные уроки, мучительныя письменныя задачи, и мало-по-малу доводили мирные классы до буйства и неповиновенія. Мы всѣ непосредственно видѣли, и я лично безъ всякаго преувеличенія, могу утверждать, что Миловидовъ былъ дикій человѣкъ, самолюбивый тупица, и заслуживалъ по своему разнузданному отношенію къ дѣлу быть немедленно выгнаннымъ. Такъ напримѣръ, казня непокорный классъ, онъ за одинъ урокъ ставилъ около 40 единицъ и двоекъ за устные отвѣты ученикамъ и даже классикамъ, которые, конечно, боялись, однако, говорить противъ него; было ясно, что Миловидовъ неистовствовалъ, и нашъ педагогическій совѣтъ единоголосно ставилъ ему это на видъ. Леонтьеву и окружному начальству наше внимательное отношеніе къ совершавшимся еженедѣльнымъ скандаламъ было непріятно, и было принято за возмущеніе противъ новой классической системы. Инспекторъ В. П. Шереметьевскій долженъ былъ оставить гимназію, директоръ Королевъ перешелъ съ выгодною для себя въ директора Петровско-Разумовской Академіи, учитель исторіи А. К. Шуффъ сдѣлался адвокатомъ, другіе разошлись по инымъ гимназіямъ, а я принялъ предложеніе кафедры исторіи искусства въ Новороссійскомъ университетѣ и рѣшилъ покинуть Москву. Правда, однако, я прожилъ еще въ Москвѣ зиму 1870—1871 года, выпросивъ себѣ въ Новороссійскомъ Университетѣ отпускъ на одинъ годъ для приготовленія и сдачи магистерскаго экзамена (по исторіи искусства) въ Московскомъ университетѣ.

Чтобы выполнить на дѣлѣ свою мечту — покинуть родную Москву съ ея жестокимъ климатомъ, ея учеными и педагогическими и литературными кружками, отъ которыхъ меня начинало уже тошнить (особенно славянофильскіе кружки, какъ напримѣръ, вечера извѣстнаго Кошелева съ Писемскимъ и другими присными). Я принялъ и исполнилъ благое намѣреніе самому съѣздить въ Одессу и поставить факультету свои условія. А такъ какъ я ѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ изъ своей программы ничего не уступать, и лучше просуществовать на небольшія собственныя средства (у меня было около четырехъ тысячъ), я достигъ полного успѣха. Какъ теперь помню: ѣдучи пять дней на югъ черезъ Курскъ и Кіевъ, и остановившись въ Кіевѣ на двое сутокъ, я мысленно твердилъ себѣ заклятіе-не жить на сѣверѣ, и если надо служить, то на югѣ. Правда, и этотъ югъ предсталъ предо мною въ полной красѣ стараго, натурального и мощнаго крестьянскаго богатства. Я доселѣ не могу забыть кіевскихъ базаровъ, особенно на Подолѣ, у Лавры, и другихъ площадяхъ города. Желѣзный путь въ Одессу былъ только что проведенъ, станціи были деревянныя и по досчатымъ перронамъ располагались цѣлыя сотни лотковъ, со всякимъ снѣдьемъ: и жаренныя куры, и ветчина, и свѣжіе, горячіе пончики, и сливовица, и квасы, все это подъ открытымъ небомъ, по цѣнамъ не превышавшимъ „хохлацкаго“ шага. Увы, прошло два-три года, и все это раздолье разсыпалось впрахъ подъ тлетворнымъ дыханіемъ русской администраціи и ея гнусныхъ трактировъ и буфетовъ. Столь же восхитила меня любопытная характерность своеобразнаго южнаго города, напомнившего мнѣ европейскіе закоулки. Мнѣ нравилось, гуляя по Одесскому бульвару, слышать со всѣхъ сторонъ итальянскій, французскій, греческій языки, и съ недоумѣніемъ оборачиваться, заслышавъ русскій разговоръ. Такую же смѣсь языковъ, племенъ и состояній я встрѣтилъ въ Университетѣ, гдѣ историко-филологическій факультетъ былъ на треть наполненъ нѣмцами: Брикнеръ, Струве, Брунъ и другіе являлись воротилами факультета. Они, между прочимъ, не желали выбора русскаго преподавателя по каѳедрѣ исторіи искусства, и предлагали извѣстнаго Эдуарда Доббера, бывшаго родомъ изъ Риги, и учившагося въ Берлинѣ, но дѣло это разстроилось, Добберъ отказался отъ выбора, и я былъ избранъ факультетомъ на условіяхъ мною предложенныхъ, исправляющимъ должность доцента. Изъ Одессы я проѣхалъ тогда въ Аккерманъ, на недѣлю погостить въ семьѣ своей ученицы, дочери генерала Андрусскаго, жившей съ матерью въ домѣ родственника, казацкаго полковника Горѣлова, державшаго въ Аккерманѣ большую паровую мельницу. Его сынъ, въ то время студентъ, пристрастившись къ театру, устроилъ съ однимъ изъ провинціальныхъ актеровъ въ большомъ сараѣ спектакли изъ легкихъ пьесъ съ пѣсенками, монологами, и разными шаржами, восхищавшіе публику. Какъ поклонникъ Московскаго драматическаго репертуара, я былъ призванъ семьею къ участию въ занимавшемъ ихъ тогда вопросѣ: быть или не быть племяннику и сыну Горѣлова актеромъ. Любителямъ театра извѣстно, что Владиміръ Николаевичъ Давыдовъ-Горѣловъ то-жъ, украшаетъ Петербургскую сцену, послѣ ряда провинціальныхъ театровъ, вотъ уже скоро 50 лѣтъ. Мои театральные восторги смѣнялись въ Аккерманѣ археологическими прогулками по чудной генуезской крѣпости, въ то время почти совершенно цѣлой.

Зиму я провелъ въ Москвѣ, отвлекаясь отъ занятій только для немногочисленныхъ частныхъ уроковъ и вовсе не обращая вниманія на свирѣпствовавшую въ Москвѣ тогда холеру, а сдавши удовлетворительно экзаменъ на магистра, поѣхалъ въ Петербургъ для осмотра Эрмитажныхъ собраній. Осенью 1871 года я пріѣхалъ съ женою въ Одессу, и дабы не устраиваться сразу вновь хозяйствомъ, помѣстился въ комнатѣ на квартирѣ сотрудника „Одесскаго Листка“ — Магера. Я получилъ въ то время жалованья — 81 рубль съ копѣйками, за комнату платилъ 15 рублей, обѣдать мы ходили на сторону, по 30—40 копѣекъ за сытный обѣдъ изъ 2-хъ или даже 3-хъ блюдъ, и такъ сводили концы съ концами, причемъ, даже могли ходить въ театръ. Надо отдать справедливость русскому югу, было время, когда, заведенная въ немъ, по западной половинѣ, польская культура создала чрезвычайно благопріятныя условія для городской жизни, и въ частности, для шляхетскаго и интеллигентскаго пролетаріата. Городъ Одесса былъ въ мое время необычайно пыльнымъ и совершенно безводнымъ пустыремъ, но улицы его были также почти широки, какъ въ Николаевѣ, и уже въ тѣ поры засажены акаціями. Правда, если любитель природы рисковалъ въ то время поѣхать на прогулку, или къ добрымъ знакомымъ на дачу на Средній или Большой Фонталъ, онъ возвращался почти негромъ. Пыль, поднимавшаяся надъ всѣмъ взморьемъ, по воскреснымъ днямъ, опадала только съ росой, а въ жаркіе дни застилала горизонтъ. По многимъ улицамъ нельзя было проѣхать, начиная съ осени и вплоть до лѣта, за исключеніемъ морозныхъ дней. Когда же, ставшій городскимъ головою, Н. А. Новосельскій принялъ замощеніе улицъ, и для этого былъ выбранъ самый низкій уровень, а многіе дома оказались съ недостаточнымъ фундаментомъ, то разрытыя, глинистыя ущелья, нѣкоторыхъ улицъ давали обильную пищу городскому остро словію. Своего рода бѣдствіемъ было отсутствіе достаточной воды; бывало даже и въ жаркія весны отъ бездождья истощались цистерны, и мнѣ самому, однажды, вечеромъ подъ праздникъ Христова Воскресенья, пришлось съ ведромъ искать воды для самовара, и купить за полтинникъ половину ведра изъ архіерейскаго дома. Все же жилось въ Одессѣ привольно; была городская жизнь, были и кружки интересные своимъ разнообразіемъ, и проведя въ ней 19 лѣтъ на службѣ, — не могу помянуть ее ничѣмъ тягостнымъ, какъ съ другой стороны, не могу и доселѣ придавать ей въ Россіи какого-либо руководящаго значенія. Основная бѣда Одессы въ томъ, что все ея сборное, пришлое населеніе, что называется, смотритъ вонъ изъ нея, въ сторону бывлой родины: грекъ — своей, итальянецъ — въ сторону Неаполя (чаще всего), французъ и подавно Франціи, а москвичи, какъ я, въ сторону Москвы. Проживая въ Одессѣ съ сентября по апрѣль, я съ самаго начала сталъ уѣзжать на лѣто въ Москву для житья тамъ на дачѣ; разѣзжались также и всѣ другіе профессора — кто куда, такъ какъ дачъ подъ Одессой въ тѣ времена было очень мало, и больше собственныя и для себя, а богатые люди ѣздили на лѣто въ Крымъ. Лично для меня Одесса всегда была хорошей гостинницей, или постояннымъ дворомъ, и также продолжаю глядѣть и понынѣ. Между тѣмъ, весьма возможно, что въ самомъ близкомъ будущемъ Одесса можетъ развиваться въ Марсель или даже болѣе того. Но, это по прежнему, будетъ зависѣть отъ

того, что будетъ представлять собою сама южная Россія, а ея удѣльный вѣсъ, несмотря на всѣ богатства обширнаго и плодороднаго района, былъ и останется очень великъ. Въ то время, когда я жилъ въ Одессѣ, она была хлѣбнымъ складомъ, и хотя, на примѣръ, итальянскіе скупщики издавна, по преданію, для выдѣлки макаронъ предпочитали таганрогскую муку, однако, жили и покупали ее въ Одессѣ. Съ того времени, какъ извѣстно, Таганрогъ, Ростовъ отпускаютъ нынѣ хлѣбъ на мѣстѣ, и громадное количество хлѣбныхъ магазиновъ Одессы передѣланы нынѣ на жилые дома. Рядъ капитальныхъ фирмъ выбрался изъ Одессы, она осталась при своемъ, сравнительно маломъ районѣ, и тѣмъ не менѣе, если совершится, наконецъ изгнаніе Турокъ изъ Европы, то вмѣстѣ съ колоссальнымъ ростомъ европейскаго Константинополя начнетъ быстро идти въ гору значеніе Одессы. Стало быть, теперь, когда я пишу — это вопросъ, можно сказать, нѣсколькихъ дней, но, увы, въ самой Одессѣ не найти и одного человѣка, который бы къ этому дѣлу относился съ какимъ-либо вниманіемъ. И, дѣйствительно, въ самой Одессѣ явно нѣтъ и не будетъ того класса людей, который бы взялся за приведеніе ея къ крупной роли — посредника между Восточной Европой и Передней Азіей.

Характеръ постоялаго двора сказывался столь же сильно и замѣтно на университетѣ. Когда я началъ тамъ преподаваніе, въ немъ еще ощущалась иностранная закваска прежняго Ришельевского Лицея; въ частности было, какъ я говорилъ, много нѣмцевъ, подѣлавшихся профессорами изъ прежнихъ преподавателей. Но прошло лишь нѣсколько лѣтъ, какъ нѣмцы перебрались въ Германію, осталось лишь очень немного поляковъ, и университетъ сталъ заполняться пришлымъ съ Сѣвера профессорскимъ персоналомъ. Въ большинствѣ это были все москвичи, или петербуржцы, гораздо рѣже изъ Харькова или Казани. Всѣ они пріѣзжали въ Одессу зачастую холостыми, но рѣдко находили въ ней знакомства внѣ профессорскаго кружка, а потому и женились обыкновенно у себя на родинѣ, или въ мѣстахъ своего научнаго образованія. Затѣмъ, семья заводила себѣ обязательно факультетскія знакомства, и за рѣдчайшими исключеніями никакого иного общества, кромѣ своего круга, не знала; такъ на примѣръ, мы съ женою за все время жизни въ Одессѣ только въ одной семьѣ профессора русской исторіи — Смирнова видали, порою, иныхъ одесситовъ, особенно грековъ, такъ какъ онъ былъ женатъ на гречанкѣ. Правду сказать, однако, то мѣстное общество, которое приходилось видать, было до такой степени мало культурно, порою дико (большинство грековъ происходило съ Хіоса), что мало было охоты заводить съ ними близкое знакомство. Такимъ образомъ, самъ университетъ долгое время былъ предоставленъ самому себѣ, и городъ его какъ бы не замѣчалъ, настолько, что даже въ мѣстныхъ газетахъ профессора стали участвовать сколько я помню, лишь въ 90-хъ годахъ. Сравнительно слабый интересъ возбудило открытіе Высшихъ Женскихъ Курсовъ по естествознанію, несмотря на громкую моду въ столицахъ, и столь же громкія имена Сѣченова, Мечникова и др. Такое отчужденіе университета отъ города имѣетъ свои хорошія стороны, задерживая молодого преподавателя въ тѣсномъ кругу, гдѣ онъ, конечно, находитъ болѣе интеллигентную среду, и воздерживая его отъ нахватыванія уроковъ въ средне — учебныхъ заве-

деніяхъ, и особенно держа его вдали отъ гнусной среды русскихъ общественныхъ дѣятелей провинціи. Не зная, придется ли мнѣ закончить свои воспоминанія современнымъ моментомъ Россіи, спѣшу сказать, что большаго умственного разврата и нравственного разложенія, какое уже получилось за время, прожитое со дня такъ называемой русской революціи, отъ общенія университетовъ съ прессою и политическими кружками провинціальныхъ городовъ, даже придумать нельзя бы было, не то что предугадать, но объ этомъ послѣ. Конечно, въ этомъ монастырскомъ заключеніи была и своя дурная сторона. Въ то время какъ сами профессора всецѣло поглощались внутреннею политикою университета, ихъ семьи, а особенно жены, осуждены были, правду сказать, на сиротскую, тоскливую жизнь. Сиротскую потому, что большинство ихъ пріѣзжало изъ столицъ, бросая родныхъ и знакомства, а тоскливую потому, что эта внутренняя политика принуждала ихъ сводить знакомства по принужденію, помимо личныхъ симпатій и антипатій. Убогое домашнее хозяйство, ведомое на скудныя средства, мало занимало профессорскихъ дамъ, а всякія развлеченія въ Одессѣ всегда страдали отъ дороговизны, которою мѣстные буржуа стремились оградить себя отъ наплыва не-аристократовъ. На мой взглядъ, и самое дѣло преподаванія въ Новороссійскомъ университетѣ по большинству его каѳедръ имѣло жалкую участь. Такъ, лично я самъ до послѣднихъ лѣтъ своего пребыванія въ Одессѣ никакими усиліями не могъ снискать къ себѣ вниманія своихъ слушателей. Правда, студенты ходили аккуратно на мои лекціи, при встрѣчѣ впослѣдствіи увѣряли, что слушали съ интересомъ. но въ теченіе первыхъ 15-ти лѣтъ у меня не появилось ни одного ученика. Я усердно готовился, еще болѣе усердно читалъ, и всѣ мои чтенія куда-то проваливались въ пустоту. Правда, и предметъ мой былъ не ко времени: слушать классическую археологію, или даже курсъ по эпохѣ Возрожденія, не было ни у кого охоты. Бывало на первыхъ лекціяхъ подходилъ какой-нибудь мрачный студентъ, говоря: „позвольте мнѣ египетскую культуру“, а потомъ и этого не доводилось слышать. Когда началась Сербская война, депутація отъ студентовъ, заранѣе настигнувъ меня мимоходомъ въ корридорѣ, обратилась съ просьбою — не экзаменовать ихъ въ этомъ году, а на мой запросъ: „почему“?, объяснили, что они будутъ заняты по текущему моменту политической исторіей славянъ и Турокъ. Я отвѣчалъ имъ, что къ сожалѣнію, факультетъ меня обязываетъ экзаменовать, и отослалъ ихъ къ нему. Долголѣтняя привычка читать по своей наукѣ въ пустой аудиторіи, гдѣ среди 20—30 слушателей не ожидаешь ни одного, который бы слушалъ, настолько возстановила меня противъ всякаго чтенія лекцій, что я совершенно не въ состояніи прочесть какую-либо публичную лекцію. Я вхожу на каѳедру въ такомъ состояніи, которое, надо думать, выдаетъ заранѣе мою полную неувѣренность въ успѣхѣ, и искреннее отвращеніе къ той задачѣ, которая въ самомъ принципѣ мнѣ кажется нелѣпой. Только въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ я преподавалъ всего 4 года, и будучи уже больнымъ, я чувствовалъ себя на лекціяхъ немного лучше, такъ какъ съ самаго начала чтеній уже зналъ, что между слушателями есть 2—3 занимающихся по моему предмету. Правду сказать, я очень рано примирился съ этимъ безразличіемъ своихъ слушателей въ Одессѣ,

отчасти потому, что видѣлъ ихъ убогую подготовку (большинство изъ нихъ были семинаристы), ограниченность ихъ задачъ, сосредоточенныхъ на усвоеніи краткихъ учебниковъ по главнымъ предметамъ, преподавателями которыхъ они обрекали себя заранѣе сдѣлаться. Дѣло въ томъ, что за то же время моего пребыванія въ университетѣ, по нашему факультету не было оставлено для приготовленія къ профессорскому званію ни одного человѣка, а затѣмъ, первые два были оставлены мною, и третій по всеобщей исторіи. Между тѣмъ, даже на нашемъ факультетѣ были профессора, у которыхъ можно было послушать и было чему поучиться, таковъ, напримѣръ, былъ извѣстный въ лѣтописяхъ нашего славяновѣдѣнія Викторъ Ивановичъ Григоровичъ, и профессоръ всеобщей исторіи Филиппъ Карловичъ Брунъ. Правда, у перваго уже былъ ученикъ, когда я пріѣхалъ — А. А. Кочубинскій, но у второго такъ и не явилось ни одного занимающагося. Правда, что и занимался онъ въ мое время исторіей и географіей южной и юго-восточной Россіи въ періодъ переселенія народовъ, и подобныя хаотическія эпохи; не однихъ только студентовъ могло спугнуть названіе „утургуровъ“ и „кутургуровъ“, о которыхъ особенно любилъ говорить Филиппъ Карловичъ въ профессорской лекторіи, когда, явно, неудовлетворенный аудиторією, онъ искалъ добровольныхъ слушателей. Такимъ же добродушіемъ и столь же живымъ пристрастіемъ къ славянамъ отличался Григоровичъ, бывший воспитанникъ іезуитскаго коллегіума, и сохранившій отъ него подобіе пожилого каноника въ бѣдномъ приходѣ, и неуклюжую любезность лицемѣрнаго характера. Какъ старый холостякъ, боявшійся не только общества, но и всякаго незнакомаго человѣка, Григоровичъ, однако, не былъ нелюдимомъ, напротивъ того, онъ любилъ разговаривать съ каждымъ извозчикомъ, съ базарными торговками, и ходившими къ нему со всякимъ книжнымъ хламомъ антикварами. Всѣми фибрами своего существа онъ только и стремился къ единственной для него драгоцѣнности — старымъ рукописямъ, заваливая свою квартиру, и безъ того неопрятную, ветошными, источенными книгами. За то съ какимъ экстазомъ онъ, бывало, поднималъ у себя надъ головою древнѣйшій пергаменный Паремейникъ; онъ часто разказывалъ о своихъ находкахъ на Балканскомъ полуостровѣ. Пользуюсь случаемъ, чтобы разказать, какъ ѣздили мы съ нимъ въ Петербургъ на III Археологическій Съѣздъ, устроенный въ 1873 году, по случаю юбилея Русскаго Археологическаго Общества. Уже и дорогою забавлялъ онъ компанію кіевскихъ профессоровъ своими старомодными разказами, оказавшись необыкновенно словоохотливымъ. По своему, уже тогдашнему, обычаю, я угощалъ его въ вагонѣ собственнымъ горячимъ чаемъ съ вареньемъ, а онъ ораторствовалъ передъ нами, держа стаканъ въ поддонѣ и поднимая его надъ головою въ эффектныхъ мѣстахъ. Спросивъ у него стаканъ, чтобы налить еще, я увидѣлъ, что онъ отъ кипятка лопнулъ, и только по моему опросу Викторъ Ивановичъ догадался, что чай вылился весь въ его собственный рукавъ, вмѣстѣ съ вареньемъ. Отъ второго стакана онъ уже отказался. Порядочно изучивъ товарища дорогою, я, по пріѣздѣ въ Петербургъ, заранѣе отказался идти съ нимъ въ качествѣ депутата отъ Новороссійскаго университета на юбилейномъ засѣданіи Археологическаго Общества, предоставивъ ему одному подать и прочитать написанный адресъ. Первыми шли депутаты старѣй-

шихъ университетовъ, народъ бывалый — знали какъ себя надо держать, подходили тихо и почтительно, такъ какъ предсѣдателемъ собранія былъ в. к. Константинъ Николаевичъ, а по сторонамъ его сидѣли все именитые и чиновные академики и почетные гости. И вотъ, вдругъ, Григоровичъ отдѣлившись отъ другихъ тремя трагическими шагами, при каждомъ шагѣ подводя къ себѣ ногу въ положеніе налетающаго орла, или коня, примкнувшаго свой задъ къ переду, чтобы прыгнуть, вдругъ всталъ и замеръ передъ Константиномъ. Все замерло въ залѣ, всѣ ждали, что будетъ дальше; изъ груди Григоровича вырвался крикъ, раздался кличъ на всю русскую землю, на ея супостатовъ. Но, увы, въ старческой груди уже не нашлось ноть для боевого клича, и это былъ пѣтушинъ вопль, который услышала смятенная палата. Григоровичъ читалъ напыщенный адресъ Императорскому... Русскому... Археологическому (все громче и громче)... Обществу (въ голосѣ захлебнувшаяся волна). Залъ слушаетъ, недоумѣваетъ, а, между тѣмъ, пѣтушныя вопли смѣняются грознымъ гуломъ заходившей Украины, и побѣдными кличами пробудившихся запорожцевъ. Залъ, наполненный великими княгинями, княжнами и ихъ семьями, высшей бюрократіей и многочисленными съѣхавшимися депутатами, недоумѣвалъ двѣ — три минуты. Послѣ двухъ — трехъ фразъ комизмъ старческихъ усилій воскресить былыхъ и громогласныхъ ораторовъ заразилъ публику. Черезъ минуту вся зала смѣялась, сначала отрывисто, а потомъ общимъ гуломъ раскатистаго хохота. Среди рядовъ пробѣжалъ юный князь Владиміръ, хохоча во все горло, за нимъ бѣжали компаніоны, каждый допрашивалъ другого — не знаетъ-ли онъ распотѣшившаго скучный юбилей оригинала. Чиновный Петербургъ за вечернимъ чаемъ получилъ новый предметъ для разговора. Самъ Григоровичъ созналъ, что пересолилъ и, обращаясь ко мнѣ сказалъ: „я старой декламаторской школы, кажется, не попалъ въ общій тонъ“.

Очень занималъ меня своими бесѣдами милый Брунъ, наивно убѣжденный въ томъ, что всѣ раздѣляютъ его интересъ къ великой смутѣ эпохи переселенія народовъ и особенно народовъ Скиѳи европейской и азіатской. Не забыть мнѣ того, какъ бывало, остановившись на углу улицы, посреди тротуара, Брунъ горячими доводами покрывалъ робкія сомнѣнія Григоровича, и въ своей крылаткѣ казался побѣдоноснымъ гарибальдійцемъ. Разъ, на съѣздѣ Брунъ читалъ свой трактатъ по исторической этнографіи. Слушая его, уже съ полъ часа, и ничего не понимая въ ту пору, я обратился къ сосѣду — историку Иловайскому, который только что на моихъ глазахъ, заявилъ о своемъ согласіи съ Бруномъ по вопросамъ начальной Руси, со своимъ недоумѣніемъ: „скажите, пожалуйста, о чемъ идетъ рѣчь“. „Подождите, сейчасъ будетъ видно.“ Утургуры и кутургуры скакали одни за другими, кто-то входилъ и покидалъ Таматарху, и все-таки ничего нельзя было понять. Въ 1873 году я поѣхалъ съ Бруномъ въ круговую поѣздку по берегамъ Чернаго моря, и набесѣдовался и наслушался у добродушнаго историка Черноморья столько, что много лѣтъ потомъ меня терзала мысль о томъ, неужели нельзя въ этомъ сумбурѣ народныхъ именъ и географическихъ терминовъ найти тропы, какъ въ темномъ лѣсу, и положить какое-либо основаніе научному изслѣдованію.

Не лишень былъ добродушія и нѣкоторой любви къ наукѣ латинистъ Юрге-

вичъ, къ сожалѣнію, отравившій себѣ свое существованіе затѣей — создать изъ своей дочери оперную знаменитость. Пѣвцы Одессы и Милана истощали всѣ ресурсы его скромнаго кошелька, но она лишилась голоса, зачахла и обездолила всю семью.

Столь же обездоленнымъ жилъ и молодой классикъ — Воеводскій, способный ученикъ Люгебиля, но рано пріобрѣвшій извѣстность открытіемъ каннибализма въ поэзіи древнихъ Грековъ. Воеводскій перешелъ затѣмъ къ другому открытію солярной и лунной теоріи въ основѣ всей міѳологіи и поэзіи всѣхъ народовъ; съ той поры онъ, всю остальную жизнь, посвятилъ собиранію матеріаловъ, для доказательства вездѣсущности своей теоріи и даже отрицалъ всякое творчество въ поэзіи и языкѣ. Ничего путнаго онъ такъ и не написалъ. Очевидно, его талантъ держался только подъ условіемъ работы среди просвѣщеннаго и сочувствующаго кружка, а этого онъ найти въ Одессѣ не могъ.

Я перебралъ всѣхъ профессоровъ своего факультета, интересовавшихся и продолжавшихъ интересоваться наукою, могу, однако, добромъ помянуть нѣсколько другихъ, напримѣръ, двухъ декановъ факультета — Смирнова — русскаго историка, добраго, но капризнаго и угодливаго начальству человѣка, и И. С. Некрасова, профессора русской словесности, также добраго, также угодливаго, но москвича, тогда какъ Смирновъ походилъ, и кажется, былъ петербуржцемъ. Любопытно, что это ихъ мѣстное различіе выработало на южной почвѣ оригинальную типичность; оба были карьеристы, одно время ректорами, проникли въ самую гущу университетской политики, и связанныхъ съ нею интригъ, но Смирновъ оставался среди нихъ болѣе тактичнымъ и приличнымъ, имѣлъ знакомства на сторонѣ, смотрѣлъ свысока на товарищей, имъ импонировалъ. Некрасовъ былъ изъ семинаристовъ, сынъ московскаго священника, сталъ представителемъ тогдашней интеллигенціи, бѣгалъ въ Москвѣ по урокамъ, даже въ жаркую пору съ цилиндромъ на головѣ (засаленнымъ), и въ перчаткахъ, имѣя съ собою неизмѣнный портфель, который чаще всего бывалъ пустымъ, — стало-быть, для важности. Былъ добродушный бурсакъ, ссорился и мирился легко и безъ послѣдствій, имѣлъ притязанія на великосвѣтское обращеніе такъ какъ преподавалъ нѣкогда дѣтямъ герцога Лейхтенбергскаго, но свои манеры и выраженія строилъ по образцамъ герцогской прихожей, и купеческихъ сынковъ ловеласовъ. Въ университетскомъ мірѣ онъ славился тѣмъ, что, будто-бы, потерялъ въ багажѣ рукопись готовой диссертациі. Любопытно, однако, что мнѣ лично никто въ Москвѣ не могъ сказать, на какую тему она была; дѣло въ томъ, что слѣдующая, написанная имъ диссертациа была пропущена легко, — такъ какъ трактовала впервые болѣе подробно о Домостроѣ, — но съ жестокой критикой, въ виду того, что была написана поспѣшно и небрежно. Какова была его великосвѣтскость, можно судить по тому, что онъ, однажды, за обѣдомъ простеръ свою услужливость до того, что, угощая изъ сифона сельтерской водой, окатилъ полъ и даму, такъ какъ видите-ли онъ видалъ въ хорошихъ трактирахъ, что половые иначе не наливаютъ изъ сифона, какъ предварительно сбрызнувши изъ него въ сторону. Онъ и руку вамъ трясъ по-военному, стараясь ее оторвать.

Я бы могъ рассказать много анекдотовъ о дурашливости профессора сла-

вянскихъ нарѣчій А. А. Кочубинскаго, тоже добродушнаго человѣка, но разыгравшаго собой генеральскій типъ, но это уже сдѣлано, и хорошо, въ брошюрѣ И. А. Линниченко.

Вообще за все время своей одесской профессуры я бывалъ крайне рѣдко у членовъ своего факультета и мнѣ стало даже, года черезъ три, неудобно ихъ посѣщать, такъ какъ, одно время, деканъ Некрасовъ созывалъ даже частное совѣщаніе по вопросу о томъ, какими бы мѣрами можно было укротить расходившихся доцентовъ, въ томъ числѣ и меня. Гнѣвъ нѣкотораго числа профессоровъ моего факультета на меня возникъ въ силу моего участія въ дѣлѣ защиты диссертациі А. И. Смирнова „О русскихъ былинахъ“. Я принялъ въ этомъ дѣлѣ участіе по обычаю, непосвященный вовсе въ закулисныя стороны дѣла, и по наивности выступилъ съ суровой критикой книжки, видимо, написанной наскоро, и безъ всякой подготовки по русской народной поэзіи. Между тѣмъ, членами факультета было уже уговорено пригласить Смирнова доцентомъ, и кто-то съ кѣмъ-то долженъ былъ послѣ какъ-то породниться, стать кумомъ, или что-то подобное. Два официальныхъ оппонента высказались благопріятно. Я выступилъ послѣ нихъ, съ багажемъ довольно уже облегченнымъ, такъ какъ онъ былъ цѣликомъ вывезенъ изъ Москвы, правда, изъ чтенія всѣхъ былинныхъ сборниковъ, тогда появившихся, равно изъ лекцій Буслаева и т. п. Я позволилъ себѣ найти, что книга не отвѣчаетъ вовсе требованіямъ, установившагося уже критическаго уровня, задается совершенно легкомысленнымъ споромъ съ положеніями и взглядами Бѣлинскаго и его времени. Вполнѣ чужда обще-европейской теоріи и исторіи народной словесности, и, какъ я доказалъ цитатами, черпаетъ свои оригиналы изъ хрестоматій Галахова и другихъ, гдѣ былины изданы, не зная сборниковъ, оригинальныхъ текстовъ и ихъ вариантовъ. Волнуясь, я говорилъ рѣзко, и, повидимому, снискалъ такое расположеніе въ публикѣ, состоявшей въ большемъ числѣ изъ студентовъ, что она, слышавъ слова критики и неодобренія, повставала со своихъ мѣстъ, и сгрудилась толпой около засѣдавшаго факультета. Послѣ моей оппозиціи начался шумный говоръ, среди котораго, начавшій свои возраженія профессоръ Трачевскій, едва смогъ помѣстить кратко и свой неодобрительный отзывъ, съ заключеніемъ, что онъ присоединяется къ моему мнѣнію. А когда факультетъ, затѣмъ, окончательно растерявшійся, вмѣсто того, чтобы удалиться въ особую залу для совѣщанія, произнесъ всетаки одобрительный вердиктъ диссертациі и степень магистра, то начался форменный скандалъ, топотъ, крики, вопли, ругань и погоня за нѣкоторыми членами факультета по лѣстницѣ, и всѣ обычные эксцессы подобной университетской исторіи, которая, однако, не имѣла вовсе обычныхъ же дурныхъ послѣдствій; члены факультета увидали сами, что перешли границы. Смирновъ уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ сталъ даже весьма полезнымъ профессоромъ и издателемъ „Филологическаго Вѣстника“, и лѣтъ черезъ 25 даже посѣтилъ меня въ Петербургѣ, съ заявленіемъ, что я былъ совершенно правъ въ своемъ отзывѣ, и, что онъ не имѣетъ на меня никакой претензіи. Былъ, онъ, видимо, тоже человѣкъ добродушный; помирились со мною послѣ и члены факультета, и я проходилъ обычный стажъ профессуры безъ всякихъ непріятностей.

Тѣмъ не менѣе, всѣ мои личныя симпатіи и привязанности были сосредоточены на физико-математическомъ факультетѣ, гдѣ несмотря на крайнюю разницу въ нашихъ научныхъ интересахъ, профессоръ математической физики Н. А. Умовъ былъ моимъ пріятелемъ, а профессора Сѣченовъ, Мечниковъ, Головкинскій и А. О. Ковалевскій, или также пріятелями, или настоящими товарищами и близкими знакомыми по семьямъ, а такъ какъ всѣ они были болѣе или менѣе замѣчательными учеными, и отчасти замѣчательными людьми, скажу объ нихъ, что знаю. Самый характерный изъ нихъ былъ Иванъ Михайловичъ Сѣченовъ, родомъ изъ дворянъ и помѣщиковъ Симбирской губерніи, но рано ставшій безземельнымъ, послужившій въ саперахъ, посвятившій себя медицинѣ, ставшій профессоромъ Медико-Хирургической Академіи, вышедшій оттуда въ результатѣ исторіи съ профессоромъ Ціономъ — невѣждою и проходимцемъ, попавшимъ въ Академію благодаря благосклонному начальству. Сѣченовъ вышелъ изъ Академіи въ знакъ протеста, и былъ избранъ въ Одессу благодаря стараніямъ вышеназванныхъ членовъ факультета, и тому, конечно, что онъ былъ уже тогда своего рода знаменитостью, какъ авторъ „Рефлексовъ головного мозга“. Эта ученая работа Сѣченова, связанная съ основною темою матеріализма, доставила ему громкую извѣстность во всемъ русскомъ образованномъ обществѣ, хотя надо отдать ему эту справедливость, онъ былъ настолько уменъ, что мало цѣнилъ свою популярность и искренно желалъ настоящими научными работами сдѣлать что-либо крупное для самой науки, и все свое время посвящалъ работамъ въ лабораторіи, какъ въ бытность свою въ Одессѣ, такъ и перейдя затѣмъ въ Московскій университетъ приватъ-доцентомъ. Что вышло изъ этихъ работъ это, конечно, знаютъ хорошо специалисты и поэтому я не буду вовсе этого касаться, замѣчу только, что я, заходя къ нему въ лабораторію, видѣлъ большіе препараты по вопросамъ питанія, желудочнаго сока а также специально большой аппаратъ по дыханію. Это былъ замѣчательно умный человекъ, невысокаго роста, крѣпышъ, съ широкой четырехугольной головой, слегка калмыцкаго или скорѣе черемисскаго типа, узко-глазый, рябой, или совершенно обритый, или съ крохотной бородкой, черноволосый, съ грубыми и крупными волосами, подернутыми легкою сѣдиною. Будучи по природѣ прямого характера, онъ развилъ въ себѣ особую рѣзкость и жесткость рѣчи, обращенія и манеръ. Жилъ всегда, какъ студентъ, въ небольшой комнатѣ, даже и тогда, когда къ нему пріѣзжала его гражданская жена, тоже извѣстная московская женщина-врачъ Марія Александровна Бокова. Извѣстно, что связь Сѣченова съ Боковой послужила основною темою пресловутаго романа Чернышевскаго „Что дѣлать“. Первое время Марія Александровна пріѣзжала къ Ивану Михайловичу Сѣченову не болѣе какъ на 1—2 мѣсяца на побывку, и онъ все время ждалъ ее и тосковалъ по ней, а мы всѣ старались развлекать его, и зато вдостоль развлекались наблюденіемъ надъ этой четой, когда М. А. удаивалась появляться на нашемъ горизонтѣ. Понятно, что она сама и ея отношенія къ Ивану Михайловичу особенно интересовали дамъ, и, вѣроятно, моя покойная жена могла бы поразсказать вдесятеро больше, чѣмъ я. Но, имѣя привычку воздерживаться въ общемъ отъ дамскихъ сужденій о женщинахъ передамъ только свои собственныя наблюденія. Марія Александровна

Бокова была тоже умная женщина, но феноменально фальшивая, какъ дай Богъ быть какой-бы то ни было великой актрисѣ. Слащавость и утонченность ея разговоровъ могли бы восхитить самого Людовика XIV, причемъ она могла выдерживать разговоръ въ такомъ тонѣ съ кѣмъ угодно и получая въ какомъ угодно тонѣ реплики. Я никогда не забывалъ ея рассказовъ о двухъ молодыхъ людяхъ, сочетавшихся бракомъ, и, по ея описаніямъ, бывшихъ воплощенными совершенствами ума, красоты, нѣжной любви и благородства. Увы, въ послѣдствіи я очень близко съ ними познакомился...¹ И такъ понятно, каждое появленіе Маріи Александровны въ обществѣ мнѣ напоминало въ послѣдствіи мои посѣщенія въ театрѣ Французской Комедіи: столько же тонкости и фальши, сколько прямой грубости и рѣзкой откровенности получалось отъ обоихъ, и можно себѣ представить съ какимъ нѣжнымъ сожалѣніемъ и постояннымъ подшучиваніемъ относилась Бокова въ обществѣ къ своему сожителю. У Ивана Михайловича былъ цѣлый рядъ привычекъ, пристрастій, оригинальныхъ вкусовъ и странностей. Онъ любилъ играть въ ералашъ, но всегда безъ денегъ и ругательски поносилъ своихъ партнеровъ, особенно дамъ, которыхъ, конечно, портили почти каждую его тонкую игру; бывало, онъ съ бѣшенствомъ твердилъ растерявшейся партнершѣ, что ее дѣйствительно, надо повѣсить за ея игру. Вдоволь наигравшись, въ 9—10 часовъ вечера онъ уходилъ въ трактиръ, гдѣ ему пріятель официантъ обѣщалъ поставить рагу, или какой-нибудь хитрый соусъ, недоступный нѣжнымъ желудкамъ. Всѣ его кулинарныя пристрастія обращались въ сторону ресторановъ Италіи, и, о ужасъ, даже Парижа, и относились ко временамъ Пирогова, съ которымъ вмѣстѣ онъ учился гастрономіи. Когда, бывало, у насъ за обѣдомъ хозяйка съ торжествомъ сама приносила на десертъ свое лучшее пирожное или даже тортъ изъ кондитерской, онъ неизмѣнно моталъ головою, получая свою порцію, отставлялъ ее въ сторону, говоря „нѣтъ, я ужъ лучше огурца-съ“, и подставлялъ къ себѣ блюдо съ оставшимися огурцами отъ жаркого. Послѣ параднаго ужина у проф. Шведова онъ, еще въ передней, звалъ съ собою, бывало, въ трактиръ, говоря „пойдемъ, поужинаемъ, какъ слѣдуетъ, а то тутъ только посуду подаютъ“.

Сѣченовъ называлъ Мечникова, пока жилъ въ Одессѣ, своею мамашею и, дѣйствительно, начиная съ хлопотъ по выбору Сѣченова въ профессора и кончая его водвореніемъ на жительство въ Одессѣ, вся жизнь Сѣченова была предметомъ непрестанной заботы „мамашы“, хотя самъ Иванъ Михайловичъ, какъ человѣкъ, болѣе чѣмъ самостоятельный, и къ тому же своенравный, вовсе не подавалъ къ тому повода и, напротивъ того, надъ его заботами постоянно потѣшался. Но ужъ такова была натура Ильи Ильича. Страстность и забвеніе всего остального, кромѣ того, что его занимало, было основною чертою не только его темперамента, но и его ума. Раздражительность, крайняя нетерпѣливость, преувеличенные страхи руководили Мечниковымъ не менѣе, чѣмъ его тонкій разумъ и, когда я читаю Тэна о его вылазкахъ противъ раціональнаго основанія человѣческой жизни, государственнаго устройства, мнѣ приходится постоянно на умъ примѣръ дорогого и глубоочитаема мною по памяти Ильи

¹) Прим. ред. Опускаются нѣсколько строкъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о лицахъ, нынѣ здравствующихъ.

Ильича. Недаромъ самыя умныя изъ нашихъ дамъ, и притомъ въ пору наибольшей близости ихъ самихъ и ихъ мужей къ Мечникову, боялись его, какъ огня. И это не изъ-за одного злого язычка его. Онъ хорошо помимали, что пришедшій къ нимъ и столь ласковый и такъ расположенный къ нимъ Илья Ильичъ могъ въ теченіе вечера вспылать къ нимъ глубокою ненавистью. Подозрительность его тоже не знала границъ и онъ, однажды, даже меня заподозрилъ въ томъ, что я изъ-за какого-то кандидата своего, будто бы положилъ чужому бѣлый шаръ; только непреложное свидѣтельство другихъ, и все мое телячье, по своей невинности, отношеніе къ университетской политикѣ, спасло меня отъ ссоры съ нимъ. Столь же страннымъ было одно время, въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ, обращеніе его со мною, такъ и оставшееся мнѣ непонятнымъ, хотя дружескія отношенія наши не прерывались до конца. Интересъ нашего знакомства съ нимъ сосредотачивался, однако, вовсе не на университетской политикѣ, хотя, благодаря своимъ связямъ съ либеральной партіей я находился въ теченіе 14-ти лѣтъ неизмѣнно въ ея рядахъ. Но, несмотря на весь свой умъ Мечниковъ не пользовался и въ ней никакимъ авторитетомъ, и, наоборотъ, долженъ былъ, въ одинаковыхъ условіяхъ со мной, исполнять велѣнія этой партіи, или, точнѣе, ея вождей. Когда ему, наконецъ, удалось освободиться отъ университетской политики и перенести свою активную дѣятельность въ широкіе круги Новороссійскаго земства, онъ съ горечью поминалъ о своемъ рабствѣ въ университетскомъ совѣтѣ. Первое крупное дѣло, требовавшее его участія въ земскихъ дѣлахъ, было придуманное имъ опрыскиваніе хлѣбовъ настойками эпидемическихъ микробовъ для истребленія всемогущаго жучка „кузьки“. Но одно лабораторное приготовленіе этихъ культуръ такъ заняло Мечникова, что можно было думать о полномъ поглощеніи его интересовъ хозяйственными дѣлами. Благодаря Бога, этого не случилось: „кузька“ самъ пропалъ, пораженный эпидеміей, но имъ самимъ разведенной, и пропалъ пока безслѣдно вотъ уже 40 лѣтъ. По счастью Мечниковъ перешелъ къ болѣзнетворнымъ микробамъ человѣческаго организма и еще въ бытность свою въ Одессѣ, открылъ знаменитую фагоцитозную теорію. По счастью не только для него самого, но и для науки и всего человѣчества, это открытіе совпало съ его выходомъ изъ Новороссійскаго университета, о чемъ я скажу послѣ, и близкимъ знакомствомъ съ Пастеромъ, въ результатѣ чего онъ перѣхалъ въ Парижъ и началъ новую, гораздо болѣе обширную и плодотворную дѣятельность въ институтѣ Пастера. Итакъ, мое личное сближеніе съ Ильею Ильичемъ основывалось главнымъ образомъ не на университетской политикѣ, которая, какъ и всякая кружковая политика, изобилуетъ болѣе неправдою, и даже всякаго рода гнусностями, а людей скорѣе разъединяетъ и ссоритъ, чѣмъ сближаетъ и связываетъ, а на общей нашей любви къ литературѣ и его желаніи серьезно разбираться въ своихъ литературныхъ вкусахъ. Что касается вкусовъ художественныхъ, то онъ, однажды, навсегда, заподозривъ мои художественные вкусы, изъ-за моего занятія византійскимъ искусствомъ, долгое время ко мнѣ не обращался ни съ чѣмъ въ этой области. Изрѣдка, приходя ко мнѣ въ гости, онъ меня спрашивалъ „ну, какъ поживаютъ ваши уроды“, а также подшучивалъ надъ моими археологическими поѣздками. Только по-

бывавъ, однажды, въ Палермо и, будучи пораженъ красотою Палатинской капеллы, онъ вдругъ напалъ на меня, почему я никогда раньше не говорилъ ему о такой прелести. Что касается литературы, Мечниковъ ограничивался почти исключительно современной русской, и еще Шекспиромъ, а затѣмъ ни англійскіе, ни французскіе романисты его не увлекали. Еще менѣе задумывался онъ о слабости своего историческаго образованія и, вообще говоря, обнаружилъ желаніе знакомиться съ науками соціологическими и особенно съ политической экономіей. Безъ нѣкотораго чувства сожалѣнія я не могу не вспомнить, что этотъ первоклассный умъ придавалъ серьезное значеніе лекціямъ нашего профессора политической экономіи А. С. Посникова, и одинъ годъ прослушалъ весь его курсъ, правда не болѣе 20-ти лекцій, надъ чѣмъ впоследствии подсмѣивался самъ первый. Въ Одессѣ Мечниковъ пользовался репутаціей дерзкаго и тяжелаго характера и обычно указывали на то, что, однажды, въ совѣтѣ, когда ему надо было возражать, а кругомъ всѣ говорили, какъ то обычно въ совѣтахъ, онъ не задумался вскочить на столъ. На самомъ дѣлѣ онъ болѣе другихъ нервился и раздражался отъ всякаго спора, а тѣмъ болѣе отъ ссоры. Въ отличіе отъ своихъ обоихъ братьевъ Льва и Николая, которыхъ я обоихъ немного зналъ, одного въ Одессѣ, другого въ Швейцаріи, онъ вовсе не былъ бреттеромъ и имѣлъ отвращеніе къ политикѣ. Былъ въ своемъ родѣ скопидомомъ, бережливымъ и разсудительнымъ, любилъ и понималъ музыку, былъ домосѣдомъ и, въ качествѣ болѣзненнаго смолоду человѣка, мнительнымъ, и излишне опасливымъ. Переѣхавши на жительство въ Парижъ, специально заботился о покупкѣ для себя резиновыхъ галошъ холодныхъ и теплыхъ на зиму, съ каковыми намѣреніями иногда пріѣзжалъ въ Россію. Путешествуя по Астраханскимъ степямъ въ поискахъ нужныхъ ему насѣкомыхъ и личинокъ, возилъ съ собою въ телѣгѣ цѣлую коллекцію бутылокъ съ чайнымъ настоемъ, чтобы не пить никакой воды. Живя въ Парижѣ, каждый фруктъ, если съѣдалъ его сырымъ, то обливалъ предварительно кипяткомъ. Облагодѣтельствовавши Лефермана, бывшаго швейцаромъ въ институтѣ Пастера, подареннымъ ему безповоротно и навсегда патентомъ на эксплуатацію лактобациллина, Мечниковъ выговорилъ за то поставку ему требуемаго числа кружекъ съ его простоквашей и самъ, получая ихъ изъ лавки по числу лицъ, имѣющихъ у него обѣдать, привозилъ ихъ лично въ Севръ. Остроумный одесскій каррикатуристъ изобразилъ его затѣмъ лѣтомъ на прогулкѣ въ енотовой шубѣ и высокихъ ботикахъ, но въ то же время съ зеленымъ козырькомъ надъ глазами, для ихъ защиты отъ свѣта. Илья Ильичъ въ ту пору жаловался особенно на глаза, утомлявшіеся отъ микроскопа. Бездомовность утомляла всегда крайне занятаго Мечникова, и онъ былъ очень угрюмъ въ первые годы жизни своей въ Одессѣ, когда его больная жена жила на островѣ Мадерѣ, и онъ долженъ былъ къ ней ѣздить. Но она скоро скончалась, и жизнь казалась Мечникову еще болѣе безотрадной и, очевидно, недаромъ Сѣченовъ жаловался на крайнюю заботливость своей „мамаши“.

Черезъ годъ мы познакомились съ молодою женою Мечникова, урожденной Бѣлокопытовой, изъ богатой семьи правобережной приднѣпровской Украины. Отецъ молодой жены былъ, помнится, гусаръ въ отставкѣ, отличался добро-

душіемъ и гостепріимствомъ, какъ и его жена. Семья состояла изъ двухъ сыновей и двухъ дочерей-близнецовъ, которыхъ съ трудомъ различали даже и знакомые. Когда, бывало, съ полъ часа говоришь якобы съ женою Мечникова, Ольгою Николаевною, то вдругъ, по какому-нибудь своему вопросу слышишь „извините, вы ошибаетесь, я сестра Ольги Николаевны“. Обѣ барышни были очень хрупки, бѣлокуры, тихи, или даже робки, молчаливы и не-сообщительны, но отличались обѣ, если не сильнымъ характеромъ, то настойчивостью, и, пожалуй, упрямствомъ, говорю это потому, что сестра Мечниковой, выйдя замужъ за профессора Медико-Хирургической Академіи Н. А. Чистовича, несмотря на всѣ предостереженія докторовъ, грозившихъ ей смертью, въ случаѣ, если она родитъ ребенка, пожелала имѣть его, родила и скоро послѣ этого, дѣйствительно, умерла. Мечникова жила со своимъ мужемъ, можно сказать, всегда душа въ душу, хотя, конечно, много страдала отъ его неровнаго, порывистаго и раздражительнаго темперамента. Онъ самъ къ ней былъ страстно привязанъ все время, и разлучались они только на самое короткое время, и тѣмъ не менѣе, а можетъ быть, именно поэтому естественный въ людскихъ отношеніяхъ временный разладъ, или даже ссоры протекали у нихъ крайне остро. Однажды — дѣло было весною — уже около 2-хъ часовъ ночи, кто-то сильно постучалъ къ намъ въ парадную дверь, я отворилъ, то была Ольга Николаевна Мечникова, въ большомъ смятеніи, „пожалуйста, пойдите къ намъ, съ мужемъ дурно“, „но, лучше позвать доктора“, „нѣтъ, доктора не надо, пойдите Вы, онъ Васъ послушаетъ“. Покорившись иду, она идетъ рядомъ и молчитъ. У самага дома говоритъ „онъ, кажется, принялъ очень много опиума по ошибкѣ. Ему дурно. Но онъ не хочетъ принять мѣры, онъ знаетъ, что нужно“. Входимъ въ квартиру, Мечниковъ ходитъ по комнатѣ, встрѣчаетъ меня безъ всякаго возраженія, начинается разговоръ на тему о необходимости сварить кофе покрѣпче. Не помню кто, — но начали варить крѣпкій кофе, Илья Ильичъ выпилъ, много разъ потомъ смотрѣлъ въ зеркало на свои зрачки, затѣмъ успокоился; дѣло обошлось только головою болью; что было въ дѣйствительности, я не спрашивалъ и собственно не знаю.

Впослѣдствіи, Ольга Николаевна начинала даже работать по фізіологіи, но, затѣмъ, уже живя въ Парижѣ, ее оставила и перешла къ живописи, къ которой она имѣетъ положительную способность. Она жива и до сихъ поръ, а вышла замужъ за Мечникова почти 16 лѣтъ отъ роду. Сѣченовъ, вѣроятно, беспокоясь за удачность брака, при такой разницѣ въ лѣтахъ (Мечникову было тогда уже болѣе 35 лѣтъ), подшучивалъ надъ Ильею Ильичемъ, что ему лучше бы взять жену до поступленія ея въ школу. Сама мадамъ Мечникова въ первые годы считала своего мужа старикомъ, такъ какъ ему было больше 30 лѣтъ. На ихъ вечера собиралось много народу, но хозяйничалъ исключительно самъ Илья Ильичъ, который и велъ все хозяйство въ домѣ, самъ закупая, что получше, ибо былъ большой гастрономъ. Зная его довольно коротко, я могу положить руку на сердце, сказать, что всѣ отзывы нашихъ дамъ о его дурномъ характерѣ, или даже его злобности, и черствой душѣ, были совершенная и вопіющая несправедливость къ нему. Онъ былъ только крайне раздражителенъ, нервенъ, и всегда утомленъ работою, нетерпѣливъ до крайности, и лицепріятенъ или пристрастенъ и только.

Если угодно, пристрастность Мечникова была, по всей вѣроятности, придаткомъ расоваго характера, хотя, конечно, должна была свидѣтельствовать объ извѣстной душевной мелочности. Къ проявленіямъ той же самой черты я долженъ буду отнести, по справедливости, и многіе его политическіе взгляды; такъ напримѣръ, онъ былъ, что называется, „лѣвымъ“, совсѣмъ не по убѣжденію, такъ какъ всегда стоялъ за порядокъ и строительство, а не за хаосъ и распадъ, но ему были, видимо, нестерпимы всякія привиллегіи, претензіи, начальственные возгласы, какъ и всякія формы барства. Точнѣе всего, онъ былъ радикаломъ, но въ то же время большимъ патріотомъ, искренно страдалъ во время Японской войны, и уже, конечно, не былъ доволенъ ходомъ русской революціи. Любопытно и поучительно его мнѣніе о русскомъ человѣкѣ и русскомъ народѣ, и существенно то, что мнѣніе это онъ выражалъ, поселившись навсегда въ Парижѣ въ институтъ Пастера. Правда, мнѣніе это онъ высказывалъ при мнѣ съ особенною рѣзкостью, пріѣхавъ однажды изъ Москвы въ Одессу по дѣламъ. Разговоръ шелъ между тремя лицами — Мечниковымъ бывшимъ его товарищемъ по университету, А. О. Ковалевскимъ, и мною, и возникъ по случаю сдѣланнаго ему вопроса. Свою характеристику русскаго человѣка онъ началъ съ заявленія, что въ институтъ Пастера онъ принялъ за правило — не допускать, кромѣ себя, больше двухъ русскихъ спеціалистовъ для лабораторныхъ занятій, такъ какъ только при этомъ числѣ онъ увѣренъ въ томъ, что съумѣетъ не допустить съ ихъ стороны комплота или интриги. Если ихъ будетъ трое, они съумѣютъ удалить его самого и Ру, и затѣмъ, поселить хаосъ въ самомъ институтѣ. Русскій человѣкъ — восточный человѣкъ, коварный и жестокій, онъ напоминаетъ тѣхъ восточныхъ торговцевъ, которые, запросивъ съ покупателя въ десять разъ дороже настоящей цѣны, ошеломляютъ его, затѣмъ, великодушнымъ предложеніемъ взять вещь даромъ, и, затѣмъ, сбивъ его съ толку берутъ съ него въ пять разъ дороже. На такой выпадъ Мечникова можно было возразить только одно, что съ другой стороны и одураченный покупатель тоже долженъ быть русскимъ, но именно въ настоящее время, когда вся Россія подѣлилась на такихъ одураченныхъ покупателей и жестокихъ торговцевъ, можно, дѣйствительно, произнести страшный приговоръ надъ всѣмъ русскимъ народомъ. Торговецъ предметами первой необходимости ежедневно обсуждаетъ въ магазинахъ и на базарахъ расцѣнку ихъ на день, налагая обязательство на товарищей не преступать уговоренной цѣны. Мануфактуристы расцѣниваютъ по сезонамъ всѣ товары на расчетъ того, что они будутъ стоить въ будущемъ сезонѣ, если весь товаръ будетъ раскупленъ, а новаго неоткуда привезти. Крестьянинъ рассчитываетъ, сколько онъ можетъ взять за муку, если онъ задержитъ ее настолько, что въ городѣ начнется голодовка. Получается круговой грабежъ, причемъ не только цѣны растутъ до чудовищныхъ размѣровъ, но товаровъ часто совсѣмъ нельзя найти; товары исчезаютъ съ рынка для того, чтобы цѣны сдѣлали скачекъ. Въ конечномъ результатѣ русскіе финансы оказываются уничтоженными, всякія предпріятія становятся невозможными и культура начинаетъ исчезать безслѣдно въ странѣ. Конечно, со временемъ будетъ выдвинутъ одинъ факторъ — паника среди обезумѣвшей народной массы. Но, увы, когда видишь все это на дѣлѣ и вблизи, скорѣе примешь

миѣніе Мечникова, чѣмъ повѣришь огульному оправданію темной массы предавшейся паникѣ.

Интересную противоположность по темпераменту, характеру и самому складу ума былъ другой знаменитый зоологъ одесскаго университета, ушедшій отсюда въ Академію Наукъ — Александръ Онуфріевичъ Ковалевскій, прославленный въ своей наукѣ открытіемъ исходнаго фазиса позвоночнаго столба. Членъ разныхъ Академій Европы и Америки, и истинный ученый. Съ точки зрѣнія ученаго типа, Ковалевскій, въ противоположность Мечникову, не блисталъ остроуміемъ, но за то выдѣлялся своею ревностью и жаждою работы. Въ то время какъ Мечниковъ посмѣивался надъ милѣйшимъ Видгальмомъ-энтомологомъ, точнѣе, жукоморомъ или жуколовомъ, Ковалевскій имѣлъ въ душѣ страсть къ энтомологіи и собирательству. Мечниковъ чуждался всякой собственности, повидимому, побуждалъ своихъ къ распродажѣ родовыхъ имѣній, основываясь на сухихъ и жестокихъ расчетахъ, побуждалъ къ продажѣ большихъ лѣсовъ въ Кіевскихъ имѣніяхъ, не заботясь вовсе о томъ, какъ губительно это для юга Россіи, тогда какъ Ковалевскій хотѣлъ хозяйничать, пріобрѣсти имѣніе на югѣ, купилъ себѣ домъ на Молдаванкѣ, большой, хозяйственный и съ землею, но совершенно сырой, и все-таки упорно жилъ въ немъ. Одинъ былъ рѣзокъ, настойчивъ, шибкій человекъ, а другой тихъ, уклончивъ, до-нельзя мягокъ, и въ то же время необыкновенно настойчивъ и упоренъ; онъ извѣздилъ всѣ излюбленныя зоологами мѣста, интересуясь то скорпіонами для своихъ изслѣдованій, то мелкой морской фауной.

Преемникомъ Ковалевскаго сталъ потомъ извѣстный зоологъ В. Ф. Заленскій, впоследствии тоже членъ Академіи Наукъ и продолжатель высокаго научнаго направленія въ Одесскомъ университетѣ. Правда, на долю его и Ковалевскаго по счастью не выпадало такихъ жестокихъ испытаній, какія пришлось пережить самому Мечникову, по случаю разныхъ эпидемій. Самой любопытной была борьба, предпринятая земствомъ Новороссійскаго края съ жучкомъ „кузькой“, когда университетъ переполнялся земскими дѣятелями, искавшими помощи въ его лабораторіяхъ. Ничего подобного не выпадало на долю послѣдующихъ зоологовъ и они могли жить покойно, трудясь исключительно надъ научными изслѣдованіями. Къ сожалѣнію, общественная дѣятельность отнимала много времени у естествовѣдовъ, особенно химиковъ, милыхъ и симпатичныхъ людей, какъ Петръ Григорьевичъ Меликовъ, Петріевъ и др. Правду сказать, провинціальная жизнь, отсутствіе сотрудничества, перерывъ научныхъ связей, дѣйствовали разслабляющимъ образомъ на многихъ талантливыхъ людей, отвлекая ихъ мало-по-малу и окончательно отъ настоящихъ научныхъ работъ.

Хорошій геологъ, ставшій извѣстнымъ своими научными изслѣдованіями Восточной Россіи — Н. А. Головкинскій на нашихъ глазахъ совершенно покинулъ науку, отвлеченный отъ нея должностью ректора, а затѣмъ, послѣ неудачнаго ея исполненія, изъ-за политическаго положенія, бросившій вовсе университетъ и предавшійся въ Крыму, гдѣ онъ владѣлъ большимъ участкомъ земли, бесплодною земскою дѣятельностью.

Основательный физикъ О. Н. Шведовъ также бросилъ науку, занялся ректорствомъ и постройками университетскихъ зданій.

Чрезвычайно талантливый лекторъ и еще болѣе острый умъ, Робертъ Орбинскій — профессоръ философіи отдался цѣликомъ дѣлу завѣдыванія коммерческимъ училищемъ, покинувъ окончательно науку и литературу. Въ теченіе 20-ти лѣтъ я могъ достаточно наблюдать, какъ печально дѣйствовало на многихъ способныхъ къ научнымъ занятіямъ профессоровъ самое ихъ пребываніе въ Одессѣ, вслѣдствіе отчужденія отъ той научной среды Москвы или Петербурга, которая ихъ образовала. Легко было замѣтить, какъ сначала слабѣла научная дѣятельность и производительность, какъ затѣмъ люди отвлекались въ сторону отъ своихъ главныхъ и прямыхъ обязанностей по приготовленію и чтенію лекцій, по интересу къ преподаванію и занятіямъ студентовъ, какъ обострялось участіе молодого профессора во внутренней университетской политикѣ вмѣстѣ съ поисками новыхъ мѣстъ, а нерѣдко и уроковъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, и начиналось полное научное увяданіе человѣка живого и способнаго, остроумнаго и даже совѣстливаго. Еще естествовѣды имѣли свои лабораторіи, гдѣ, такъ сказать, поневолѣ проводили свое трудовое утро, тогда какъ математики и юристы обычно съ утра и до обѣда наполняли профессорскую лекторію, предаваясь тамъ, или пустой болтовнѣ на выхвалку другъ передъ другомъ, или интригамъ и университетской политикѣ, или еще хуже партійному злобствованію и заговорамъ. Такимъ путемъ Одесскій университетъ, имѣвшій собственно говоря, по своей новости и отсутствію въ самомъ городѣ той культурной закваски нашихъ провинцій, вродѣ Казани или Харькова, всѣ шансы сохранять извѣстную свѣжесть интеллигентной среды, распространявшейся изъ русскихъ центровъ, давалъ полный пустоцвѣтъ на другихъ факультетахъ, кромѣ естественнаго, и между тѣмъ на нихъ были талантливые и знающіе люди: большой знатокъ каноническаго права — Алексѣй Степановичъ Павловъ, политико-экономъ Вольскій, Леонтовичъ — будущій ректоръ, Богдановскій — тоже ректоръ, Власовъ умный и способный юристъ, А. С. Посниковъ, П. П. Цитовичъ. Большинство ихъ занималось исключительно преподаваніемъ, многіе стремились къ должностямъ ради власти и дополнительнаго содержанія, или искали дѣятельности на сторонѣ. То же самое было съ математиками: С. П. Ярошенко, съ 1881 года ставшій ректоромъ и палачемъ лѣвой партіи; В. Н. Лигинъ, занявшійся впослѣдствіи также политикой и бывшій попечителемъ округа.

Конечно, на этомъ однообразномъ фонѣ провинціальной профессуры, представлявшей монотонное отбываніе скучнаго дѣла преподаванія, малоподготовленному контингенту слушателей (съ Кавказа, изъ семинарій и т. п.) были и яркія пятна. Такъ, на нашемъ факультетѣ, для меня лично, большимъ утѣшеніемъ и особенно полезнымъ товариществомъ было присутствіе Ягича, въ продолженіи 5-лѣтняго его пребыванія въ нашемъ университетѣ. Было отрадно вести съ нимъ знакомство семьею, наблюдать его регулярныя занятія славянскими рукописями библіотеки, которыя онъ, видимо спѣшилъ использовать за время своего, имъ также расчитаннаго, срока пребыванія въ Одессѣ. Конечно, Ягичъ уже не былъ вовсе образчикомъ русскаго профессора и походилъ, напротивъ, на новаго германскаго ученаго, который, мѣняя свои мѣста преподаванія, расчитываетъ одновременно и свою научную дѣятельность, и свое

передвиженіє по научнымъ центрамъ. Правда, затѣмъ, въ такомъ передвиженіи съ цѣлью, хотя-бы и научнаго использованія матеріаловъ, представляемыхъ городами и странами, уже не было заложено того германскаго идеализма, которымъ прославились иные университеты Прирейнской Германіи, но все же была научная, слѣдовательно, идейная задача. Признаюсь, самъ я лично примкнулъ именно и цѣликомъ ко взглядамъ Ягича и смотрѣлъ на Одессу съ точки зрѣнія ея выгодъ и удобствъ для перваго періода собственной научной дѣятельности, или даже, скорѣе, своего посвященія въ науку своего предмета. Съ этой точки зрѣнія Одесскій университетъ, не требуя отъ меня слишкомъ многого, къ чему я, быть можетъ, и вовсе не былъ способенъ, какъ наприкладъ, быть талантливымъ и интереснымъ лекторомъ, наоборотъ, давалъ мнѣ самыя большіе ресурсы. Отсюда мнѣ было легко и въ какіе-нибудь два дня выѣхать за границу и даже на Востокъ: стоило только испросить у факультета заграничную командировку, правда, безъ всякаго пособія, ибо факультетъ былъ въ этомъ отношеніи самъ безпомощенъ, отэкзаменовать, затѣмъ, немногихъ студентовъ, и въ серединѣ Апрѣля уже можно было выѣхать на Кавказъ, или въ Константинополь и далѣе на Востокъ, или же черезъ Вѣну въ Италію, и уже тамъ освѣжить свою научную школу общеніемъ съ заграничными учеными, памятниками и собраніями. Конечно, была и обратная сторона этой выгоды мѣста: въ теченіе зимы, за исключеніемъ лекцій, мнѣ иногда не приходилось и слова сказать съ кѣмъ-либо по своему предмету; общее художественное невѣжество русской интеллигенціи было настолько глубоко, что знакомые люди стѣснялись даже задавать вопросы по искусству и его исторіи, равно какъ и по археологіи, несмотря на существованіе въ Одессѣ Общества Исторіи и Древностей. Но нѣтъ худа безъ добра, отчасти поѣтому у меня не было никакого интереса посѣщать, подобно другимъ, лекторію, съ иною цѣлью, чѣмъ просмотръ столичныхъ газетъ, въ ней получавшихся, и благодаря этому я сталъ рано относиться враждебно и къ дѣламъ университетской политики, къ которой сейчасъ перейду съ оговоркою, что лично интересовался ею весьма мало, враждебно относясь ко всѣмъ ея дѣятелямъ, какъ лѣвой, такъ и правой партіи, и по существу не интересуясь совершенно никакими университетскими должностями...

*

Не угрюмый, необыкновенно подвижной, даже юркій и жизнерадостный человекъ былъ знаменитый ученый іерархъ — Порфирій Успенскій, котораго я зналъ въ 1877 году, когда онъ пріѣзжалъ въ Одессу.¹ Мое воспоминаніе о немъ полно очарованія. Однажды, выходя изъ университета, я увидалъ архіерея съ панагіей, но въ убогой черной рясѣ, садившагося на извозчика; я узналъ, что это Порфирій, и черезъ часъ уже шелъ къ нему въ убогую гостиницу, гдѣ онъ остановился. Я провелъ у него не болѣе часу, но получилъ, можно сказать, благословеніе на ученые работы. Онъ тутъ же подарилъ всѣ свои сочиненія, какія съ нимъ были, прислалъ другія изъ Кіева, словомъ, отнесся ко мнѣ такъ, какъ относились пустытники Оиваиды къ своимъ соподвижникамъ.

¹⁾ Прим. ред. Передъ этой фразой — пропускъ по причинамъ, изложеннымъ въ предисловіи.

Заслуги Порфирія передъ исторической наукой вообще и русской въ частности, можно сказать, неисчислимы, а его роль на греческомъ Востокѣ могла бы составить блестящую страницу въ русской исторіи прошлаго вѣка, если бы русскіе историки что-нибудь знали по нашимъ восточнымъ дѣламъ. Совѣтую каждому русскому образованному человѣку читать по вечерамъ, когда мысль наша сколько-нибудь проясняется среди петербургскаго густого тумана и вѣковой затхлой атмосферы Москвы, „Книгу Бытія“ Порфирія Успенскаго въ семи томахъ, изданную неутомимымъ В. Н. Хитрово на счетъ Палестинскаго Общества; тамъ любознательный русскій прочтетъ, что въ 1847 году архимандритъ Порфирій молилъ Бога о дарованіи русскому царю разума для того, чтобы онъ даровалъ Россіи конституцію, на основаніи непреложныхъ и для него самого законовъ. Порфирій всю жизнь свою изнывалъ, жаждая дѣятельности, полезной государству и народу, церкви и странѣ, свободной отъ посягательствъ и мытарствъ русскихъ канцелярій и дикой злобы русскихъ властей.

Я зналъ также извѣстнаго палестинскаго подвижника архимандрита Антонина, и живо помню передъ собою стоящимъ, — маленькую, сухую, изможденную фигуру этого великаго хозяина русскихъ владѣній на Востокѣ. На скопленные и собранныя отовсюду суммы скупалъ Антонинъ не переставая земли и владѣнія, въ пустѣ лежавшія въ Яффѣ и Іерусалимѣ, Виѣлеемѣ, Горнемъ Іерихонѣ, Хевронѣ и пр. Въ бытность мою въ Іерусалимѣ, куда бы я ни задумывалъ выѣхать въ окрестности, арх. Антонинъ или провожалъ или ѣхалъ впередъ и устраивалъ тамъ въ своемъ владѣніи гостепріимную встрѣчу съ чаемъ, овечьимъ сыромъ, лепешками или хотя бы просфорами; вездѣ были у него свои люди, всюду процвѣтало хозяйство, со всего получалась польза. Онъ былъ большимъ любителемъ старины, искренно желалъ чему-либо научиться...¹

Одинъ лишь разъ за все время своей жизни я видѣлъ подлинно святого человѣка и даже снялъ съ него фотографію — это былъ затворникъ въ Синайскомъ монастырѣ, русскій солдатъ, выпущенный нѣкогда въ чистую, послѣ 50-ти лѣтней службы, и лѣтъ 10-ть уже жившій затворникомъ на Синаѣ. Въ день, когда ему приносили пищу, я прошелъ къ нему, разговорился, и такъ какъ, очевидно, онъ почувствовалъ все мое глубочайшее къ нему сыновнее почтеніе, то онъ послѣ краткой бесѣды согласился даже пойти ко мнѣ и выпить стаканъ чаю съ хлѣбцемъ. Единственный вопросъ, какой онъ мнѣ предложилъ, былъ такой: „а какъ, батюшка, у насъ уродился хлѣбецъ?“ Онъ рѣшительно отказался отъ моего предложенія сказать, откуда онъ родомъ, чтобы дать знать о немъ роднымъ въ Россію. Кратко рассказавши о самомъ себѣ, онъ затѣмъ замолчалъ и совершенно безучастно сидѣлъ молча у меня, пока не попросилъ разрѣшенія уйти отдохнуть къ себѣ.¹

*

Графъ Сергѣй Дмитріевичъ Шереметьевъ былъ очень любопытный человѣкъ, созданный или сотканный изъ самыхъ разнообразныхъ и доведенныхъ до крайности личныхъ особенностей. За время съ 1897—1912 годъ я имѣлъ случай узнать его очень близко и порою считалъ эти особенности даже не

¹) Прим. ред. Опушено по причинамъ, изложеннымъ въ предисловіи, нѣсколько строкъ.

личными, а типическими: большого помѣщика, знатнаго человѣка, тончайшаго придворнаго, словомъ, воплощеніемъ родовитаго типа въ Россіи. По временамъ, признаться, видя, какъ онъ идетъ по Невскому, какъ бы подпрыгивая своими полувыгнутыми, кочевническими ногами, я начиналъ думать, что, прежде всего, основной типъ шелъ отъ татарскаго князя. И, правда, тонкое и замѣчательное лицо Шереметьева, красивое по контурамъ, съ ноздрями, какъ бы надорванными (въ старину называлось это гугнивостью) напоминало восточное происхожденіе, и такими ноздрями отличаются иконы Кирилла Александрійскаго. Порою же мнѣ казалось, и теперь я это считаю болѣе правильнымъ, что Шереметьевъ былъ прежде всего типическимъ воплощеніемъ русскаго знатнаго барина, и недаромъ любилъ рядиться бояриномъ, и притомъ временъ Алексѣя Михайловича. Въ самомъ дѣлѣ, графъ былъ близкимъ пріятелемъ съ Александромъ III, когда тотъ былъ еще наслѣдникомъ, и они служили вмѣстѣ въ одномъ гусарскомъ полку. Неожиданная смерть Александра III дала, очевидно, основной мотивъ дальнѣйшему существованію графа. Императоръ Николай II, по вступленіи на престолъ, тотчасъ же попросилъ Шереметьева продолжать близкія отношенія къ нему самому и къ его семьѣ, но, видимо, опасался или даже прямо не хотѣлъ предложить ему какой-бы то ни было руководящій постъ. Понимая, однако, по своему роль приближенныхъ къ нему людей, онъ искалъ постоянно самъ связей съ Шереметьевымъ, приглашалъ его къ себѣ бывать безъ вызова, спрашивалъ его мнѣнія о ходѣ дѣлъ, а, можетъ быть, и о роли государственныхъ лицъ. Но всему этому царскому вниманію помѣхою была Императрица Александра Федоровна, какъ извѣстно, невзлюбившая сначала, а потомъ нетерпѣвшая своей свекрови, которая, между тѣмъ, оставалась всегда въ дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ. По своему обычаю, для всѣхъ другихъ высокихъ особъ очень непріятному, но для него самого наиболѣе подходящему, Николай II желалъ сохранить и жену и мать при себѣ, а равно пріятелей покойнаго отца и друзей жены. Мнѣ недавно старый университетскій служитель, бывшій курьеромъ, или, что называется „летючкой“, при встрѣчѣ сказалъ — „у меня, Ваше Превосходительство, тоже два сына: одинъ въ Петроградѣ — большевикъ, другой въ пространствѣ Россіи — доброволецъ, а я здѣсь у въ Одессѣ держу натралитетъ“. Такъ и Николай II держалъ нейтралитетъ у себя въ гостинной и въ пріемныхъ, и Шереметьевъ, чувствуя это, искалъ приблизиться къ нему, но на безотвѣтственномъ посту. Вотъ почему графъ Сергѣй Дмитріевичъ интересовался русскою иконописью до такой степени, что въ теченіе 10 лѣтъ считалъ свой интересъ къ ней главнымъ своимъ дѣломъ. Мысль объ этомъ подалъ ему впервые я самъ и мы уговорились поѣхать съ нимъ по иконописнымъ слободамъ Владимірской губерніи. Поѣздка состоялась въ 1899 году,¹ и такъ какъ она получила, со временемъ, рѣшающее значеніе для насъ обоихъ, а, можетъ быть, и для самой иконописи, то я войду въ нѣкоторыя подробности о ней, тѣмъ болѣе, что она сама по себѣ была не лишена интереса (см. мою записку „О положеніи русской иконописи“). Отсылая любопытствующихъ во 1-хъ, къ своей запискѣ, а во 2-хъ, къ протоколамъ

¹) Прим. ред. На самомъ дѣлѣ въ 1900 г.

Иконописнаго Комитета, скажу здѣсь кратко и безъ обвиняковъ, что все это экстренное дѣло возникло въ результатѣ синодальнаго разрѣшенія двумъ заводчикамъ русской ваксы, Жако и Бонакеру, изготовлявшимъ для ваксы и другихъ надобностей жестянки, печатать на жести иконы. Обѣ фирмы наперерывъ другъ передъ другомъ постарались заказывать лучшіе образцы иконъ въ русскихъ слободахъ, но чаще ограничивались покупкою иконныхъ экземпляровъ и, пользуясь полной свободой, воспроизводили ихъ на своихъ жестянкахъ. Конечно, слухъ шелъ о томъ, что они дали большую взятку кому надо въ Синодѣ. Конечно, всѣ иконописныя слободы взвыли отъ такой печатной конкуренціи своимъ художествамъ и даже фабричнымъ издѣліямъ, но что было гораздо важнѣе, сама иконопись стала направляться къ исчезновенію, такъ какъ ясно, ручной трудъ не можетъ соперничать съ машиннымъ печатаніемъ. Такимъ образомъ, судьба, или такъ называемый капитализмъ, капиталистическая система, осудила русское иконописное художество на смарку, и только современная война, разрушившая легко и наскоро устроенныя фабрики и заводы, задержала на нѣкоторое время полный разгромъ иконописнаго мастерства.

Приглядываясь вообще къ историческому ходу нашей русской культуры, я уже давно пришелъ къ заключенію, что она идетъ, видимо, на убыль, и количество культурныхъ цѣнностей въ Россіи идетъ постепенно понижаясь, но объ этомъ общемъ выводѣ скажу послѣ. Въ данномъ вопросѣ я имѣлъ слабость лично заинтересоваться сохранившейся у насъ живой стариною. Нельзя-ли хотя въ этомъ убогомъ ремеслѣ суздальскихъ богомазовъ сохранить нѣчто свое, что давно уже утратили европейскія страны: Франція съ конца XV вѣка, Германія и Англія послѣ Реформациі, Италія съ XVII вѣка, и даже греческій православный Востокъ въ концѣ XVII вѣка.

Мы поѣхали съ графомъ Шереметьевымъ въ концѣ мая, и погода щадила насъ только первые дни путешествія, а вернулись мы уже изъ нашей поѣздки, гонимые жестокими ливнями, превратившими болотистую почву Владимірской губ. въ рѣчки и озера. За то насъ принимали какъ настоящее начальство, благодаря тому, во 1-хъ, что графъ былъ въ это время уже членомъ Государственнаго Совѣта, и исправникъ Вязниковскаго уѣзда счелъ себя обязаннымъ сопровождать его въ своемъ экипажѣ впереди, съ провожавшимъ насъ В. Т. Георгіевскимъ.¹ Я ѣхалъ съ Шереметьевымъ и подъ drobный гулъ падаваго дождя слушалъ бывшее изъ его жизни. Крестьяне различныхъ деревень, уже на другой день нашего пріѣзда, получили свѣдѣнія о проѣздѣ графа и нерѣдко даже подъ лившимъ дождемъ выстраивались рядами по деревнѣ посмотриѣть. Я видѣлъ самъ, какъ одна баба при нашемъ приближеніи истово перекрестилась, и слышалъ, какъ мужикъ ей сказалъ, „что ты въ своемъ умѣ, чего ты на него молишься“ —

¹) Василій Тимоѣевичъ Георгіевскій извѣстенъ своими трудами въ области церковной археологии. Его перу принадлежитъ описаніе нѣкоторыхъ монастырей, среди которыхъ выдѣляется работа о фрескахъ Оералонтова монастыря. Состоя въ Иконописномъ комитетѣ, онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ Н. П. и иногда сопровождалъ его въ поѣздкахъ по церквамъ и монастырямъ. Послѣдніе годы служилъ въ Историческомъ музеѣ, занимаясь въ отдѣлѣ тканей, гдѣ собралъ обширные матеріалы по русскому старинному шитью. Умеръ въ Москвѣ въ 1925 году.

(Прим. С. К.)

„онъ, батюшка, царя видаеть“. Я помню, что не повѣрилъ этому умиленію. Конечно, это была ходебщица по обителямъ, тертый калачъ, знала какъ угодить и отвѣтить, а преданность свою русскому царю, надѣюсь, русскіе показали ясно, безъ прикрасъ, что она такое. Равно принимали насъ въ самихъ иконописныхъ слободахъ всѣ иконописцы, какъ мастера, такъ и заводчики съ почтеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ недоумѣніемъ и враждебными опасеніями, какъ-бы не пострадала коммерція и ихъ порядки. Но, правду сказать, и охоты не было не только вмѣшиваться въ эти порядки, но даже и близко всматриваться въ нихъ. Все безобразіе русскихъ кустарныхъ промысловъ, весь ужасъ ручного производства дешевки грозилъ угнетать всякое добросовѣстное изслѣдованіе, какъ экономическаго положенія, такъ и художественнаго уровня. Самымъ идеальнымъ типомъ иконописца былъ мастеръ, работающій сдѣльно вмѣстѣ съ однимъ или двумя подмастерьями на поставку крупному промышленнику. Мастеръ, набравшій учениковъ, уже становился производителемъ дешевки и эксплуататоромъ малолѣтняго труда. Еще тяжелѣе было осматривать большія мастерскія, такъ называемые заводы, и слушать рассказы о томъ, какъ заводы фолежнаго ремесла, т. е. выдѣлки иконъ съ украшеніемъ фольгою и искусственными цвѣтами, ухищряются поставлять ходовыя иконы по нѣскольکو копѣекъ штука.

Тѣмъ не менѣе, я лично получилъ много практическихъ свѣдѣній по иконописному производству, а главное — рядъ поучительныхъ фактовъ, идущихъ изъ глубокой старины и объясняющихъ на дѣлѣ формы древняго искусства и ихъ историческое сложеніе. Богатые иконописцы и заводчики, ожидавшіе нашего посѣщенія, предлагали нерѣдко у себя закуску съ чаемъ и даже держали запряженными заранѣе лошадей, чтобы отвезти насъ къ себѣ домой. Все это, конечно, сильно мѣшало самому обзору, но въ то же время, видимо, для самихъ иконописцевъ казалось понятнымъ праздникомъ: слухъ шелъ немного ни мало о томъ, что самъ царь прислалъ близкаго человѣка разузнать нужды русской иконописи.

Мы остановились въ Мстерѣ у самаго крупнаго чеканщика . . . и онъ за первымъ торжественнымъ обѣдомъ удостоилъ насъ рѣчи, обращенной къ графу, съ выраженіемъ радости по поводу нашего пріѣзда и единственнаго желанія хозяина получить отъ графа разрѣшеніе на осмотръ фамильнаго дворца въ Кусковѣ, въ окрестностяхъ Москвы. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи приложить на справку слѣдующій эпизодъ. Этотъ самый чеканщикъ не менѣе хлопоталъ и обо мнѣ, когда я, бывая въ Мстерѣ, у него останавливался. Разъ я пріѣхалъ въ Мстеру изъ Вязниковъ на извожикѣ, и онъ не хотѣлъ везти меня далѣе по иконописнымъ селамъ, а я опасался ѣхать въ телѣгѣ, зная по опыту, каково ѣздить въ ней по бревенчатымъ мостовымъ и гатямъ. Такъ вотъ, мой любезный хозяинъ выпросилъ при мнѣ у одного мстерскаго заводчика его рессорный экипажъ для меня, нѣжно выражаясь: „ужъ вы, Иванъ Петровичъ, оставьте политику, успокойте его превосходительство“. И вотъ, рядомъ съ этою заботливостью мнѣ пришлось выслушать впослѣдствіи иное откровенное мнѣніе мстерскаго крестьянина иконописца, въ лицѣ того же чеканщика, о дворянствѣ, и вотъ по какому поводу. У него былъ племянникъ, котораго фамилія прочила, пустить по привычному дѣлу. Не тутъ то было, онъ отпросился у дяди и поѣхалъ въ Петербургъ; что онъ тамъ дѣлалъ, мнѣ неизвѣстно, но, однажды

является ко мнѣ и тихимъ, еле слышнымъ голосомъ, какъ бы боясь себя утрудить и уронить свое достоинство, рекомендуетъ, какъ племянникъ моего мстерскаго знакома, и, когда я его спрашиваю, имѣеть-ли онъ до меня какую-либо нужду, онъ меня огорашиваетъ небывалою просьбою — „опредѣлить его въ летчики.“ Я даже привсталъ съ мѣста, прошелъ мимо него, подозрительно поглядѣлъ ему въ глаза и, завѣряя его всякими увѣщаніями, выразилъ, кажется ясно, что могу только пустить для него нѣсколько дѣтскихъ шаровъ, чтобы онъ могъ отъ меня вылетѣть изъ квартиры. Правда, дѣло было уже въ 1914 или 1915 году, когда русскій народъ уже ополоумѣлъ, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію. Нимало не смущаясь, онъ продолжаетъ приставать, увѣряя, что и дядя это одобряетъ, и меня просить, и его прислать ко мнѣ именно съ этимъ, что онъ бы никогда и не подумалъ идти ко мнѣ, если бы не дядя, и въ то же время называетъ мнѣ сильныхъ міра, именно Петербурга, которыхъ бы надо только попросить и его сейчасъ возьмутъ. Я спрашиваю. а гдѣ онъ теперь находится. Отвѣчаетъ, что онъ студентъ Варшавскаго Политехническаго Института и бросаетъ Институтъ потому, что страстно хочетъ идти въ летчики. Припоминаетъ, что главный покровитель этого дѣла въ Россіи в. к. Александръ Михайловичъ. Я тоже вспоминаю, что могу попросить въ такомъ случаѣ П. Н. Шефера, пользующагося особымъ расположеніемъ Великаго Князя. Пишу Шеферу на карточкѣ просьбу и отсылаю съ нею просителя. Черезъ три дня является — принять ученикомъ въ авіаціонную школу, получилъ содержаніе, вполнѣ устроенъ, будетъ учиться. Проходитъ не знаю сколько времени, является ко мнѣ опять — видите-ли, извелся совсѣмъ отъ теоретическихъ курсовъ, а до сихъ поръ не леталъ, видитъ только, какъ другіе летаютъ. Нельзя-ли сдѣлать, чтобы его отправили въ Севастополь, гдѣ летаютъ. На мое замѣчаніе, что успѣетъ еще сломить себѣ голову, даже не улыбается, настаиваетъ. Даю ему записку къ М. М. Ковалевскому. Какъ и на кого подѣйствовалъ Максимъ Максимовичъ не знаю, но только, не его одного, но и всѣхъ его товарищей вывезли въ Севастополь, гдѣ тогда была сосредоточена авіація. И вотъ, черезъ нѣсколько времени ко мнѣ приходитъ дядюшка съ заявленіемъ, что летаніе не пошло, племянникъ оказался неспособенъ по здоровью и авіацію бросилъ. Жалуюсь на племянника и сокрушаясь о немъ, дядя все задавался у меня вопросомъ: „И откуда это у его такая дворянность?“ Я переспросилъ „какая дворянность?“ „Ну, вотъ дрянность эта — дворянность“. Тогда только я припомнилъ изъ своего старческаго опыта, что, дѣйствительно, въ русскомъ народѣ куда какъ много, если не истинной „дворянности“, то „дрянности“, и полагаться на непритязательность, аскетизмъ и суровый приговоръ всякой „дворянности“ въ русскомъ народѣ то же самое, что вѣрить скромности и непритязательности какой-либо приживалки стараго времени. То сурово-аскетическое воздержаніе отъ всякихъ послабленій, которое мы знаемъ на родинѣ и во времена Катона, не можетъ быть удѣломъ ни русскаго барина, но и не русскаго мужика. Русскій мужикъ доселѣ раздѣляетъ вкусы и привычки тѣхъ варваровъ, которые съ разрѣшенія византійскихъ властей, въ IV вѣкѣ, переправляясь черезъ Дунай гостить у византійскаго императора, переодѣли своихъ дѣтей, по свидѣтельству византійскаго историка, сразу въ царскіе костюмы.

Наша собственная дворянность, или, если угодно, „дрянность“, помогла сохранить, однако, самую жизнь во время путешествія, когда мы выѣхали изъ Мстеры въ Холуй и Палехъ. Во 1-хъ, пошли дожди — можно было поднять верхъ фаэтона, а во 2-хъ, можно было, хотя шагомъ, проѣхать по бревенчатымъ мостовымъ, которыя, какъ то было и во времена Слова о Полку Игоревѣ, были настланы „по болотамъ и грязивымъ мѣстамъ“. Все это было въ обилии, и мы ѣхали иногда по сплошной водѣ, среди залитыхъ грязью деревень. Зато вездѣ встрѣчали радушный пріемъ, въ Холуѣ, у Н. Н. Харламова, устроившаго тамъ свою великолѣпную мастерскую артель и иконописную школу. Этотъ, по истинѣ, дѣловой владимірецъ, истинный художникъ, создалъ себѣ изъ этого дѣла своего рода подвигъ, увы, бесплодный, какъ и всѣ подвиги на русской почвѣ. Все, что Харламовъ дѣлалъ самъ, расписывая соборы, исполняя отличныя иконы, все пошло впрокъ, было хорошо скроено, ладно исполнено, но все общественное дѣло пошло на смарку, и слобода Холуйская возстала противъ его помощи въ силу вѣкового недоверія. Въ Палеховской слободѣ мы застали еще рядъ прекрасныхъ мастеровъ, накупили у нихъ иконъ, заказали еще больше, но были крайне огорчены пріемами мѣстнаго иконнаго фабриканта, извѣстнаго Сафонова. Этотъ главарь всѣхъ иконописцевъ, составившій себѣ большое состояніе, является, своего рода, археологическимъ извергомъ или Геростратомъ. Именно, Сафоновъ переписалъ въ 1870-хъ годахъ, и на глазахъ всей комиссіи, за нимъ наблюдавшей, всѣ раскрытыя фрески Успенскаго собора во Владимірѣ. Тотъ же Сафоновъ переписалъ до неузнаваемости (и тоже подъ наблюденіемъ художественно-археологической комиссіи) паперть Московскаго Благовѣщенскаго собора, и онъ же покрылъ гнусною иконописью стѣны Софійскаго собора въ Новгородѣ. Вида преступника онъ, однако, не имѣетъ и пользуется до сихъ поръ въ Синодѣ высшимъ авторитетомъ по украшенію русскихъ церквей. Результатомъ нашей совмѣстной поѣздки былъ въ послѣдствіи докладъ Государю о положеніи русской иконописи и мѣрахъ къ исправленію ея упадка и улучшенію этого положенія.

Докладъ этотъ состоялся утромъ послѣ пріема министровъ и продолжался около часу, чѣмъ, вѣроятно, утомилъ Государя. Но мнѣ было необходимо объяснить ему, почему именно не только правительству, но даже лично самому русскому царю слѣдовало въ то время озаботиться поддержкою иконописи, а главнымъ мотивомъ была необходимость созданія особаго иконописнаго комітета съ его личнымъ участіемъ. Но пока я выяснялъ Николаю II самое положеніе иконописи, я ясно видѣлъ, что онъ утомленъ, не вникаетъ вовсе въ представляемые резоны, и потому рѣшился сократить все представленіе и не говорить вовсе о томъ, какъ организовать эту помощь. Когда я закончилъ, Государь замѣтилъ только, въ видѣ вопроса, слѣдующее: „я думалъ о томъ, какъ назвать по русски ваше занятіе иконами — иконовѣдѣніе, не правда-ли?“ Это было все, чего мы дождались отъ Государя. Я поспѣшилъ прибавить въ видѣ вопроса тоже: „Ваше Величество, разрѣшите представить Вамъ особую записку“?, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, мы откланялись. Шереметьевъ, за все время аудіенціи не сказавшій ни слова, былъ, видимо, разочарованъ, и я долженъ былъ его, ѣдучи домой, успокаивать тѣмъ что государь, видимо,

былъ утомленъ, и говорить ему о дѣлѣ было неудобно, или бесполезно. Очевидно, графъ принялъ это къ свѣдѣнію и переговорилъ со своимъ родственникомъ и пріятелемъ, а въ то время всесильнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Сипягинымъ, который и попросилъ меня къ себѣ. На этой аудіенціи я рассчитывалъ изложить дѣло подробно, но и это не удалось, такъ какъ Сипягинъ прежде всего пожелалъ мнѣ показать свою новую столовую, украшенную пышно орнаментикою, въ такъ называемомъ византійскомъ стилѣ, подъ руководствомъ архитектора Султанова. Внутренно я могъ только пожалѣть о томъ, какъ искажено было зданіе второго или Николаевского ампира, но долженъ былъ подчиниться обязательной вѣжливости. Затѣмъ въ теченіе четверти часа я долженъ былъ изложить положеніе иконописцевъ въ зависимости отъ синодскаго распоряженія. Сипягинъ мало обратилъ на это вниманія, но ему, видимо, не понравилось выраженное мною желаніе, чтобы Государь, по старому обычаю, принялъ лично самъ нѣкоторое участіе въ дѣлѣ, и, когда я сталъ приводить ему резоны, онъ задумался; было видно, что это не входило въ его расчеты. Онъ даже предложилъ мнѣ съ самаго начала устроить комиссію при Святѣйшемъ Синодѣ, на что я ему сказалъ, что комитетъ устраивается въ извѣстномъ смыслѣ противъ Св. Синода, и, слѣдовательно, подчинить его оберъ-прокурору или какъ-нибудь связать его съ нимъ, считаю для своего участія, по крайней мѣрѣ, невыносимымъ. Тогда Сипягинъ, сославшись на множество дѣлъ, попросилъ меня въ видахъ формальной постановки дѣла начать особые переговоры и совѣщанія съ его довѣреннымъ чиновникомъ, директоромъ департамента общихъ дѣлъ В. Ѳ. Треповымъ, который будетъ, затѣмъ, министру ежедневно докладывать, пока мы выяснимъ. Я охотно этому подчинился, такъ какъ рассчитывалъ, что хотя у этого найдется наконецъ время вникнуть во всѣ обстоятельства довольно сложной конструкціи. Не могъ рассчитать я лишь одного, что хотя Треповъ и былъ умный человѣкъ, и слушалъ меня внимательно, и даже одобрялъ мои резоны, но тѣмъ не менѣе онъ былъ, прежде всего и болѣе всего, большой петербургскій чиновникъ, который постарался исполнить дѣло по чиновнической строгой программѣ. Эта программа не допускала того, чтобы русскій Государь принималъ самъ непосредственное участіе въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, ибо онъ въ такомъ случаѣ выходилъ изъ подъ власти чиновниковъ, или петербургской бюрократіи. Такъ оно и было потомъ выполнено, причемъ роль Государя была ограничена тѣмъ, что онъ самъ учреждалъ Комитетъ и внѣ какого бы то ни было вѣдомства, но всякое его личное участіе было устранено. Предсѣдателемъ Комитета былъ назначенъ графъ Шереметьевъ, долженствовавшій докладывать о дѣлахъ самому Государю, а я назначенъ управляющимъ дѣлами. А такъ какъ дѣло проходило внѣ канцелярій и некому было выдѣлить изъ проекта распоряженіе о двухъ назначеніяхъ, то и вышло, что вмѣстѣ съ положеніемъ Государь подписалъ на одномъ листѣ, какъ бы особымъ параграфомъ, эти два назначенія. Любители законоположеній диву дались, что указомъ Сенату мы двое съ графомъ утверждены на своихъ мѣстахъ безъ права нашего увольненія, иначе, какъ вмѣстѣ со всѣмъ комитетомъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, лично пришлось объяснять такимъ любителямъ простыя причины подобной исключительности. Мнѣ неизвѣстно, былъ

ли перепечатанъ этотъ указъ Государя въ полномъ собраніи свода законовъ, но если это было сдѣлано, то юристамъ оно доставитъ нѣкоторое развлеченіе въ законодательной практикѣ. Прибавлю кратко, что мы вновь являлись затѣмъ опять на пріемъ къ Государю съ графомъ Шереметьевымъ, представляя ему присланныя изъ селъ иконы. Государь смотрѣлъ ихъ уже съ большимъ интересомъ, заинтересовавшись особенно однимъ моимъ доводомъ противъ жестянокъ. А именно, я говорилъ ему, что при исключительно машинномъ производствѣ иконъ сама иконопись выйдетъ у насъ изъ употребленія, а потому, въ концѣ концовъ, останутся только однѣ ходовыя иконы святыхъ наиболѣе распространенныхъ, а тѣ православные, которые носятъ сравнительно рѣдкія имена, уже не найдутъ для себя въ лавкѣ иконъ своихъ ангеловъ и должны будутъ уже за дорогую цѣну ихъ особо заказывать...